

2022, № 5-1

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

научно–практический журнал

Журнал рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

научно-практический журнал • ISSN 2712-7559

Выходит один раз в два месяца

№ 5, том 1, 2022

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техноло-
гий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-78022
от 20.03.2020 г.
Подписка во всех от-
делениях связи России,
Казахстана, Украины и Бе-
лоруссии. Каталог «Пресса
России, индекс 33324.
Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения
редакции журнала.
Авторские материалы
рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за
собой право производить
сокращения и редакцион-
ные изменения рукописи
Точка зрения авторов
статей может не совпадать
с мнением редакции.
Ответственность за
достоверность рекламных
объявлений несут
рекламодатели.
Учредитель СМИ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Университет
дополнительного
профессионального
образования»
Адрес издателя, редакции:
160033, Вологодская обл.,
г. Вологда,
ул. Текстильщиков,
д. 20А, оф. 1
тел/факс: +7-495-361-72-37
izd-pegas@yandex.ru
Адрес типографии: ООО
«Коперник35», г. Вологда,
ул. Клубова, д. 7, пом. 4
© ООО «Университет
дополнительного
профессионального
образования»
Дата выхода в свет:
15.10.2022
Формат 210x297.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,5
Тираж 3000 экз.
Розничная цена: 1000 руб.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Соколов Алексей Павлович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Заместитель председателя:

Рыжов Игорь Викторович – доктор экономических наук, профессор, доцент кафедры экономики и управления Череповецкого государственного университета.

Члены редакционного совета:

Абдулкадыров Арсен Саидович – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского института «Управление, экономика, политика и социология» Дагестанского государственного университета народного хозяйства.

Алтухов Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом территориально-отраслевого разделения труда в АПК Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства.

Гридчина Александра Владимировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного управления и права Московского политехнического университета.

Дмитриев Юрий Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Митяков Евгений Сергеевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информатики института кибербезопасности и цифровых технологий МИРЭА – Российского технологического университета.

Разумовская Елена Александровна – доктор экономических наук, доцент, профессор, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Родинова Надежда Петровна – доктор экономических наук, профессор, руководитель образовательной программы «Управление персоналом», профессор кафедры менеджмента и государственного муниципального управления Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Савельев Игорь Игоревич – кандидат экономических наук, доцент, ведущий аналитик Центра исследований сетевой экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ).

Санду Иван Степанович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экономических проблем научно-технического развития АПК Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства.

Чеботарев Станислав Стефанович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Шкодинский Сергей Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

Главный редактор:

Соколов Алексей Павлович – доктор экономических наук, доцент.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности); 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки).

INDUSTRIALECONOMICS

scientific-practical journal • ISSN 2712-7559

It comes out 1 times a two months № 5, volume 1, 2022

The magazine is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS77-78022 of 03.20.2020 Subscription in all post offices of Russia, Kazakhstan, Ukraine and Belarus The catalogue "Press of Russia", index 33324

All rights reserved. Reprint of materials only with the permission of the publisher. Copyright materials are reviewed and not returned. The editors reserve the right to The editors reserve the right to make reductions and editorial changes to the manuscript. The point of view of the authors of articles may not coincide with the opinion of the editors. Responsibility for the accuracy of advertisements lies with advertisers.

Founder of the media: Limited Liability Company «University of Continuing Professional Education» Address of the publisher, editorial office: 160033, Vologda, ul. Tekstilshchikov, d. 20A, office 1 tel./fax: +7-495-361-72-37 izd-pegas@yandex.ru Printing House address: LLC «Kopernik35», Vologda, ul. Klubova, d. 7, pom. 4

© «University of Continuing Professional Education»

Date of publication: October 15, 2022
Format 210x297.
Offset printing.
Conv. oven I 14,5
Circulation 3000 экз.
Retail price: 1000 rub.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

Sokolov Aleksey P. – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Marketing Vladimir State University named after A. G. and N.G. Stoletovs.

Vice-chairman:

Ryzhov Igor V. – Doctor of Economics, Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Cherepovets State University.

Editorial Board Members:

Abdulkadyrov Arsen S. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Research Institute «Management, Economics, Politics and Sociology» of the Dagestan State University of National Economy.

Altukhov Anatoly I. – Doctor of Economic Sciences, Professor of the RAS, Head of the Department of Territorial-Branch Labor Division in Agro-industrial Complex, Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics.

Gridchina Alexandra V. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public Administration and Law, Moscow Polytechnic University.

Dmitriev Yuri A. – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management and Marketing of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov.

Mityakov Evgeny S. – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Informatics of the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies MIREA – Russian Technological University.

Razumovskaya Elena A. – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Professor of the Department of Finance, Money Circulation and Credit, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Professor of the Department of Economics and Management of the Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Rodinova Nadezhda P. – Doctor of Economics, Professor, head of the educational program «Personnel Management», professor of the Department of Management and State Municipal Administration Moscow State University of Technology and Management K. G. Razumovsky (First Cossack University).

Saveliev Igor I. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Analyst of RCNE, Faculty of Economics, Moscow State University named after M. V. Lomonosov (MSU).

Sandu Ivan S. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Economic Problems of Scientific and Technical Development of the Agro-Industrial Complex, Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics.

Chebotarev Stanislav S. – Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Life Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation.

Shkodinsky Sergey V. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of Moscow State Regional University.

The editor-in-chief:

Sokolov Aleksey P. – Doctor of Economics, Associate Professor.

Journal was included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published, on specialties: 08.00.05 – Economics and National Economy Management (by industry and field of activity); 08.00.10 – Finance, money circulation and credit; 08.00.14 – The world economy (economic sciences)

Научно-практический рецензируемый журнал «Индустриальная экономика»

«Индустриальная экономика» – российский научно-практический журнал общэкономического содержания. Основан в 2000 году как «Вопросы регулирования ТЭК: Регионы и Федерация» (до 2020 года), а с 2020 года носит современное название – «Индустриальная экономика». Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), индексируется в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (Россия), ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIALS DIRECTORY (США), JOURNAL INDEX.net (США), INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL (Польша), EBSCO Publishing (США).

Решением Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК при Минобрнауки России) журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки) (с 25.12.2020 «Индустриальная экономика» № 1128).

Основные темы публикаций:

- 08.00.00 – Экономические науки.
 - экономическая теория;
 - денежно-кредитная, инвестиционная и структурная политика;
 - социальная сфера;
 - экономика регионов;
 - экономика отраслевых рынков, антимонопольная политика;
 - экономика предприятия, проблемы собственности, корпоративного управления, малого бизнеса;
 - мировая экономика;
 - экономическая история

Аудитория: экономисты-исследователи; преподаватели и студенты вузов; аналитические подразделения крупных предприятий, корпораций и банков; руководители федеральных и региональных органов власти.

Авторы: ведущие ученые, крупнейшие представители отечественной и зарубежной экономической мысли.

Scientific-practical peer-reviewed journal «Industrial Economics»

«Industrial Economics» is a Russian theoretical and scientific-practical journal of general economic content. It was founded in 2000 as “Regulatory Issues of the Fuel and Energy Complex: Regions and the Federation” (until 2020), and since 2020 it has a modern name – “Industrial Economy”. The publication is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), indexed in: Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU (Russia), ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIALS DIRECTORY (USA), JOURNAL INDEX.net (USA), INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL (Poland), EBSCO Publishing (USA).

By the decision of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation), the journal was included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published, on specialties: 08.00.05 – Economics and National Economy Management (by industry and field of activity) (economic sciences); 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences); 08.00.14 The world economy (economic sciences) (since 25.12.2020, «Industrial Economy» No. 1128).

The main topics of research:

- 08.00.00 – Economic Sciences.
 - Economic theory;
 - Monetary, investment and structural policies;
 - Social sphere;
 - Regional economy;
 - Economics of industry markets, antitrust policy;
 - Enterprise economics, problems of ownership, corporate governance, small business;
 - World economy;
 - Economic history

Audience: researchers of economics and law; university lecturers and students; analytical and law departments of large enterprises, corporations and banks; leaders of federal and regional authorities.

Authors: leading scientists, representatives of Russian and foreign economic thought.

СОДЕРЖАНИЕ

КИРИЛЛОВА О. Ю., ШЕЛОУМОВ Д. В. Организация научно-технической поддержки развития национальных систем регулирования ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии.....	6
БАВРОВА О. С., ЯНКИНА И. А. Проблемы регулирования национальных экосистем: влияние зарубежных банков на банковскую систему в России.....	15
ВОЛОХОВ А. В. Роль образовательных услуг в повышении качества человеческого капитала: теоретический аспект.....	28
КОКОВ Н. С., ПИЛОВА Ф. И., БОЗИЕВ М. Т. Инновационное развитие агропромышленного комплекса на основе цифровизации и создания технологических платформ.....	34
ОЛЕЙНИК Г. В. Роль международных экономических объединений в обеспечении стратегических интересов Российской Федерации.....	39
ТРЕТЬЯКОВ О. В. Формирование алгоритма цифровой трансформации современной компании сферы услуг.....	48
ШАВРИНА Ю. О. Методические подходы к управлению финансовой устойчивостью коммерческих предприятий.....	56
МОЛЕВА М. М., БАРАНОВ В. В., ЧЖАО КАЙ Зоны развития новых и высоких технологий в стратегии формирования инновационной инфраструктуры китайской экономики.....	66
РАБАДАНОВА Д. А., ПАРХАДАНОВА П. М. Тенденции развития банковского кредитования реального сектора экономики региона.....	74
ХУЖАХМЕТОВА Г. Н. Эффективность институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве Российской Федерации.....	79
ДЫШЕКОВА А. А., ГАЕВА Ж. М., ПАЗОВА А. А., МУРАЧАЕВА С. З., БАЙСИЕВА Д. А. Глобальные тренды в экономической сфере.....	87
ДЖАБРАИЛОВ Д. Х., ИЛЬЯСОВА К. Х., ХАМУЕВА М. Х. Мотивация трудовой деятельности.....	93
СМОРОДИНА Е. А., ДОЛГИХ Ю. А. Налоговая политика России на современном этапе: специфика налогообложения малого бизнеса.....	98
ЧАЖАЕВА М. М., ИЛЬЯСОВА К. Х., БИБУЛАТОВА Л. А. Причины возникновения конфликтов в социально-педагогическом процессе.....	106
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА».....	112

CONTENT

KIRILLOVA O. YU., SHELOUMOV D. V. Organization of scientific and technical support for development national systems for regulating nuclear and radiation safety in the use of atomic energy.....	6
BAVROVA O. S., YANKINA I. A. Regulatory approaches to the national eco-systems: The impact of foreign banks on the banking system in Russia.....	15
VOLOKHOV A. V. The role of educational services in improving the quality of human capital: theoretical aspect.....	28
KOKOV N. S., PILOVA F. I., BOZIEV M. T. Innovative development of the agro-industrial complex based on digitalization and creation of technological platforms.....	34
OLEINIK G. V. The role of international economic associations in providing the strategic interests of the Russian Federation.....	39
TRETYAKOV O. V. Formation of the digital transformation algorithm modern service company.....	48
SHAVRINA YU. O. Methodical approaches to management financial stability of commercial enterprises.....	56
MOLEVA M. M., BARANOV V. V., ZHAO KAI Zones of development of new and high technologies in the strategy of forming the innovation infrastructure of the Chinese economy.....	66
RABADANOVA J. A., PARKHADANOVA P. M. Trends in the development of bank lending of the real sector of the regional economy.....	74
KHUZAHKHMETOVA G. N. Effectiveness of institutional change in intermunicipal cooperation of the Russian Federation.....	79
DYSHEKOVA A. A., GAEVA ZH. M., PAZOVA A. A., MURACHAYEVA S. Z., BAISIEVA J. A. Global trends in the economic sphere.....	87
DZHABRAILOV D. KH., ILYASOVA K. KH., KHAMUEVA M. KH. Motivation of labor activity.....	93
SMORODINA E. A., DOLGIKH YU. A. Tax russian policy at the present stage: specificity of taxation of small business.....	98
CHAZHAEVA M. M., ILYASOVA K. KH., BIBULATOVA L. A. Causes of conflicts in the socio-pedagogical process.....	106
RULES FOR DESIGN, PRESENTATION AND PUBLICATION ARTICLES IN THE JOURNAL «INDUSTRIALECONOMICS».....	114

УДК 621.039

Кириллова Оксана Юрьевна,

доктор экономических наук, профессор базовой кафедры Федеральной антимонопольной службы России, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Шелоумов Дмитрий Владимирович,

экстерн, базовая кафедра Федеральной антимонопольной службы России, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия; Научно-технический центр по ядерной и радиационной безопасности, г. Москва, Россия

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Статья посвящена проблемам формирования полноценной инфраструктуры атомной энергетики в государствах, являющихся заказчиками сооружения по российским проектам объектов использования атомной энергии. Рассмотрены вопросы системного управления обеспечением безопасного развития атомной энергетики. Представлены примеры эффективного сотрудничества Ростехнадзора с органом регулирования страны-новичка при создании объектов атомной энергетики и национальных систем регулирования ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии. Сформулированы рекомендации по развитию национальных систем регулирования ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии в мирных целях. Предложены сценарии взаимодействия ОНТП с органами регулирования иностранных государств.

К л ю ч е в ы е с л о в а : государственная политика; государственное регулирование; инфраструктура атомной энергетики; научно-техническая поддержка; обеспечение безопасного развития; страны-новички.

UDC 621.039

Kirillova Oksana Yurievna,

Doctor of Economics, Professor of the Basic Department of the Federal Antimonopoly Service of Russia, Russian University of Economics Named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

Sheloumov Dmitry Vladimirovich,

external student, Department of the Federal Antimonopoly Service of Russia, Russian University of Economics. Named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia; Scientific and Technical Center for Nuclear and Radiation Safety, Moscow, Russia

ORGANIZATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT FOR DEVELOPMENT NATIONAL SYSTEMS FOR REGULATING NUCLEAR AND RADIATION SAFETY IN THE USE OF ATOMIC ENERGY

The article is devoted to the problems of forming a full-fledged infrastructure of nuclear energy in the states that are customers for the construction of nuclear facilities according to Russian projects. The issues of system management for ensuring the safe development of nuclear energy are considered. Examples of effective cooperation between Rostekhnadzor and the regulator of a newcomer country in the creation of nuclear power facilities and national systems for regulating nuclear and radiation safety in the use of nuclear

energy are presented. Recommendations are formulated for the development of national systems for regulating nuclear and radiation safety in the peaceful use of atomic energy. Scenarios of interaction between ONTP and regulatory authorities of foreign states are proposed.

Key words: public policy; state regulation; nuclear power infrastructure; scientific and technical support; ensuring safe development; newcomer countries.

Энергия играет важнейшую инфраструктурную роль в достижении национальных целей социально-экономического развития, все направления которого – от сокращения масштабов нищеты и повышения уровня жизни до улучшения здравоохранения и повышения производительности в промышленности и сельском хозяйстве – требуют доступа к современным источникам энергии. Согласно современным прогнозам, глобальное потребление электроэнергии в мире к 2030 году увеличится на 65–100 %, причем ожидается, что наибольший рост будет происходить в развивающихся странах.

Многие государства – страны-участницы МАГАТЭ, не имеющие ядерной энергетики, проявляют заинтересованность в ее развитии в целях удовлетворения своих энергетических потребностей без роста зависимости от ископаемого (органического) топлива [8].

Впервые, после произошедшей одиннадцать лет назад аварии на АЭС «Фукусима-Дайичи», Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) пересмотрело свои прогнозы в отношении потенциального роста мощностей атомных электростанций для генерации электроэнергии в предстоящие десятилетия. Отмеченные в ежегодном обзоре МАГАТЭ изменения в этом секторе, обе-

спечивающем выработку низкоуглеродной энергии, еще нельзя в полной мере считать новой тенденцией, однако она формируется по мере того, как мир стремится уйти от ископаемых видов топлива в целях смягчения проблемы изменения климата. Многие страны рассматривают возможность внедрения ядерной энергетики, чтобы расширить объемы выработки энергии из надежных и экологически чистых источников.

В рамках оптимистического сценария, представленного в новом обзоре МАГАТЭ, ожидается, что мировые ядерные генерирующие мощности к 2050 году удвоятся и составят 792 гигавайт (ГВт) (чистая электрическая мощность) по сравнению с зафиксированным в прошлом году показателем в 393 ГВт [8].

Согласно этому документу, уточненные в 2021 году прогнозы отражают не только растущее признание проблем, связанных с изменением климата, но и важность ядерной энергетики в сокращении выбросов, обусловленных производством электроэнергии. Оптимистический прогноз МАГАТЭ, предполагающий удвоение ядерных мощностей к 2050 году, близок к прогнозу Международного энергетического агентства [9] (рис. 1, 2, 3) [6].

Electrical Capacity	2020	2030		2040		2050	
		Low	High	Low	High	Low	High
Total	7 837	10 079	10 079	12 841	12 841	16 590	16 590
Nuclear	393	366	470	378	629	394	792
<i>Nuclear as % of Electrical Capacity</i>	5.0%	3.6%	4.7%	2.9%	4.9%	2.4%	4.8%

Рисунок 1 – Общая мировая и ядерная электрическая мощность, ГВт

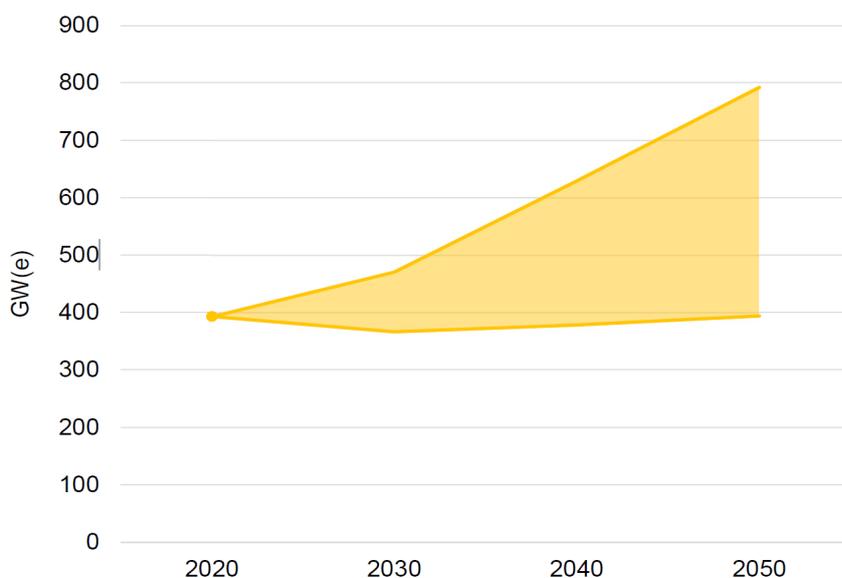

Рисунок 2 – Мировые ядерные генерирующие мощности

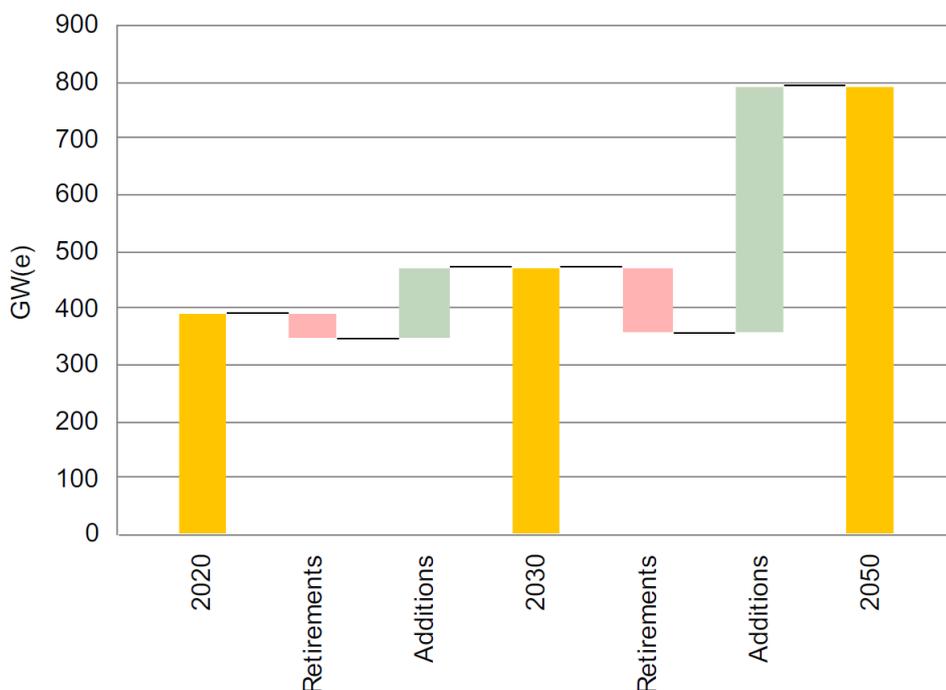

Рисунок 3 – Мировой ядерный потенциал: фактический, выведенный из эксплуатации и введенный в эксплуатацию

Решение начать ядерно-энергетическую программу является суверенным правом любой страны. МАГАТЭ не оказывает влияния на принятие этого решения. Но когда страна решает идти по этому пути, Агентство предоставляет руководящие материалы, консультации, обучение и услуги [7].

Около 30 стран, которые в настоящее время рассматривают возможность создания ядерной энергетики или приступают к

таким программам, работают с МАГАТЭ над внедрением этого надежного, безопасного и низкоуглеродного источника энергии, позволяющего развивать экономику устойчивым образом. «Страны, приступающие к развитию ядерной энергетики, имеют разный уровень готовности инфраструктуры, и наши программы поддержки помогают разным странам с учетом их особенностей в соответствии с конкретными потребностями», – счи-

тает Милко Ковачев, руководитель Секции развития ядерной инфраструктуры МАГАТЭ [5].

Осуществление ядерно-энергетической программы (ЯЭП) представляет собой серьезную задачу, решение которой требует тщательного планирования и подготовки, больших затрат времени, участия различных учреждений и привлечения значительных человеческих ресурсов. Это поднимает проблему управления ее реализацией и последующего регулирования международных отношений в данной области.

Решение о начале реализации ядерно-энергетической программы должно основываться на приверженности использовать ядерную энергию безопасно, надежно и в мирных целях. Это обязательство должно включать создание устойчивой национальной инфраструктуры, которая будет обеспечивать государственную, нормативно-правовую, регулируемую, управленческую, технологическую, кадровую поддержку, а также поддержку промышленности и заинтересованных сторон ядерно-энергетической программы на протяжении всего ее жизненного цикла.

Необходимая инфраструктура включает не только установки и оборудование, но и человеческие и финансовые ресурсы, а также правовую, экспертную и регулируемую основу, в рамках которой будет осуществляться программа. Стране, возможно, потребуются подготовить новое законодательство, нормы, правила и процедуры [8].

В настоящее время Российская Федерация успешно реализует государственную политику по расширению своего присутствия на международном рынке ядерных энергетических технологий. Возрастает количество стран, приступающих или планирующих приступить к использованию атомной энергии с применением российских технологий, и с которыми Российской Федерацией заключены межправительственные соглашения о сооружении объектов использования атомной энергии. Среди них Бангладеш, Белоруссия, Турция, Узбекистан, Египет, Вьетнам, Боливия, Иордания. При этом страны-заказчики требуют соответствия системы регулирования безопасности при использовании атомной энергии нормам безопасности МАГАТЭ.

Ключевые задачи, которые решает орган регулирования:

- разработка нормативных документов для государственного регулирования ядерной и радиационной безопасности;
- оценка и экспертиза безопасности;
- лицензирование;
- инспекции и надзор;
- правоприменение.

Деятельность в области нормативно-правового и экспертного обеспечения страны, реализующей ЯЭП, имеет первостепенное значение для безопасной и эффективной реализации проектов сооружения АЭС в согласованные сторонами сроки.

Именно в этом направлении видится перспектива развития сотрудничества российских организаций научно-технической поддержки (ОНТП) в области использования атомной энергии и предоставления всего комплекса экспертно-консультационных и строительно-эксплуатационных услуг странам-новичкам при их намерении создать у себя объект использования атомной энергии (ОИАЭ) и национальные системы регулирования ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии.

В части разработки нормативной документации необходимо создание полноценной, иерархически выстроенной регулирующей системы документов в области ядерной и радиационной безопасности, в части критериев и механизмов лицензирования, надзора, правоприменения, оценки и экспертизы безопасности, в соответствии с принятой в стране, приступающей к развитию ядерной энергетики, иерархической структурой нормативных документов.

Рассмотрим возможные риски государства-поставщика при реализации ЯЭП в странах-новичках в части дефицита регулирования деятельности по проекту сооружения и эксплуатации АЭС:

- отсутствие (дефицит) ядерных исследований;
- неготовность инфраструктуры, прежде всего в области разрешительной деятельности;
- отсутствие четкого определения границы применения законодательных и регуляторных требований к строящейся АЭС;
- отсутствие практики лицензирования новых АЭС;

– значительные противоречия разрабатываемых положений нормативных документов принятым проектным решениям;

– отставание развития регулирующей основы в странах-новичках, в которых реализуются зарубежные проекты сооружения АЭС, от графика проекта ее сооружения;

– отсутствие организационно-функциональной модели, соответствующей институциональному развитию экономики.

Мировая практика сооружения АЭС в странах, не имеющих полноценной инфраструктуры атомной энергетики, включая наличие органа государственного регулирования ядерной и радиационной безопасности, подтверждает целесообразность сооружения ОИАЭ «под ключ». Такой подход, в частности, предполагает передачу опыта и знаний, а также консультирование страны-получателя технологии со стороны страны-экспортера. В области регулирования безопасности при использовании атомной энергии такое содействие заключается в разработке нормативно-правовой базы, передаче практики и опыта лицензирования, осуществлении контрольно-надзорной деятельности, а также в подготовке персонала национального органа регулирования страны-импортера в указанных областях.

Сценарии управления безопасностью, в зависимости от исторического, культурного и научного развития страны-импортера, через нормативно-правовое регулирование государства-поставщика:

1. Следуя рекомендациям МАГАТЭ [1; 4] с целью ликвидации дефицитов регулирования деятельности по проекту сооружения и эксплуатации АЭС, в странах-новичках в качестве эффективной практики распространен подход использования регулирующих норм и правил государства-поставщика посредством утверждения указом правительства / приказом регулятора Лицензионного базиса проекта сооружения АЭС.

Если страна рассматривает строительство реакторов единого типа, целесообразно использовать в качестве основы для нормативной базы положения, применяемые в стране, которая уже имеет опыт, связанный с данной конструкцией. Примером может служить перечень технических нормативных правовых актов Республики Беларусь и нормативных правовых актов Российской Федерации,

устанавливающих требования к безопасному использованию атомной энергии, соблюдение которых оценивается при проведении контрольной (надзорной) деятельности при сооружении и вводе в эксплуатацию Белорусской АЭС [3].

2. Интеграция стандартов безопасности МАГАТЭ и НПА в области использования атомной энергии РФ в правовую систему страны импортера.

Иерархия применимых норм и правил на сооружение ЯЭП включает:

а) применимое ядерное законодательство стран-новичков;

б) стандарты безопасности МАГАТЭ;

в) применимые нормы и правила России, включая федеральные нормы и правила (далее – ФНП, нормы и правила) в области использования атомной энергии – нормативные правовые акты, устанавливающие требования к безопасному использованию атомной энергии, содержащие требования безопасности объектов использования атомной энергии, требования безопасности деятельности в области использования атомной энергии, в том числе цели, принципы и критерии безопасности, соблюдение которых обязательно при осуществлении деятельности в области использования атомной энергии.

В целях содействия соблюдению требований норм и правил в ОИАЭ органы государственного регулирования безопасности разрабатывают, утверждают и вводят в действие руководства по безопасности при использовании атомной энергии. Они содержат рекомендации по выполнению требований норм и правил в области использования атомной энергии, в том числе по методам выполнения работ, методикам, проведению экспертиз и оценке безопасности, а также разъяснения и другие рекомендации по выполнению требований безопасности при использовании атомной энергии (ст. 6 Федерального закона от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»).

Состав нормативной (лицензионной) базы страны-импортера и регулирующей системы документов МАГАТЭ и РФ в ОИАЭ представлен на рис 4.

Примерами демонстрации выполнения условия могут быть:

а) разработка плана формирования на-

циональной нормативно-правовой базы при поддержке Ростехнадзора и ОНТП;

б) формирование базы регулирующих требований и руководств по безопасности на стадиях размещения, сооружения и эксплуатации ОИАЭ;

в) приведение в соответствие с междуна-

родными обязательствами основных документов, касающихся обращения с ядерным материалом и ЯУ;

г) введение в действие нормативно-правовой и регулирующей базы в области обращения на ЯУ с РАО и ОЯТ.

Рисунок 4 – Состав нормативной (лицензионной) базы страны-импортёра и регулирующей системы документов МАГАТЭ

3. Гармонизация ФНП Российской Федерации со стандартами и рекомендациями МАГАТЭ, АЯЭ ОЭСР и WENRA подразумевает значительный объем работы, включая:

– проведение сравнительного анализа норм безопасности МАГАТЭ, требований безопасности WENRA и стандартов АЯЭ ОЭСР в соответствии с требованиями российских нормативно-правовых актов, используемых

при проектировании, сооружении и эксплуатации ОИАЭ;

– разработку экспертного отчета сравнения норм и правил РФ и международных организаций;

– разработку и внесение изменений в ФНП в области использования атомной энергии;

– представление РФ на зарубежных пло-

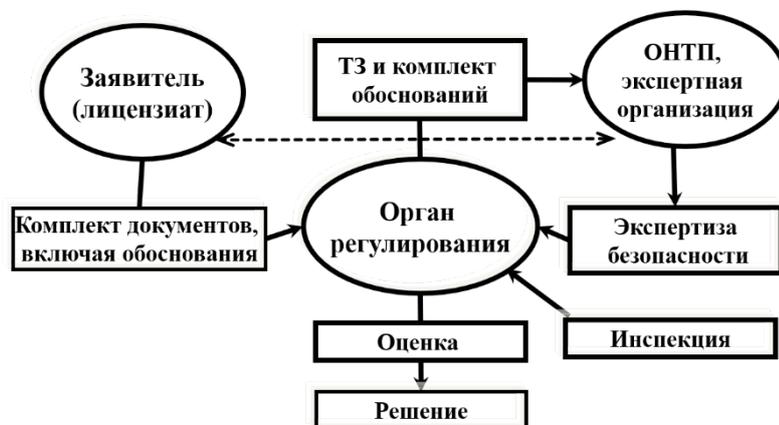

Рисунок 5 – Сценарий 1: схема процедуры лицензирования при взаимодействии в процессе принятия решений (на базе Административного регламента предоставления Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной услуги по лицензированию деятельности в области использования атомной энергии, утвержденного приказом Ростехнадзора от 08.10.2014 № 453)

щадках по обмену опытом между органами регулирования.

Возможные сценарии организации взаимодействия, минимизирующие риски, связанные с дефицитом регулирования деятельности в станах-новичках, рассмотрим на примере двух схем.

Сценарий 1 включает в себя:

- распространение опыта регулятора и деятельности ОНТП в ОИАЭ, включая процедуры проведения экспертизы и лицензирования на примере российского органа регулирования – Ростехнадзора (рис. 5);

- развитие сотрудничества с регулятором

и ОНТП государства-поставщика, в том числе в области референтного проекта и экспертизы безопасности.

Лицензирование должно осуществляться на основе независимой экспертизы документов, обосновывающих безопасность ОИАЭ. Такая экспертиза может проводиться с привлечением внешней ОНТП, имеющей опыт работы по аналогичным ОИАЭ.

Сценарий 2. Межведомственный проект развития регулирующей основы при содействии российской стороны – модель координации, представлен на рисунке 6.

Рисунке 6 – Сценарий 2 – модель координации в рамках межведомственного проекта развития регулирующей основы при содействии российской стороны

Одним из примеров эффективного и плодотворного сотрудничества Ростехнадзора с органом регулирования страны-новичка является научно-техническая поддержка Госатомнадзора Республики Беларусь со стороны российской ОНТП в рамках процедуры лицензирования Белорусской АЭС на этапах сооружения и ввода в эксплуатацию, которая заключалась в анализе и оценке документов, обосновывающих обеспечение ядерной и радиационной безопасности Белорусской АЭС, в формате «экспертизы безопасности».

Успешному выполнению экспертизы в отведенные для нее сжатые сроки, в связи с обязательствами Российской Федерации по сооружению и вводу в эксплуатацию энергоблоков Белорусской АЭС, согласно утвержденному межправительственному плану-графику, способствовало то, что работа выполнялась Научным учреждением «ОИЭ-

ЯИ – Сосны» Республики Беларусь в тесном взаимодействии с экспертами ОНТП России [2].

Результатом совместной научно-технической работы стало своевременное принятие органом государственного регулирования Республики Беларусь соответствующих регулирующих решений в отношении выполнения работ по сооружению и вводу в эксплуатацию Белорусской АЭС, что в свою очередь позволило Российской Федерации выполнить свои обязательства по межправительственному соглашению.

Такая научно-техническая поддержка со стороны российских ОНТП весьма востребована и крайне необходима органам регулирования стран-новичков. Это объясняется тем, что в государствах, впервые реализующих ядерные энергетические программы, зачастую отсутствуют или недостаточно раз-

виты научно-технические компетенции в области регулирования безопасности, а без результатов квалифицированной экспертной оценки (экспертизы), обосновывающих безопасность документов, принятие правильного регулирующего решения невозможно. Однако и сам орган регулирования должен обладать квалифицированным персоналом, способным технически оценить полученные от ОНТП результаты экспертизы.

МАГАТЭ ведет планомерную работу по оказанию экспертной поддержки странам-новичкам в формировании и развитии научно-технического потенциала в поддержку национальных регулирующих функций. Аналогичную деятельность осуществляет и Ростехнадзор во взаимодействии с ОНТП.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующий вывод: представляется целесообразным организовать управление развитием национальных систем регулирования ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии путем ведения параллельной деятельности страны-импортера (России) в лице Ростехнадзора (ОНТП) и МАГАТЭ в государствах, являющихся заказчиками сооружения по российским проектам объектов использования атомной энергии.

Данная деятельность является не дублирующей, а дополняющей и направлена на укрепление научно-технического потенциала органа государственного регулирования страны, впервые встающей на путь развития атомной энергии в целях устойчивого развития, во благо безопасности как в регионе, так и в мире в целом.

Список литературы

1. Государственная, правовая и регулирующая основа обеспечения безопасности: Общее руководство по безопасности № GSR Part 1 (Rev. 1). 2016.
2. Интервью генерального директора ГНУ «Объединенный институт энергетических и ядерных исследований – Сосны» Национальной академии наук Беларуси Андрея Кузьмина Белорусскому телеграфному агентству от 14.02.2022. URL: https://atom.belta.by/ru/news_ru/view/kuzmin-belarus-imeet-pul-spetsialistov-dlja-provedenija-ekspertiz-bezopasnosti-v-atomnoj-energetike-11657/ (дата обращения: 11.08.2022).
3. Перечень технических нормативных правовых актов Республики Беларусь и нормативных правовых актов Российской Федерации, устанавливающих требования к безопасному использованию атомной энергии, соблюдение которых оценивается при проведении контрольной (надзорной) деятельности при соо-

ружении и вводе в эксплуатацию Белорусской АЭС по состоянию на 30.12.2021. URL: <https://gosatomnadzor.mchs.gov.by/upload/iblock/967/perechen-tnpa-rb-i-rf-ot-30122021.pdf> (дата обращения: 05.08.2022).

4. Создание инфраструктуры безопасности для ядерно-энергетической программы: специальное руководство по безопасности МАГАТЭ № SSG-16, 2015.

5. Building Nuclear Energy Infrastructure in Novice Countries // IAEA Bulletin, 2020, November, vol. 61-4. URL: <https://www.iaea.org/ru/bulletin/sozdanie-infrastruktury-yadernoy-energetiki-v-stranah-novichkah> (дата обращения: 14.07.2022).

6. IAEA raises estimate of nuclear energy use by 2050. 2021. № 55. URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/pressreleases/magate-povyshaet-ocenku-ispolzovaniya-yadernoy-energii-k-2050-godu> (дата обращения: 11.08.2022).

7. Infrastructure development. URL: <https://www.iaea.org/ru/temy/razvitie-infrastruktury> (дата обращения: 11.08.2022).

8. National Nuclear Energy Infrastructure Development Milestones // IAEA Nuclear Energy Series, No. NG-G-3.1 (Rev. 1) STI/PUB/1704 | 978-92-0-410219-2. URL: <https://www.iaea.org/ru/publications/13587/vehi-razvitiya-nacionalnoy-infrastruktury-yadernoy-energetiki> (дата обращения: 11.08.2022).

9. Net Zero by 2050: A Roadmap for the Global Energy Sector // International Energy Agency, 2021. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/0716bb9a-6138-4918-8023-cb24caa47794/NetZeroby2050-ARoadmapfortheGlobalEnergySector.pdf> (дата обращения: 10.08.2022).

References

1. State, legal and regulatory framework for ensuring safety: General Safety Manual No. GSR, Part 1 (Rev. 1). 2016.
2. *Interview of the Director General of the GNU “Joint Institute for Energy and Nuclear Research – Sosny” of the National Academy of Sciences of Belarus Andrey Kuzmin to the Belarusian Telegraph Agency dated 02/14/2022.* URL: https://atom.belta.by/ru/news_ru/view/kuzmin-belarus-imeet-pul-spetsialistov-dlja-provedenija-ekspertiz-bezopasnosti-v-atomnoj-energetike-11657 (accessed: 08/11/2022).
3. *The list of technical regulatory legal acts of the Republic of Belarus and regulatory legal acts of the Russian Federation establishing requirements for the safe use of atomic energy, compliance with which is assessed during the control (supervisory) activities during the construction and commissioning of the Belarusian NPP as of 12/30/2021.* URL: <https://gosatomnadzor.mchs.gov.by/upload/iblock/967/perechen-tnpa-rb-i-rf-ot-30122021.pdf> (accessed: 05.08.2022).
4. *Creating a safety infrastructure for the Nuclear Energy Program: Special IAEA Safety Manual No. SSG-16, 2015.*
5. *Creating a nuclear energy infrastructure in novice countries. IAEA Bulletin, 2020, November, vol. 61-4.* URL: <https://www.iaea.org/ru/bulletin/sozdanie-infrastruktury-yadernoy-energetiki-v-stranah-novichkah> (accessed: 07/14/2022).
6. *The IAEA is increasing its assessment of the use of nuclear energy by 2050.* 2021. No. 55. URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/pressreleases/magate-povyshaet>

ocenku-ispolzovaniya-yadernoy-energii-k-2050-godu (accessed: 08/11/2022).

7. *Infrastructure development*. URL: <https://www.iaea.org/ru/temy/razvitie-infrastruktury> (accessed: 08/11/2022).

8. Main stages of development of the national nuclear energy infrastructure. *IAEA Nuclear Energy Series*, No. NG-G-3.1 (Rev. 1) STI/PUB/1704/978-92-0-410219-2. URL: <https://www.iaea.org/publications/13587/veh->

razvitiya-nacionalnoy-infrastruktury-yadernoy-energetiki (accessed: 08/11/2022).

9. Net Zero by 2050: A Roadmap for the global energy sector. *International Energy Agency*, 2021. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/0716bb9a-6138-4918-8023-cb24caa47794/NetZeroBy2050-ARoadmapfortheGlobalEnergySector.pdf> (accessed: 10.08.2022).

Bavrova Olga Sergeevna,

Postgraduate Student, Department of Digital Financial Technologies, Sberbank of Russia, Institute of Economics, Public Administration and Finance, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: hudyakovaos@gmail.com

Yankina Irina Alexandrovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Digital Financial Technologies, Sberbank of Russia, Institute of Economics, Public Administration and Finance, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: yankina_ia@mail.ru

REGULATORY APPROACHES TO THE NATIONAL ECO-SYSTEMS: THE IMPACT OF FOREIGN BANKS ON THE BANKING SYSTEM IN RUSSIA

The paper discusses the prerequisites for a new supervisory approach to national financial ecosystems, and also describes the main trends in the regulation of the banking industry in Russia and the world. The authors focus on factors that may hinder or facilitate the development of a platform national economy, in particular those that should be considered when including foreign participants and systemically important financial institutions or SIFIs in national ecosystems.

Key words: banking supervision; banking regulation; banking ecosystem management; a systemically important financial institution; national ecosystem; banking system; systemic risk; foreign banking.

Баврова Ольга Сергеевна,

аспирант кафедры цифровых финансовых технологий Сбербанка России, Институт экономики, государственного управления и финансов, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, e-mail: hudyakovaos@gmail.com

Янкина Ирина Александровна,

доктор экономических наук, профессор кафедры цифровых финансовых технологий Сбербанка России, Институт экономики, государственного управления и финансов, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, e-mail: yankina_ia@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМ: ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ БАНКОВ НА БАНКОВСКУЮ СИСТЕМУ В РОССИИ

В работе рассматриваются предпосылки нового надзорного подхода к национальным финансовым экосистемам, а также описываются основные тенденции регулирования банковской отрасли в России и мире. В центре внимания авторов находятся факторы, которые могут препятствовать или способствовать развитию платформенной национальной экономики, в частности те, которые следует учитывать при включении иностранных участников и системно значимых финансовых институтов или SIFI в национальные экосистемы.

Ключевые слова: банковский надзор; банковское регулирование; управление банковской экосистемой; системно значимая финансовая организация; национальная экосистема; банковская система; системный риск; зарубежный банкинг.

1. Introduction

As a consequence of digital, geopolitical and social challenges facing the modern banking sector and their increasing perplexity, governments and regulatory bodies are getting more and more ineffective in their attempts to deal with the emerging issues or to reduce their consequences. One of the reasons for this regulatory crisis is the tendency of financial institution, both in Russia and abroad, to enlarge their structure and increase capital due to the procedures of mergers and acquisitions, as well as through attaining wider market coverage and consolidating into banking groups and huge financial holdings [4, p. 77]. On the other hand, a global trend for digitalisation has resulted in an increased number and wider coverage of financial and non-financial services by all-encompassing, cost-cutting and labour-efficient banking eco-systems [3, p. 175]. In Russian Federation, such financial eco-systems were initially introduced and spread by incumbent banks and systemically important financial institutions (further abbreviated as SIFIs) [2]. The key operators of business sectors are involved into dynamic business models and financial ecosystems, aiming at both financial and non-financial services, to provide its owners the value added benefits in gaining business competitiveness [3, p. 177].

Thus, it has become obvious that the necessity to elaborate and adopt a new more effective approach to the supervision of banking ecosystems, especially the ones that involve SIFIs and other vital parties, has become an urgent necessity rather than a luxury. Governments and regulating bodies are constantly seeking methods and elaborating more profound algorithms to both foster the development of nationalised financial or banking ecosystems in order not to hinder the industry growth, and to hedge and mitigate the risks that are brought by growing span of financial and non-financial participants of the enlarging and all-encompassing banking ecosystems.

This paper attempts to show the main trends in financial ecosystem regulation and digital data governance and the background for the development of the national banking ecosystem in Russia and abroad. The aim of the research is also to outline the principles of national ecosystems supervision as well as to argue that such a national unified ecosystem may be seen

as both a challenge and an opportunity for the state and economy as a whole. Moreover, we will focus on the benefits and drawbacks of the regulatory approach suggested by the Bank of Russia [1] on the grounds of designing and creation of the unified national ecosystem of financial and banking services monitored by the Central Bank.

2. Materials and methods

2.1. The conceptual background of the national financial ecosystem

In such countries as the USA and China, which are considered the pioneers of FinTech and largest ecosystem development platforms, the problem of rules and regulations, applied to financial ecosystems with a variety of FinTech providers involved, is still considered unresolved. The reason for that is the barely regulated but rapid development of banking ecosystems with regard to interconnection, increased systemic risks and complexity within the ecosystems. Such circumstances might easily create a significant legal bargaining with other business models, pose challenges to the competitive business and financial environment, make the producer dependent on the rules and tariffs of ecosystems, or even irretrievably bind consumers to eco-systems and often latently determine their consumption models.

Furthermore, some researchers have also highlighted the higher systemic risk and the risk of banking system contamination due to the growing interconnection among financial institutions which may trigger the propagation of shocks in the banking industry and the whole financial network [7]. In this regard, the absence of a strong and unified national ecosystem would be seen as one of the major obstacles on the way of technological development. In such countries, the "issue of protecting national producers" and the ways to efficiently connect them to the local banking and financial services is particularly acute [1]. That is why even in the countries of origin of global ecosystems, like the USA and PRC, the issue of regulating the activities of both their own and foreign ecosystems is on the priority agenda of both governmental regulators and antimonopoly bodies.

The methodological approach applied in the study is a mixed methodology based on a time-series data analysis, comparative design and case study analysis used to assess the extent to which various factors affect the regulation of

national eco-systems. Case study analysis of one of the foreign banks, which make up the national ecosystem and is listed in the Russian SIFIs, such as Raiffeisen Bank International, was conducted in order to provide an opportunity to advance our knowledge of factors, which may threaten the development of national financial eco-systems.

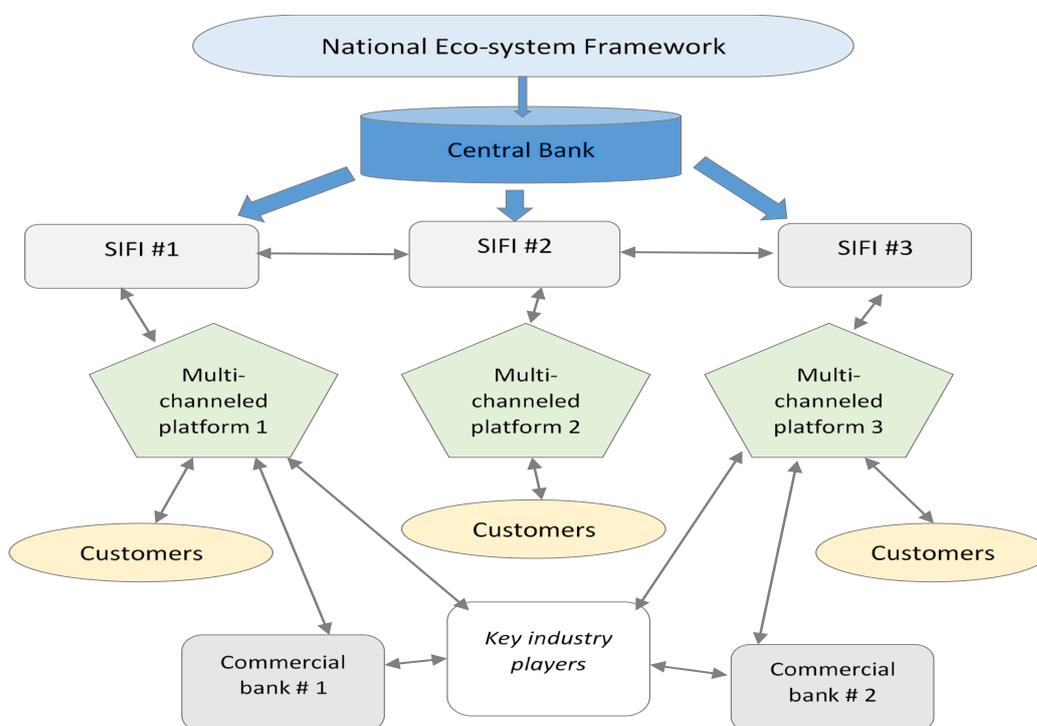
2.2. The proposed model of national financial ecosystem

Within the scope of the following research paper, a national ecosystem is viewed as a centralised economic structural entity, encompassing the principles of both natural and digital ecosystems, which is created and propagated through complex and flexible omni-channelled platforms under the maintenance of key players of banking and financial sectors

of economy and under the supervision of the national Central Bank.

Based on the abovementioned approach, a new model of financial or banking ecosystem would combine various areas of activity through interrelated financial and digital data resources and supporting instruments. The resources may include the following (Figure 1):

- customer database and the related big data services;
- personalized consumer experience;
- digital platforms (involving mobile platforms);
- interfaces for all the participants;
- digital algorithms of digital data transaction and verification;
- user authorization methodology;
- software and hardware infrastructure;
- affiliated assets.

Source: developed by the author

Fig. 1. The building blocks of Russian national eco-system. Source: developed by the author on the basis of [1]

In accordance with the new approach to the national financial ecosystem framework, the assets and resources consequentially allow banks to improve existing services, as well as to create the new ones, which may be more convenient and efficient, providing a wider range of affordable personalized products for all types of consumers.

2.3. Advantages and disadvantages of national eco-systems

The transformation from traditional economy to a platform-based economy with incorporation of various ecosystems is currently witnessed in most world markets and is an inevitable sequence of, firstly, the accumulated technological advances, secondly, the demand for changes, thirdly, the removal of geographical barriers from the demand side, and finally, the exhausted capabilities of conventional business models [9].

As a rule, an ecosystem includes a variety of platforms, which may give clients omnichannel access to necessary products and services (such as financial products, mobile services, real estate, renting, healthcare, education, travelling, commuting services etc.), both online and offline. Unique ecosystem may be built around one singular basic need or several necessities, like additional documentation assistance, mortgage

services, design and cleaning support, which may be centred on the demand for real estate for individual physical clients, as well as legal entities. The key element of an ecosystem would be the creation and maintenance of the unified “client’s profile”, which encompasses the extensive database on the type of purchases within the eco system itself, the prototype of which is presented in figure 2

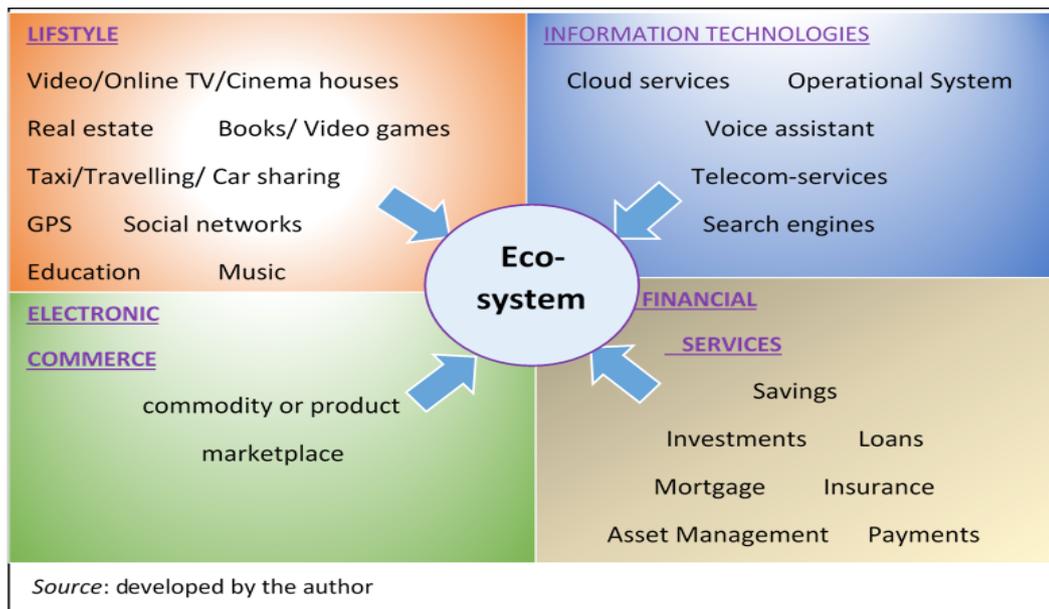

Fig. 2. The prototypes of the major services of eco-systems. Source: developed by the author on the basis of [1]

Considering all the factors of an eco-system, it can be concluded that the main objective of any initially launched and efficiently operating ecosystem is the conceptual framework of a co-related and co-dependent system, which will enable the wider range of transactions within and beyond the system. According to the report by the Bank of Russia [1], the main drawbacks of any eco-system, including the national eco-system, may include the following aspects:

- unprofitability of the ecosystem at an early stage of development (though it is recognized and the risks are all counted taking into account the benefit of rapid attraction and inclusion of new clients and suppliers);
- high costs of designing, launching and maintaining them, however the economy of scale will help to repay these costs later after the platforms within the ecosystem are effectively operating;
- incorrectly perceived concept of ecosystem services among common users, which is based mostly upon the misunderstanding that platform-provided services are uncharged.

Of course it is not true, as in this case, the form of monetization for the platform is either advertisement (i.e., the customer pays by giving their attention) or the platform commission which is already included in the price of the purchased product or service;

- rather a challenging issue of finding a balance between the interests of consumers and suppliers, managing internal conflicts of interests during the operation of the platform;
- an absence of understanding of the main principles that will regulate the ecosystem and guide the its key participants;
- considerably higher systemic risks due to the inclusion of an impressive amount of inter-related and co-sufficient players (financial and non-financial) on the eco-system’s platforms. The new approaches to mitigate the systemic risk in the banking sector should be elaborated to prevent the contamination of all the participants of the eco-system.

Among the advantages of platform-based ecosystem suggested by the Bank of Russia, it would be reasonable to highlight the following:

– an overwhelming enhancement of the quality of life of consumers due to the fact that services are more accessible, goods owing to higher competition among suppliers are less expensive and the choice of products is wider;

– increased reliability of services provided by the ecosystem platform due to the shift from the initial “bulletin board” format to a centralized platform-based complicated model with established and clear platform rules for suppliers at all levels;

– the creation of new final user habits along with the formation of the digital platform market, which have already become the characteristic feature of the platform-based business model;

– overwhelming opportunities to combine a number of platforms into a unique eco-system, including offline services that complement online ones and provide an end user with a new quality of customer experience: no need to register separately on each platform as ecosystem uses a single end-to-end client identifier which is mainly located in a single mobile application generally known as a Super App.

– time-saving techniques can enable a client to find all the necessary individually-prepared products and services on a single platform, on the grounds of the personalized offer on the platform based on the “client’s profile”;

– maximum benefits for the small and medium enterprises based on the concept of wider markets that suppliers might have never entered due to geographical barriers;

– additional support of ecosystem platforms enables small and local enterprises to be involved into the system, which not only removes territorial restrictions, but also provides businesses with enhanced logistics and warehouse services;

– a surplus role of ecosystem as a business incubator, which would help start-ups and entrepreneurs with business registering and would provide consulting. Moreover, various ecosystem platforms may also endeavour and combine the functions of marketing, advertising, promotion, call centres and client support, thus enhancing the development of the whole system.

Therefore, the platform-based ecosystem presents manufacturers a superior and unique technologically advanced framework, which “requires significant investments, as well as multiple inter-related services”. Based on economies of scale and consumer behaviour, individual manufacturers may soon find ecosystem

platforms more profitable in comparison with an independently built value chain to the client.

2.3. The innovative regulatory approaches to national ecosystem in Russia

The possibility and form of entry of financial organisations (banks and SIFIs) into the ecosystem market depend on the severity of banking governance and financial regulation in a particular jurisdiction. In our country, extensively growing financial institutions have a tendency to mutate into Tech companies and then create their own eco-systems, which provide financial and non-financial services, as well as carry out joint projects with Internet companies. Based on the analysis of the business models of the biggest Russian and foreign eco-systems, it can be concluded that they all operate according to a hybrid model, combining open and closed platform segments. So, for example, financial services are mostly provided at the closed and state-regulated platforms (either by the ecosystem itself, or by the partnering financial institutions), while commodity marketplaces within these ecosystems operate according to an open model, while the ecosystem itself acts as a supplier of mobile communications or messengers [1]. The main risks brought by the development of the platform-based economy are divided into:

– risks for individuals – customers of ecosystems;

– risks for individuals who are not clients of ecosystems;

– risks for suppliers – participants in ecosystems that produce a service or product;

– risk for the whole system and systemic cornerstones;

– risks for providers of services or goods not included in ecosystems;

– risks for the economy as a whole;

– risks of technological solutions monopolization.

The main risk for ecosystem clients and platforms consumers is a sharp decrease in the possibility of choice, caused not so much by complexity as by the lack of desire to “switch” and look for the necessary goods and services outside the ecosystem perimeter.

As illustrated in figure 1, national ecosystem in Russia would include a variety of systemically important financial institutions (or SIFIs). According to the decree of the Bank of Russia No. 3737-U dated July 22, 2015 “On the Methodology

for Determining Systemically Important Credit Institutions”, SIFIs are defined as the largest credit institutions, the stability and efficiency of which affect the banking system and state economy as a whole [6]. All the financial activities of SIFIs in our country are under control of the Bank of Russia within the acts of the decree No. 5778-U “On Determining the List of Systemically Important Credit Institutions”. The key principles for listing banks as systemically important are the size of the credit institution and the amount of funds raised, including private deposits. For the present day, SIFIs in Russia amount to 13 banks, four of which are banks with full international shareholders ownership:

- Rosbank owned by the Financial Group Société Générale, France;
- Raiffeisen Bank International, Member of RBI Group, Austria;
- Tinkoff neo-bank, owned by TCS Group Holding PLC, Cyprus;
- UniCredit Bank, owned by UniCredit PLC. Group, Austria.

The major scenario for national eco-system, suggested by the Central Bank of Russia, evolves from the concept of a total and overwhelming participation of the Bank of Russia on all stages for regulating the financial and banking activities, and SIFIs are at the cornerstones of the system. Initially, the Bank of Russia attempted to create a list of the largest banks or SIFIs in 2014. Then, that first list included 50 credit institutions at once. Their contribution to the banking system was assessed as significant, and various criteria were taken in account to justify unconditional reliability. Though, many of those banks were deprived of licenses in 2014, 2015 and 2016, as a result, the Central Bank had to reconsider its approach to determining SIFIs, thus, the list was reviewed annually since 2015. At the time being the SIFIs include 13 largest banks, both local and foreign, state-owned, private and with partial state ownership, which collectively account for more than 77% of the total assets of the Russian banking industry.

The optimal system of the Russian market would be launched and controlled by the mega-regulator or the Bank of Russia, which can eventually imply the harder stipulations and regulations for banks on all the levels from SIFIs to smaller commercial banks. If the regulator allows foreign banks to participate in the Russian national ecosystem – such as Rosbank,

Raiffeisen, UniCredit or Tinkoff bank – then all possible plans for the regulator’s participation in controlling the ecosystem and the requirements or limits for access to it for foreigners must be considered in advance. There would be additional risks to the banking system itself; moreover, the whole idea of participation of foreign banks in local ecosystem should be reconsidered in case the threats and risks are too high for the economy and banking sector to bear.

2.4. Case study of key ecosystem indicators of Raiffeisen Bank International

The internationalisation of banking activities has been acknowledged as one of the most distinguishing trends in this industry for the last decade [4]. The main causes of risks incurred by the participation of foreign banks in the Russian national ecosystem are centred on a certain number of micro-economic and financial indicators, which may demonstrate the precarious trends within the business model of a foreign bank. The risk incurred by the foreign financial institution, due to the systemic risk substantial growth, may also effect the ecosystem built on the participation of foreign banks. Close attention to the particular variables and measures may help to predict the insecure behaviour of financial institutions and thus mitigate the risks of participation of foreign banks in national eco-systems. The chosen indices are found in open sources and include the following:

1) CAR or capital adequacy index (N1.0 and Basel III) (a measurement of a bank’s available capital which is a percentage of a bank’s risk-weighted credit exposures. It should protect depositors and maintain the stable and efficient way of a financial system. It includes the 2 types of capital: Tier-1 capital, which absorbs losses without a bank being required to cease trading, and Tier-2 capital, which covers losses in case of liquidation. The formula is the sum of Tier 1 capital and Tier 2 capital (which is an equivalent of the Total capital) divided by Risk weighted assets;

2) total assets (which is an indicator of a bank size) and total equity;

3) operating income, Net Income (operating income less any other non-operating expenses, such as interest and taxes) and income taxes;

4) liabilities;

5) LDR or loans to deposits ratio (used to assess a bank’s liquidity by comparing total loans to total deposits during the similar period

and is formulated as total loans divided by total deposits; the ideal loan-to-deposit ratio is 80% to 90%);

6) LAR or loans to assets ratio (measures the total loans outstanding as a percentage of total assets; the higher ratio indicates a bank is loaned up and its liquidity is low, so this bank would be more risky to higher defaults; previous studies have found that the LAR is negatively associated with cost efficiency but positively with revenue efficiency [9]);

7) NPE ratio (non-performing exposure ratio, including bonds, which identifies the amount of non-performing loans to total loans; all banks are sorted by their nonperforming loans exposure (NPE) ratio, which is European Central Bank's Asset Quality Review (or AQR) – adjusted NPE level as percentage of total credit exposure);

8) ROE or return on equity before and after tax (measures the profitability on accounts of stockholders' equity, calculated as Net Income divided by Average shareholder's equity and identifies the amount of risk, such as a very high ROE indicates higher risk, as a bank possesses a small equity amount in comparison to its net income, or that it has inconsistent profits, debt excess or a negative net income);

9) ROA or return on assets ratio (applied to banks because the cash flow analysis is more difficult to construct thus it is an important profitability ratio, indicating the per-dollar profit a bank earns on its assets; since banks are

highly leveraged, ROA of 1 to 2% may indicate significant revenues and profit for a bank; is calculated as net income divided by total assets);

10) Profit or loss before and after taxes, as well as consolidated profit;

11) Cost to income ratio;

12) RWA or risk-weighted assets (specifies the minimum amount of capital kept by a bank to lower the risk of insolvency);

13) Total capital ratio, also known as capital adequacy ratio;

14) The number of employees and business outlets as indicators of stable growth and efficiency of a chosen financial institution.

2.5. Raiffeisen Bank International indicators analysis

Founded in 1827 in Vienna, Austria, Raiffeisen Bank International is one of the largest Austrian banking group and an efficient commercial bank. The first brunch in Eastern Europe was opened in 1938, while after 2000 the group has expanded its presence in over 14 countries of Central and Eastern Europe and later, in 2003, all the branches have been united under one brand name and company Raiffeisen International. In Russia, the group has opened its first subsidiary in 1996 and currently they have 5 brunches and over 115 subsidiary offices [8]. The website of the Central Bank of the Russian Federation affirms "the ultimate owners of Raiffeisen Bank International (shortly RBI) are about 1,700,000 shareholders – unrelated individuals, each of

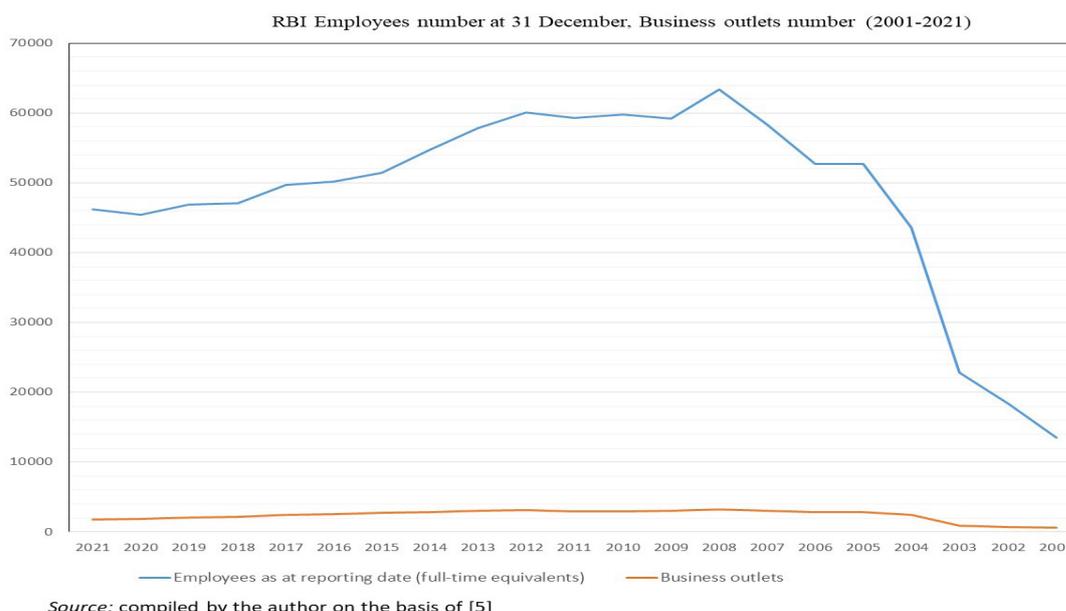
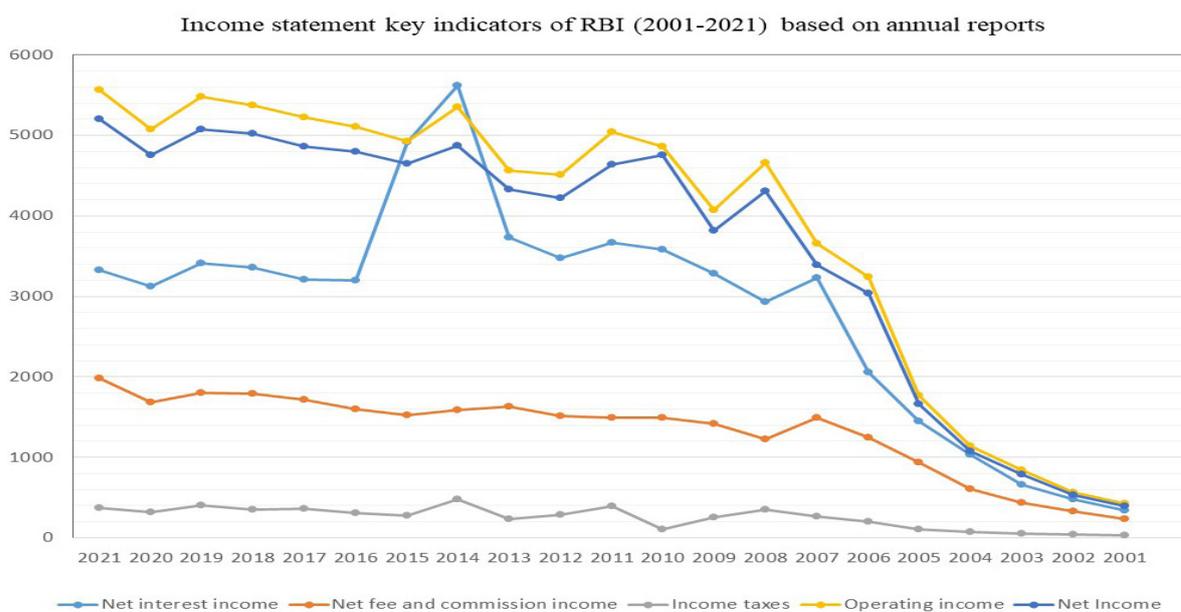

Fig. 3. Financial indicators of Raiffeisen Bank International (RBI), assumed from the annual report data (2001-2021)

which does not directly or indirectly own more than 20% of the authorized capital.” Raiffeisen Bank International is an absolute owner of the Russian Raiffeisen Bank. At present, the bank has the 10th position in Russia in terms of assets, which, on the basis of the fourth quarter of 2021, were estimated at almost 1.6 trillion roubles. The bank’s net profit over the past year increased by 7.6% – to a record of 41 billion roubles, following the IFRS financial statements. The analysis of annual reports of the Raiffeisen International Bank has revealed the main trends among the chosen variables. It is supposed that due to the close attention to the specific ratios and indexes, peculiar tendencies might be noticed that later can indicate the higher risk of incorporation of financial institution with foreign participation in the creation of Russian national banking ecosystem. International activities of SIFIs which have foreign participation in their equity should

be carefully monitored from the aspect of all the above mentioned factors and indexes.

The bank’s efficiency looks promising as the number of retail outlets has been growing steadily since 2001, while the amount of employees peaked in 2008, then started to go down supposedly as the aftermaths of the 2007-2009 debt crisis and financial breakdown of 2014. Based on the annual report 2021, there are 46185 staff members working in 1771 business outlets worldwide compared to 13478 workers and 604 offices 20 years ago. The analysis of the income statement major indicators has revealed positive trends as all the chosen variables were growing steadily over the past two decades. Operating income and net income both have increased sufficiently from €423 mln. in 2001 to €5570 mln. in 2021. There have been serious drops in net interest income due to financial crisis in 2007-2009, 2014 and 2020.

Source: compiled by the author on the basis of [5]

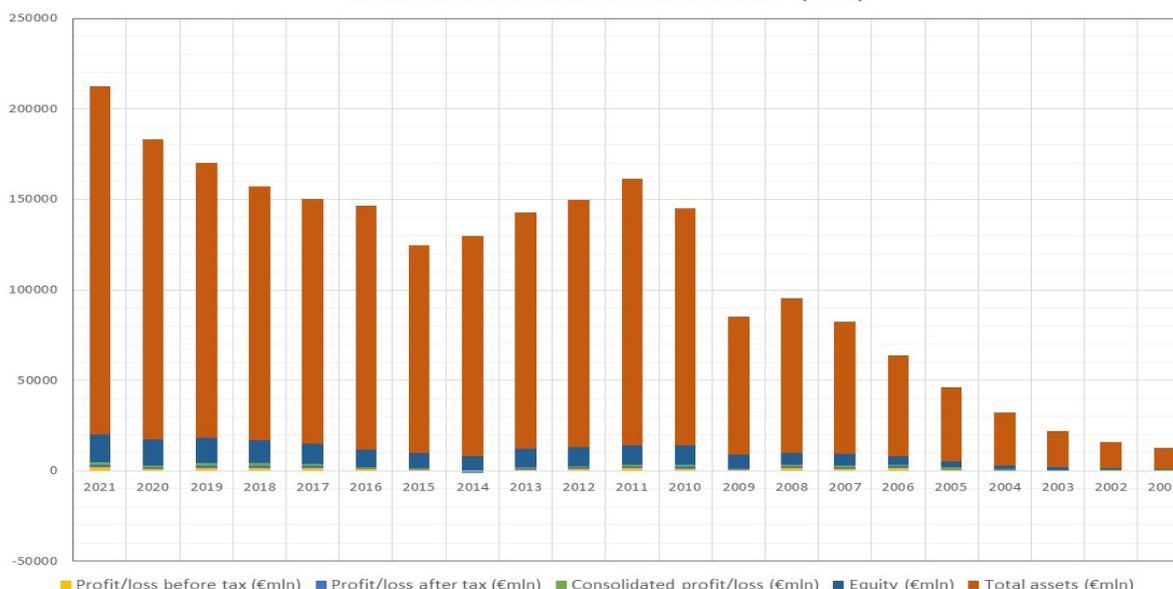
Fig. 4. Income statement indicators of Raiffeisen Bank International (2001-2021), € mln

Basic indicators of operational efficiency of RBI are profit and loss metrics. The figure 5 below demonstrates that total assets have significantly increased since 2001, and are at present at all times high amounting to over €192100 mln., which displays the growing expansion of the company and justifies the reasons for being listed into Russian SIFIs. P&L before and after tax have also been increasing steadily with only insufficient short-term fall during crisis periods in 2009, 2014-2015 and 2020 (COVID-19 lockdown

and subsequent economic downturn). Total equity has risen in 17 times over 20 years, while total assets have increased 16 times from €11474 mln. to €192100,5 mln.

Key ratios that are under the supervision of Basel III accords include ROA, ROE before and after tax, Consolidated ROE, Cost to income ratio, Loans to deposit and Loans to assets ratios. The changes in these ratios are illustrated in figure 6 below. It can be noted that LDR as the main indicator of balancing loans and deposits

Profit and loss indicators of RBI, 2001-2021 (€mln)

Source: compiled by the author on the basis of [5]

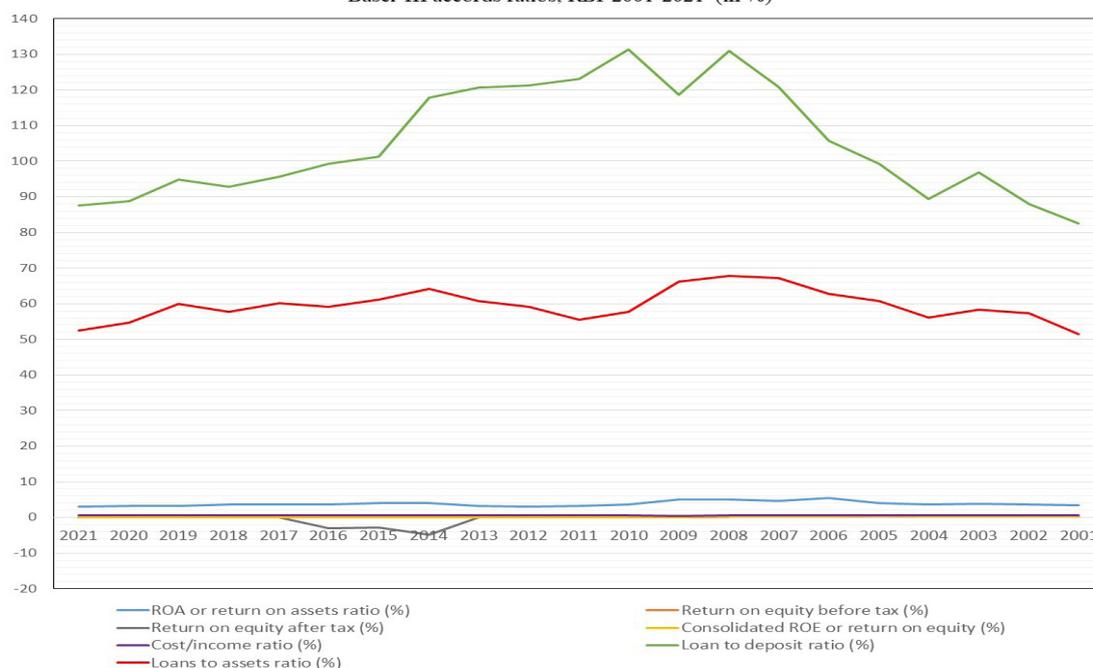
Fig. 5. Profit and loss indicators of Raiffeisen Bank International (2001-2021), € mln

has been subject to the most changes. This ratio is ideal when it amounts to 80% to 90%, but if it rises more than 100%, it means that the bank has lent more than it has in deposits, which may be a sign of both internal management problems and external economic conditions, which can influence both depositors and loaners. The rise in LDR started in 2004, and was increased due to

economic crisis of 2008, after which the demand for loans decreased, to rise sharply again in 2010. After the turbulence in financial conditions within that period, the ratio started to decrease steadily to reach the comfortable 88% and 89% in 2020 and 2021 respectively.

At the same time, LAR has not been changing so much in comparison with LDR, and was

Basel III accords ratios, RBI 2001-2021 (in %)

Source: compiled by the author on the basis of [5]

Fig. 6. Financial efficiency indicators of Raiffeisen Bank International (2001-2021), %

fluctuating between the rates of 50% to 70%, which means that bank's liquidity was at most of the times high in amount and could cover the existing loans. As a rule, most investors loan for a LAR of 30 to 60%, though at crisis time periods this cap would rise. It is notable that the ratio was rather stable during these two decades, which is a good sign of wise and careful management of assets and liabilities. As for ROE (before and after tax), Consolidated ROE, ROA and Cost to Income ratios, they were all very stable since 2001 and didn't change much within the span of

0,1 to 2% which indicates significant revenues and profit for the bank.

Other ratios and indexes which are also specifically under the Central Bank control are RWA or Risk-weighted Assets (total and credit risks), Capital Adequacy Requirement, NPE ratio (or non-performing exposure ratio) and NPE Coverage ratio, both available only since 2006, CAR (should be ≥ 10.5) and Total Capital Ratio (see figure 6 and figure 7) in the time span between 2001 and 2021.

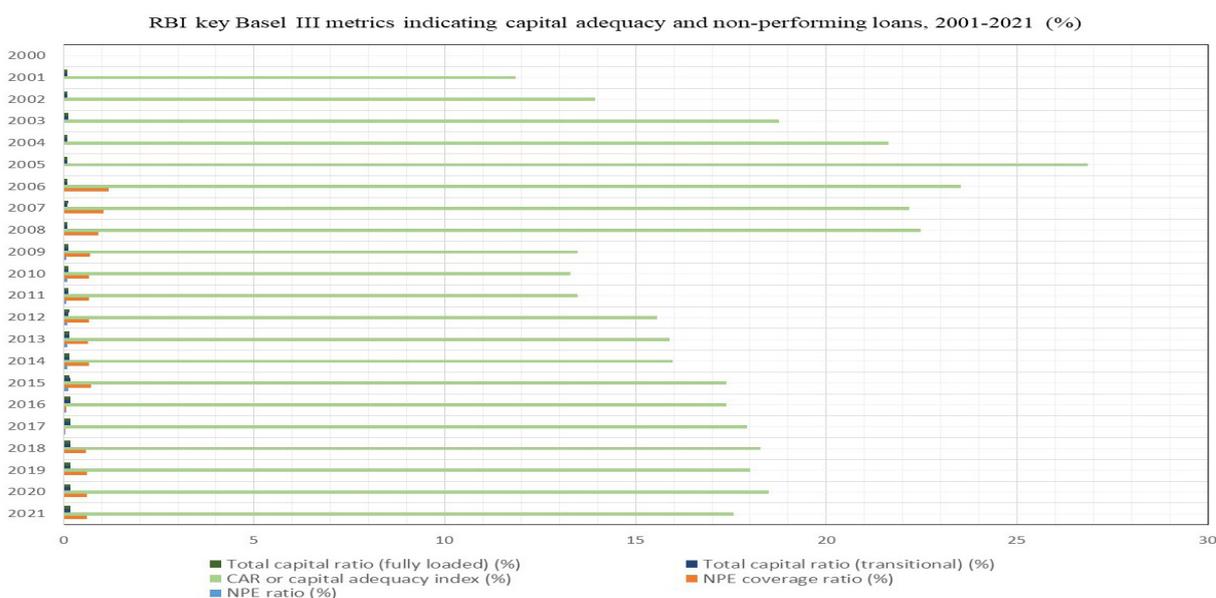

Fig. 6. Basel III requirements ratios of Raiffeisen Bank International (2001-2021), %

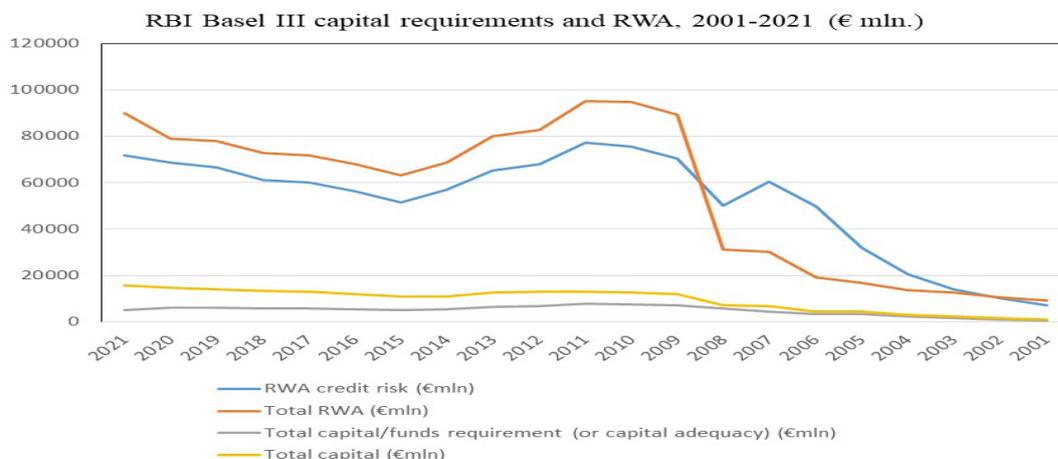
CAR shows the amount of capital available in a bank, and indicates if it has enough capital in reserves to deal with a specific amount of losses before bankruptcy. The higher the CAR, the more likely a bank is to meet its financial obligations and survive an unforeseen crisis. According to Basel III requirements, the minimum CAR should be 10.5. The graph shows that RBI was able to maintain the high level of CAR during its 20-year operation, with the rate being the highest after 2004 downturn. As for NPE ratio and NPE coverage ratio, they have been regularly but little altered since 2006. NPE ratio indicates the amount of loans in default or close to default, generally exposures are non-performing after being in default for 90 days, so the lower the rate, and the less non-performing loans a bank has. NPE Coverage ratio signifies a bank's ability to absorb future losses. The higher this ratio, the more prepared a bank is for covering future

losses from unpaid loans. Based on the graph, the NPE Ratio was all the time lower than 0,1, with the highest level of 0,1139 in 2014 crisis period, which is a positive indicator of RBI ability to manage non-performing loans and justifies the bank as being safe and reliable. While NPE Coverage ratio has decreased over the last 15 years, lowering from 1,183 in 2006 to 0,6251 in 2021. This may imply that the provision of the bank on the non-performing loans net loss has reduced due to more effective ways of managing these losses.

The most significant growth is at the Risk-weighted total asset and RWA credit risk asset, with an impressive increase from €9025,47 mln. to €89920,87 mln., which indicates the minimum amount of capital a bank should hold, correspondent to the risk profile of the bank's lending activities as well as other assets. The continuous growth of RWA shows that the

bank is expanding its lending business, thus guaranteeing the credit risks with more capital in order to protect depositors. Total capital has increased from €1071 mln. to €15806,8 mln. over

the past 20 years, while funds requirements have grown by 7 times. The more detailed aspects of financial growth within 20 years is presented in figure 7.

Source: compiled by the author on the basis of [5]

Fig. 7. Basel III capital requirement and RWA of Raiffeisen Bank International (2001-2021), € mln

3. Results and conclusion

The following study, based on the analysis of the suggested approach to creation and regulation of the first Russian national financial ecosystem (which centres on the Bank of Russia supervision and encompasses SIFIs and smaller commercial banks), as well as on the case study analysis of one of the SIFIs with complete foreign ownership (Raiffeisen Bank International), has revealed that there is an urgent need for careful and consistent regulation approach to new national ecosystems. Global SIFIs are at the moment under scrupulous control of the Basel Committee on Bank Supervision, but the global approach fail to indicate the national specific banking industries' weaknesses and opportunities. As have been depicted in the paper, the specific Russia-based national ecosystem will be most probably centred on the SIFIs and the incorporating large industries, which may generate a large amount of active and supportive clientele.

Moreover, a close attention to the foreign participants of the system is needed in order to prevent the rapid contamination in case of economic downturn or default of any of the SIFIs. On the case of RBI it has been illustrated that it is not only important to control the development of the ecosystem within the country, but also to assess the global interference of SIFIs with foreign participation with meticulous detail to Basel III requirements and the bank's efficiency,

reputation and financial stability indicators. In particular, the conclusion should be made upon the following issues:

1. Russian economy is rapidly and inevitably moving towards platform models and all-encompassing massive eco-systems, like the rest of the developing and developed world.

2. Platform-based ecosystem may bring a huge variety of innovative features to the economy and provide a higher quality of life to consumers (both physical and legal entities). As a result, daily purchases can already be made online, quickly and in a few clicks as ecosystem are often created as a one-stop-shop solution, allowing clients to fulfil all operations in a single mobile application. Accumulation of a large amount of publicly available data allows the ecosystem to form a "customer portrait" and ensure the flawless receiving services, as well as improve the accuracy of targeted offers of various products, their customization to the needs of a particular person.

3. Platforms and ecosystem provide new opportunities for goods and services suppliers on various levels. Thus, online trading platforms give small and medium enterprises a way to reach a large number of buyers via the Internet, removing geographic limitations for the development of their business models.

4. The world's largest ecosystem have emerged from large technology companies with

significant data sets and a wide customer base. A key feature of Russia is the financial sector having the leading role in the creation of ecosystems. Russian IT companies are also entering the ecosystem and extending their service variety by offering financial services to clients.

5. To mitigate the risks for both ecosystem participants and other economic entities affected by their activities, national eco-system's development needs to be thoroughly regulated. Systemic risks may include the risks of unfair competition and monopolization of certain market segments, big data and technologies, discrimination of smaller financial market players, misuse of personal customers profiles information, insufficient level of information security, protection against financial fraud and other.

6. In the platform-based economy of national financial eco-systems, amount of data, its sufficiency and availability on various platforms become the major values. Thus, the rules and regulations for their transaction, application, storage and other should be exercised by all consumers and suppliers, and every part should be aware of the right to dispose this information. As a result, data operations transparency and data management are considered the crucial issues in the regulatory policy.

7. The risks incurred by creditors and depositors of banks within ecosystem should be clearly understood and highlighted. They include the risks associated with the entry of banks into non-financial industries that are new to them, including strategic risk, the risk of forced support, and the risk of information security.

8. The regulatory policy in relation to national and global ecosystem is now undergoing its active formation stage due to the fact that the conventional regulatory tools and techniques are quickly becoming outdated and ineffective while the new ones are only being created. At the same time, as international practice shows, the late application of regulatory instruments will result in accumulation of risks and extreme and forceful radical steps, which are frequently negatively perceived by business and society as a whole. For that reason, it is particularly vital to establish alacritous rules, restrictions and requirements for the most favourable regulatory scenario.

9. In order to minimize the drawbacks of the uncontrolled development of ecosystem in Russia, it is necessary to take rapid and adequate

regulatory and supervisory measures, and in this regard, the modernization of the regulatory area is needed in the near future. Understanding the risks arising from the participation of foreign banks and SIFIs in the national financial ecosystem will guarantee the necessary flexibility of the regulatory toolkit and its timely adaptation to changing conditions.

10. Digital markets are highly dynamic – the dominance of individual ecosystem s can grow faster than in traditional markets. It is also possible to radically reduce the number of vendors with traditional business models that are outside of platforms and ecosystem s (including a reduction in the number of traditional financial institutions). The new regulation should minimize the negative consequences, including the consequences of the process of such transformation.

11. National regulation should also ensure that the competitive environment in the domestic market is protected in the face of a potentially rapid increase in the dominance of global ecosystem s. The cross-border nature of the activities of foreign ecosystem players, combined with regulatory and tax arbitrage, could lead to their dominance in the Russian market in a short time.

12. The role of the governance body and the mega-regulator (central bank) as vital participants in the platform-based ecosystem should be clear, consistent, transparent and foreseeable, while it is important to ensure that the state is equidistant from market participants and that there is no exclusivity in access to state information systems.

13. The optimal structure of the Russian market may be conceived as several large ecosystem s combined into one all-encompassing national ecosystem with condition of regular competition between its internal and external (or foreign) participants, niche suppliers and smaller platforms that satisfy the demand of customers outside the ecosystem and challenge the leading eco-systems.

14. The key objective of the state mega-regulator or the Central bank is to minimize the systemic risks and maintain a competitive environment. This may involve prevention of artificial obstacles for smaller or niche players, promotion of innovative features and ensuring the maximization of benefits received by the population and business of the country from the introduction of platform-based financial ecosystem.

In conclusion, the following research reveals the need for further investigation in the field of the major trends in the regulatory mechanisms for ecosystem worldwide. There is no doubt that ecosystem have become a truly global phenomenon, the questions which still remain unsolved include the most effective regulation approach and the ways to mitigate the systemic risks connected with participation of various industry players in the development of national eco-systems.

References

1. *Bank of Russia Report for Public consultations. Ecosystem s: approaches to their regulation.* 2021, April, Moscow, 46 p. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (date of request 20.03.2022).
2. Bavrova O.S. The case of Tinkoff Bank as the pioneer of efficient neo-banking in Russia. *New Economics, business and society: Materials of the April Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Vladivostok, April 15–27, 2021 / Ed. editors V.V. Glotova, K.I. Feoktistov.* Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2021, pp. 279–286.
3. Jiménez-Hernandez I., Palazzo G., Javier Sáez-Fernández F. Determinants of bank efficiency: evidence from the Latin American banking industry. *Applied Economic Analysis*, 2019, vol. 27, No. 81. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/AEA-09-2019-0027/full/html> (date of request: 20.03.2022).
4. Kamaraeva E. Bank Complexity and Risk. *Money and Finance*, 2020, No. 79 (3), pp. 75–104.
5. Kolotuev I. Review of the Bank of Russia – NES Workshop 'Main Challenges in Banking: Risks, Liquidity, Pricing, and Digital Currencies'. *Russian Journal of Money and Finance*, 2021, No. 80 (4), pp. 124–136.
6. *List of systemically important credit institutions as of October 11, 2021.* URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/credit/systembanks.html/ (date of request 20.03.2022).
7. Qi M., Shi D., Feng S., Wang P., Nnenna A.B. Assessing the interconnectedness and systemic risk contagion in the Chinese banking network. *International Journal of Emerging Markets*, 2022, No. 3, vol. 17. Emerald Publishing Limited. pp. 889–913.
8. *Raiffeisen Bank International: [site].* URL: <https://www.rbinternational.com/en/who-we-are.html> (date of request: 20.03.2022).
9. Razavi Amir R., Krause Paul J., Strimmen-Bakhtiar Abbas. From Business Ecosystem s towards Digital Business Ecosystems. *Digital Ecosystem s and Technologies (DEST)*, 2010, 4-th IEEE. URL: https://www.researchgate.net/publication/261151926_From_business_ecosystem_s_towards_digital_business_ecosystems (date of request: 19.03.2022).

УДК 338

Волохов Александр Владимирович,

аспирант, Департамент мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: volokhovalexander@yandex.ru

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В процессе развития постиндустриального общества главным фактором производства становится информация. Введение уровня образования стран в качестве одного из критериев качества человеческого капитала послужило толчком к превращению образовательной сферы в индустрию. Процесс производства знаний способствовал появлению рынка образовательных услуг. Одним из значимых сегментов этого рынка является рынок онлайн-образования. Для этого рынка необходима инфраструктура, или, как ее еще называют, Ed-Tech. Какова траектория его развития, как он влияет на качество человеческого капитала общества? Статья посвящена рассмотрению данных вопросов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : постиндустриальное общество; информационная экономика; экономика знаний; индустрия образования; Ed-tech; человеческий капитал; цифровые технологии.

UDC 338

Volokhov Alexander Vladimirovich,

PhD student, Department of World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: volokhovalexander@yandex.ru

THE ROLE OF EDUCATIONAL SERVICES IN IMPROVING THE QUALITY OF HUMAN CAPITAL: THEORETICAL ASPECT

In the process of development of a post-industrial society, information becomes the main factor of production. The introduction of the level of education of countries as one of the criteria for the quality of human capital served as an impetus for the transformation of the educational sphere into an industry. The process of knowledge production contributed to the emergence of a market for educational services. One of the significant segments of this market is the online education market. This market requires infrastructure, or as it is also called, Ed-Tech. What is the trajectory of its development, how does it affect the quality of the human capital of society? The article is devoted to the consideration of these issues.

Key words : post-industrial society; information economy; knowledge economy; education industry; ed-tech; human capital; digital technologies.

Экономический подход как к человеку, так и к его рациональному поведению, осуществляемому в контексте концепции человеческого капитала, достаточно популярен среди развитых стран в сфере рыночного хозяйствования. По мнению многих экспертов этой области, инвестиции, вкладываемые в образование работника, – основной источник значительного увеличения национального богатства государства.

Образование предоставляет возможность развития личности, оказывает влияние на формирование навыков принятия решений, общительности, эффективного тайм-менеджмента, становлению других качеств, повышающих ценность человеческого капитала в постиндустриальном обществе. Образованные граждане эффективны не только в рамках исполнения своих трудовых функций, но и в других сферах. Например,

лучшая ориентация образованных людей на рынке потребительских товаров способствует выгодному приобретению ими наиболее качественных товаров, что способно оказать благоприятное влияние на рынок в целом за счет усиления конкуренции между производителями товаров и повышения эффективности общественного производства [3, с. 57].

Актуальная неоклассическая теория, посвященная человеческому капиталу, впервые появилась в работах таких выдающихся ученых, как Г. Бэккер, Д. Минцер, Б. Вейсброд, Б. Хансен, и многих других экономистов 50–80-х г. прошлого века. Однако именно Т. Шульц в 1960 г. объявил о ее зарождении, которое произошло позднее, через 2 года, когда в издании «*Journal of Political Economy*» был выпущен дополнительный номер, основной темой которого являлись инвестиции в людей.

Очевидно, что развитие общества не ограничивается только увеличением количества материальных ценностей, услуг и в целом экономического благосостояния. Само понятие развития общества значительно шире и не ограничивается лишь материальным аспектом бытия. Оно подразумевает под собой и обеспечение условий, и возможностей для существования индивида, включая получение им определенного дохода, во многом связанного с уровнем образования.

Исследователи этой проблематики исходят из того, что в самом первоначальном варианте концепция человеческого потенциала была сформулирована в научном труде классика политэкономии А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». В этом произведении содержится идея о том, что способности индивидов в конечном счете и формируют богатство народа. А. Смит утверждал, что существуют 2 основных фактора, на которых основывается обеспеченность народов необходимыми благами для жизни: предрасположенность индивида трудиться, основанная на мастерстве и рассудительности человека, и пропорция занятых и не занятых полезным трудом. Причем, по мнению классика буржуазной политэкономии, именно первый фактор был особо значимым. А. Смит приводит в качестве примера дикое общество, где практически все население было занято в трудовой деятельности, однако оно все еще оставалось малообеспе-

ченным [12, с. 151]. Косвенным образом А. Смит признавал связь между мастерством индивида, его рассудительностью и уровнем образования.

Великий российский ученый М.В. Ломоносов полагал, что уровень человеческих знаний является одним из наиболее значимых факторов приращения богатства страны. По его мнению, наиболее острой проблемой в данной области являлась проблема подготовки высококвалифицированных специалистов, особенно в сфере медицины. Решить данную проблему можно было или путем привлечения иностранных специалистов, или развития отечественной медицинской школы, предоставив российским студентам возможность обучения в зарубежных образовательных учреждениях, что способствовало бы повышению уровня образования в собственной стране [8].

Другой российский ученый, историк И.К. Бабст под человеческим капиталом подразумевал нечто нравственное, находящееся в народной честности, предприимчивости, степени трудолюбия, в активном участии в достижении общего блага, самостоятельной работе, в которой стоит надеяться только на себя [1, с. 58].

По мере развития капитализма эволюционировали и концепции развития человеческого капитала. Так, например, британский экономист А. Маршалл отмечал взаимосвязь между наращиванием богатства и увеличением как потребностей, так и возможностей индивида ввиду общественного прогресса. Человек в интерпретации А. Маршалла рассматривался как фактор производства, а его знания являются «двигателем производства» [9, с. 170].

Развивая теорию человеческого капитала, фокусируя внимание на человеке и его способностях в вопросах создания и сохранения знаний для их дальнейшей трансформации в экономический ресурс, американский экономист Т. Шульц привнес свое понимание категории «человеческого капитала», под которым он понимал «отношение способностей человека по отношению к получению экономической прибыли» [14, с. 13]. При этом А. Шульц негативно относился к такому явлению, как безработица, которая, по его мнению, могла сказаться не только на уровне заработной платы занятых, но и на уровне их

квалификации. Отсюда следовал вывод экономиста о том, что инвестиции в человека и его знания – ключевой фактор благосостояния общества.

У. Боуэн под человеческим капиталом понимает совокупность приобретенных знаний, навыков, мотивации и энергии, которые имеются у человека и которые можно использовать в течение определенного периода в процессе производства товаров и услуг [7, с. 22].

По мнению американского экономиста Эдвина Дж. Долана, под человеческим капиталом подразумеваются умственные способности индивида, которые были получены в процессе обучения или благодаря практическому опыту [6, с. 318].

Другой американский экономист, лауреат Нобелевской премии 1992 года, представитель чикагской школы сформулировал так называемые функции прибыли с человеческого капитала, которые определяют соотношение между заработками и человеческим капиталом [4, с. 29]. Г. Беккер был одним из основателей Национальной академии образования, сотрудником Американской статистической ассоциации, автором книги «Человеческий капитал» [4, с. 33]. В своих исследованиях он отмечал, что вложения в образование идентичны банковским инвестициям [10, с. 27].

Различные курсы и тренинги, мастер-классы, лекции являются тем самым капиталом, который положительно влияет на состояние здоровья индивида, повышение его доходов и обогащение знаний индивида.

Коллеги Г. Беккера С. Фишер, Р. Шмалензи, Р. Дорнбуш под человеческим капиталом понимали собственно способности человека – врожденные и приобретенные. В их представлении процесс развития человеческого капитала подразумевает инвестиции, направляемые индивидом на свое образование, которые в дальнейшем способны окупиться в виде высокой заработной платы трудоустроенного специалиста.

Отечественные экономисты Г.С. Вечканов, Г.Р. Вечканова, В. Т. Пуляев в определение рассматриваемого нами термина вкладывали идею о форме интеллектуальных способностей, полученных в процессе обучения или благодаря практическому опыту [11, с. 76].

Российский экономист Р.П. Капелюшников называет человеческий капитал ключевым фактором экономического роста [5, с. 46]. По его мнению, сферы образования, здравоохранения, миграции и др. являются теми самыми «инвестициями», которые определяют его развитие и создают соответствующие возможности индивида.

Таблица 1 – Эволюция теоретических воззрений на сущность понятия «человеческий капитал» (составлено автором на основе [13, с. 125])

Автор	Год издания	Наименование источника	Ключевой смысл
М.В. Ломоносов	1761	О сохранении и размножении русского народа	Уровень человеческих знаний – один из наиболее значимых факторов приращения богатства страны
А. Смит	1776	Исследование о природе и причинах богатства народов	Труд – основной фактор, обеспечения народов необходимыми благами для жизни
И. К. Бабст	1857	О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала	Нравственный капитал
Т. Шульц	1961	Инвестиции в человеческий капитал	Человеческий капитал – отношение способностей человека по отношению к получению экономической прибыли
У. Боуэн	1975	Инвестиции в обучение	Знания, навыки, мотивация и энергия людей могут использоваться для производства товаров и услуг
Эдвин Дж. Долан	1992	Рынок: микроэкономическая модель	Капитал – умственные способности, полученные в процессе обучения
Г. Беккер	1994	Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ с особым упором на образование	Вложения в образование идентичны банковским инвестициям
С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи	1995	Экономика	Развитие человеческого капитала происходит за счет инвестиций, вкладываемых в образование

Г.С. Вечканов, Г.Р. Вечканова, В.Т. Пуляев	1998	Краткая экономическая энциклопедия	Человеческий капитал – форма интеллектуальных способностей
Р.П. Капелюшников	2013	Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I. Вопросы экономики	Образование – одно из тех направлений для инвестиций, которое может предопределить развитие индивида

Анализируя процесс изменения ключевых идей в теории человеческого капитала с момента ее возникновения и фактически по настоящее время, можно заметить, что фактор образования начинает играть в ней важную роль с 1975 г., когда У. Боуэн впервые начинает говорить о необходимости вложения инвестиций в образование людей для их дальнейшего применения в процессе трудовой деятельности (см. табл. 1). К концу XX в. теория человеческого капитала получает свое признание присуждением Нобелевской премии по экономике Теодору В. Шульцу – в 1979 г. и Гэри Беккеру – в 1992 г. Именно этот период времени можно считать началом процесса превращения образования в индустрию, оказывающую специфические услуги.

По мере технологического развития общества совершенствуется и технологическое обеспечение образовательной среды, ее инфраструктура. Под современными информационными технологиями подразумевается не только само техническое понятие. Это инструмент, с помощью которого можно осуществлять продажу различных всевозможных товаров и услуг в электронной форме. Например, услуги по получению онлайн-образования мы можем приобрести на Ed-Tech сегменте образовательного рынка [2, с. 26].

Под понятием Ed-Tech подразумеваются цифровые инструменты, делающие образовательный процесс наиболее удобным для обучающихся. Ed-Tech включает в себя всевозможные курсы и онлайн-школы, системы по оптимизации процесса обучения, платформы, на которых возможно выстроить процесс коллективного обучения, совокупность современных технологий, предлагаемых образовательным учреждениям, а также инструменты VR/AR – реальности. По расчетам экспертов отрасли, среднегодовой темп роста мирового рынка онлайн-образования, инструментами которого и являются исследуемые нами цифровые инструменты, за 2017–2021 г. составляет 11 % (2018 г. – 19,5 %, 2019 г. – 7,89 %, 2020 г. – 8,3 %, 2021

г. – 8,56 %). С учетом того, что рост данной индустрии неравномерен, в ближайшие 5–7 лет его усредненный показатель среднегодового роста может составить 7–10 %. Лидером глобального рынка онлайн-образования является Азиатско-Тихоокеанский регион, на который приходилась половина всего рынка по состоянию на конец 2020 г. Прежний лидер отрасли – Северная Америка – теряет свои позиции ввиду замедления темпов роста. Тем не менее в глобальном измерении североамериканский рынок все еще остается наиболее развитым. На нем присутствует колоссальное количество участников, что оказывает большое влияние на конкуренцию на рынке, на котором насчитывается более 2 тыс. Ed-Tech продуктов. Для того чтобы оставаться востребованными на рынке, многие участники вынуждены уменьшать стоимость своих продуктов. Также для данного региона характерно проникновение онлайн-бизнеса в сферу формального образования, что сопровождается, в свою очередь, преодолением ряда трудностей, связанных с монетизацией предлагаемого образовательного контента. Не стоит упускать из вида, что для «зрелого» рынка его рост достигается большей ценой из-за потребности в новейших инновациях и большого объема денежных инвестиций.

Нельзя не отметить ту роль, которую сыграло появление Всемирной сети в становлении образования как индустрии. В настоящее время Интернет является для нас привычной вещью, однако в начале 1990-х годов он только начинал проникать в жизнь общества, и его основным предназначением являлось выполнение рабочих задач. Появление Интернета способствовало возникновению новейших профессий на рынке труда. Произошло изменение традиционных представлений о работе в целом. Организации начали перестраивать свои режимы функционирования и бизнес-процессы, перенося часть своей деятельности в онлайн-формат. Данное явление послужило предпосылкой развития мирового рынка онлайн-образо-

вания, а также зарождения его новейшего сегмента – Ed-Tech. Новейшие современные методы обучения, а также инновационные средства смогли отменить привычную необходимость в обязательном очном посещении учебных заведений. Школьники, студенты или просто рабочие, повышающие свою квалификацию, стали обладателями собственного индивидуального учебного плана, который они способны реализовывать при помощи специализированных учебных платформ, средств видеосвязи и пр. Не только учащиеся смогли извлечь значительную выгоду от учебы в онлайн-формате, но и их родители, которые получили возможность постоянно находиться в контакте с преподавателями.

Однако не только развитие современных технологий способствовало становлению образовательной индустрии. Не стоит забывать и про влияние факторов всемирной социальной динамики. Одним из таких факторов является глобализация, оказывающая в настоящее время ключевое влияние на все стороны жизни как человека, так и общества. Образование как социальный институт находится в самом эпицентре процесса глобализации. Участники образовательного и научного процесса, независимо от своего местоположения, посредством глобализации получают хорошо налаженный контакт между интернациональными научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, что способствует постоянному развитию отрасли, которая в нынешних реалиях, не способна просто стоять на месте. Благодаря глобализации участники образовательного процесса получают доступ к мировым информационным ресурсам, дистанционной академической мобильности, массовому развитию онлайн-образования и др. Помимо этого, активное распространение в мире получают образовательные стандарты, ценности, подходы к пониманию образования в целом, механизмы их реализации.

Глобализация в контексте развития образования также находит связь и с развитием экономики знаний. Появившееся единое информационное поле стало глобальным благодаря развитию Всемирной сети и спутниковой связи, что способствовало появлению новейшего инструментария на рынке – Ed-tech.

Список литературы

1. Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала (1857) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 4. С. 35–60.
2. Волохов А.В. Предпосылки формирования мирового рынка Ed-Tech // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 4. С. 24–27.
3. Горбунова О.Н. Инвестиции в образование как неотъемлемый элемент формирования трудовых ресурсов // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5-6. С. 57–65.
4. Дорохин В.С. Портреты ученых-юристов: Гэри Беккер // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 29–35.
5. Капелюшников Р.П. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 4. С. 46–54.
6. Карпенко Е.З. Сущностная определенность категории «Человеческий капитал» // РППЭ. 2012. № 2. С. 315–322.
7. Касаева Т.В. Расширительная трактовка структуры человеческого капитала // Пространство экономики. 2013. № 2-2. С. 21–27.
8. Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа. Письмо к И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. URL: https://memoirs.ru/texts/Lomnsv_RS_73_8_10.htm (дата обращения: 06.09.2022)
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 2. М., 1984. С. 170.
10. Мозговых А.В. Теория человеческого капитала Г. Беккера // Журнал прикладных исследований. 2018. № 2. С. 27–30.
11. Павлова Е.М. Инвестиции в образование и их связь с производительностью труда // Вестник МИЭП. 2014. № 1 (14). С. 73–77.
12. Сеницына В.В. Формирование и развитие концепции человеческого потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 6. С. 150–155.
13. Холина Л.И., Аколупина Р.Р. Человеческий капитал и образование как его главная составляющая // ЭТАП. 2009. № 1. С. 121–133.
14. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review, 1961, № 51(1), pp. 1–17.

References

1. Babst I.K. On some conditions conducive to the multiplication of people's capital (1857). *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics*. 2016. No. 4. pp. 35-60.
2. Volokhov A.V. Prerequisites for the formation of the world Ed-tech market. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2022. No. 4. pp. 24-27.
3. Gorbunova O.N. Investments in education as an integral element of the formation of labor resources. *Socio-economic phenomena and processes*. 2011. No. 5-6. pp. 57-65.
4. Dorokhin V.S. Portraits of legal scientists: Gary Becker. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. No. 2. pp. 29-35.

-
5. Kapelyushnikov R.P. Human capital of Russia: evolution and structural features. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2005. No. 4. pp. 46-54.
 6. Karpenko E.Z. Essential certainty of the category "Human capital". *RPE*. 2012. No. 2. pp. 315-322.
 7. Kasaeva T.V. An expansive interpretation of the structure of human capital. *The space of the economy*. 2013. No. 2-2. pp. 21-27.
 8. Lomonosov M.V. *On the reproduction and preservation of the Russian people. Letter to I.I. Shuvalov dated November 1, 1761* URL: https://memoirs.ru/texts/Lomnsv_RS_73_8_10.htm (accessed: 06.09.2022)
 9. Marshall A. *Principles of Economic Science*. Vol. 2. M., 1984. p. 170.
 10. Mozgovykh A.V. G. Becker's Theory of human capital. *Journal of Applied Research*. 2018. No. 2. pp. 27-30.
 11. Pavlova E.M. Investments in education and their relation to labor productivity. *Bulletin of the MIEP*. 2014. No. 1 (14). pp. 73-77.
 12. Sinitsyna V.V. Formation and development of the concept of human potential. Humanities. *Bulletin of the Financial University*. 2019. No. 6. P. 150-155.
 13. Choline L. I., Golubina R. R. Human capital and education as its main component. *STAGE*. 2009. No. 1. P. 121-133.
 14. Schultz T. V. Investment in human capital. *American economic review*, 1961, No. 51(1), pp. 1-17.
-

УДК 338

Коков Николай Султанович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры высшей математики и информатики, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

Пилова Фатима Исмаиловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

Бозиев Мурат Таймуразович

аспирант факультета экономики и управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И СОЗДАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ

Инновационное развитие сельскохозяйственного сектора требует использования информационных и коммуникационных технологий. Они могут обеспечить эффективное общение, онлайн-взаимодействие. В сетевой экономике технологические платформы должны быть одним из ключевых элементов цифровой экосистемы. Для аграрных цифровых экосистем существуют две основные платформы: «Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания», «Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа».

К л ю ч е в ы е с л о в а : развитие инноваций; информационные и коммуникационные технологии; сельскохозяйственный сектор; технологические платформы; цифровая экосистема.

UDC 338

Kokov Nikolay Sultanovich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics and Informatics, Kabardino-Balkarian State Agrarian university Named after V.M. Kokova, Nalchik, Russia

Pilova Fatima Ismailovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Kabardino-Balkarian State Agrarian university Named after V.M. Kokova, Nalchik, Russia

Bozиеv Murat Taimurazovich,

Postgraduate student of the Faculty of Economics and Management, Kabardino-Balkarian State Agrarian university Named after V.M. Kokova, Nalchik, Russia

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX BASED ON DIGITALIZATION AND CREATION OF TECHNOLOGICAL PLATFORMS

The innovative development of the agricultural sector requires the use of information and communication technologies. They can provide effective communication, online interaction. In the network economy, technological platforms should be one of the key elements of the digital ecosystem. There are two main platforms for agricultural digital ecosystems: “Technologies for the food and processing industry of the agro-industrial complex Healthy Nutrition”, “Eurasian Agricultural Technology Platform”.

Key words: development of innovations; information and communication technologies; agricultural sector; technological platforms; digital ecosystem.

Инновационное развитие сельскохозяйственного сектора невозможно без его цифровизации. Новые информационные и коммуникационные технологии стали современными инструментами прогресса. Цифровизация – это использование цифровых технологий для изменения бизнес-модели и создания новых возможностей для получения дохода и стоимости; это процесс перехода к цифровому бизнесу [10].

W. Brian Arthur пишет о возникновении другой экономики – цифровой, которая по своим объемам в течение десяти лет догоняет обычную экономику, а через 20–30 лет обгоняет ее. Автор прогнозирует рост производительности мировой экономики примерно на 2,4 % в год [8].

К используемым научным материалам относятся «Стратегия инновационного развития Российской Федерации», проект концепции «Индустрия 4.0», «Индустрия 4.0», «Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса РФ», данные приоритетных технологических платформ России, научные публикации по проблемам инновационного развития агропромышленного комплекса (АПК), цифровизации экономики. В работе используются методы монографического, сравнительного и системного анализа, а также логический подход.

В России положения о развитии цифровой экономики отражены в перечне стратегий развития РФ, разработке концепции «Индустрия 4.0», «Прогноз научно-технического прогресса агропромышленного комплекса РФ» и создании приоритетных технологических платформ [5; 7]. Последние являются инструментами инновационной инфраструктуры, обеспечивающими эффективный обмен информацией и создание перспективных коммерческих технологий, высокотехнологичных, инновационных и конкурентоспособных продуктов на основе участия всех заинтересованных сторон (предпринимателей, науки, правительства, общественных организаций) [6]. Для сельскохозяйственного сектора наиболее интересны две платформы:

1. Пищевые и перерабатывающие технологии агропромышленного комплекса – здоровая пища (платформа-апк.РФ).

2. Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа (euroasiaagropatform.com).

В то же время разработка многих инновационных проектов в сельскохозяйственном секторе невозможна без технологий таких платформ, как:

1. Аэрокосмические и геоинженерные технологии – продукты глобальной конкурентоспособности.

2. Евразийская технологическая платформа суперкомпьютеров.

3. Фотоника.

4. Евразийская светодиодная технологическая платформа.

5. Технологии экологического развития.

6. ЕВРАЗИОБИО.

7. Металлургия и новые металлические технологии.

Идея создания таких платформ хороша тем, что по аналогии с бизнес-инкубаторами, которые обеспечивают геолокацию и условия для создания инноваций, они позволяют предлагать то же самое в виртуальном пространстве и объединять инновационные проекты. Приоритетные сельскохозяйственные технологические платформы позволяют создавать новые технические инструменты, роботов, системы дистанционного управления и навигационные системы; внедрение точных сельскохозяйственных технологий и урбанизация сельского хозяйства и, что наиболее важно, помощь в создании инновационной инфраструктуры. Инновации в Евразийской биомедицинской технологической платформе улучшают качество жизни и продолжительность жизни сельских жителей и таким образом обеспечивают накопление человеческого капитала в сельскохозяйственном секторе.

Созданные технологические платформы направлены на обеспечение согласованных действий государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с целью эффективного использования и развития интеллектуального, научного, технического, производственного потенциала и человеческого капитала при создании новой современной инфраструктуры и инноваций. Кроме того, сотрудничество между этими странами позволяет создавать рынок инновационных продуктов и объединяться на основе цифровых экосистем, перенося отношения в киберпространство.

Как отмечает М.Ш. Муртазина, основным фактором успеха на рынке стал будущий

продукт инновации, его оригинальность и качество.

К другим факторам успеха следует отнести тесную взаимосвязь производства и маркетинга, обратную связь от маркетинга об инновациях на всех этапах создания продукта, интерес всех субъектов к созданию рыночной привлекательности инноваций, удовлетворение будущих потребностей. Только организации с высоким инновационным потенциалом способны достичь этих целей [6]. Стоит добавить, что его также могут успешно реализовать страны с большим инновационным потенциалом и развитой ИТ-структурой.

Цифровая экосистема – это социально-техническая система, состоящая из набора компьютерных программ, агенты которых взаимодействуют и используют друг друга в условиях эволюционного саморазвития [1]. Экологическая составляющая описания этих систем (ЭКО) связана с попытками провести аналогии между живой природой и техноферными процессами, применяя законы экологии к информационному миру.

Сельскохозяйственный сектор сталкивается с серьезными проблемами не только с внедрением информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) во всех организациях, переходом к электронному документообороту и взаиморасчетам, но также нуждается в хорошо развитой информационно-коммуникационной структуре, которая предполагает:

- интерактивные сообщества, участвующие в работе тематического кластера;
- источники информации;
- базы знаний;
- новые формы электронного общения;
- увеличение корпоративных, государственных и общественных интеграционных платформ;
- цифровую среду;
- человеческие ресурсы, способные работать в киберпространстве.

Затем каждый участник сети может одновременно выступать в качестве клиента и сервера, таким образом формируя архитектуру цифровой экосистемы. Он обеспечивает сквозную цифровизацию всех физических активов стран Европейского Союза и их интеграцию в цифровые экосистемы, предоставление и использование цифровых услуг;

электронную обработку всех видов информации; поддержку взаимодействия информации; использование бизнес-интеллекта, основанного на использовании искусственного интеллекта; поддержку различных потребностей; управление технологическими процессами; усиление межотраслевой коммуникации и включение ее в тематические кластеры.

Цифровые экосистемы ферм могут быть созданы в кластерах ферм и могут быть национальными или трансграничными. Их отсутствие уже в ближайшее время не позволит ЕАЭС быть конкурентоспособной на мировой арене.

Технологические платформы, уже перечисленные выше, станут неотъемлемой частью цифровой экосистемы сельскохозяйственного сектора Европейского Союза.

Их формирование должно происходить по инициативе не только государства, но и общества. Основными характеристиками российских технологических платформ стали: начальный этап развития, отсутствие финансирования, их создание по инициативе государства с нисходящей организацией, слабая консолидация, но и высокий уровень регулирования, наличие потенциала межгосударственного сотрудничества [9]. Требуется разумное сочетание различных форм и видов, которые поддерживают транснациональные и технологические решения.

Инновационное развитие, соответствующее предстоящим масштабам и задачам научно-технической трансформации сельскохозяйственной продукции, возможно при наличии правильно организованной и эффективно функционирующей инновационной системы сельскохозяйственного сектора, представляющей собой совокупность взаимодействующих между собой организаций-участников процесса создания и развития инноваций, интегративно поддерживающих инновационный процесс в сельскохозяйственном секторе [11]. Это также относится к цифровым экосистемам. Модернизация инфраструктуры сельскохозяйственного сектора и создание его новых элементов требует согласованных действий всех участников как на межгосударственном, национальном уровне, так и на микроуровне.

Агропромышленный комплекс – совокупность секторов экономики страны, включа-

ющая сельское хозяйство и отрасли, тесно связанные с сельскохозяйственным производством, занимающиеся транспортировкой, хранением, переработкой, поставкой сельскохозяйственной продукции потребителям, снабжением сельского хозяйства машинами, химикатами и удобрениями, обслуживанием сельскохозяйственного производства [3].

В то же время, с одной стороны, в сельскохозяйственном секторе наблюдается низкий уровень развития ИКТ, с другой – технологическая отсталость и, как следствие, проблема экономической безопасности страны [2]. Если этот уровень не будет повышен в ближайшее время, количество специалистов с навыками ИКТ в сельском хозяйстве не увеличится, то мы не сможем говорить о создании цифровых экосистем в сельскохозяйственном секторе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В России разработаны и созданы методические, правовые субсидии, бизнес-инкубаторы, технологические платформы. Структура ИТ расширяется и совершенствуется, многие взаимодействия между участниками инновационных процессов переносятся в интернет-среду, в образовательных процессах появляются новые специальности, связанные с цифровизацией экономики. Есть амбициозные планы для высокотехнологичного сельскохозяйственного сектора. Все они продолжают развиваться и совершенствоваться. При этом все проекты требуют огромной финансовой поддержки со стороны государства и новых специалистов.

Анализ приоритетных технологических платформ России показал, что больше всего проектов на платформе «Пищевые и перерабатывающие технологии в агропромышленном комплексе – здоровая пища». Мы считаем это основной платформой для сельского хозяйства. Платформа Евразийской агротехники находится в стадии разработки.

Список литературы

1. Алетдинова А.А., Курчиева Г.И. Теоретические положения по формированию цифровой экосистемы // Выход из кризиса: развитие экономики и промышленности: моногр. СПб.: Санкт-Петербург. политех. ун-т Петра Великого, 2016. С. 236–259.
2. Кастельс М., Информационная эпоха. Экономика, общества, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 129 с.
3. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологи-

ческие корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.

4. Муртазина М.Ш. Подходы к оценке инновационного потенциала организации // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сб. науч. ст. VI междунар. науч.-практ. конф. Курск: Университет. книга, 2016. Т. 2. С. 195–198.

5. Об утверждении Прогноза научно-технологического развития агропромышленного комплекса РФ на период до 2030 г.: Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 12 января 2017 г. № 3.

6. Положение о формировании и функционировании евразийских технологических платформ от 13 апреля 2016 г. № 2 // Евразийские технологические платформы. М., 2017. 56 с.

7. Проценко А. Цифровая экономика вошла в перечень основных стратегий развития РФ. URL: <https://rg.ru/2017/07/19/cifrovaia-ekonomika-voshla-v-perechen-osnovnyh-strategij-razvitiia-rf.html?ysclid=18e6nuv0qa250614983> (дата обращения: 01.08.2022).

8. Arthur W.B. The second economy // McKinsey Quarterly, 2011, t. 4, pp. 90–99.

9. Chang E., West M. Digital Ecosystems. A Next Generation of the Collaborative Environment // iiWAS, 2006, pp. 3–24.

10. Gray J., Rumpe B. Models for digitalization // Soft & Systems Modeling, 2015, vol. 14, is. 4, pp. 1319–1320.

11. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: the realization of the living Springer, 1980. 184 p.

References

1. Aletdinova A.A., Kurchieva G.I. *Theoretical provisions on the formation of a digital ecosystem. The way out of the crisis: the development of the economy and industry: monogr.* SPb.: St. Petersburg. Peter the Great University, 2016. pp. 236-259.
2. Castels M., *The Information Age. Economics, Society, culture.* Moscow: Higher School of Economics, 2000. 129 p.
3. Maturana U., Varela F. *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding.* M.: Progress-Tradition, 2001. 223 p.
4. Murtazina M.S. Approaches to assessing the innovative potential of an organization. *Strategy of socio-economic development of the society: managerial, legal, economic aspects: collection of scientific Articles VI International scientific and practical conf.* Kursk: University. book, 2016. Vol. 2. pp. 195-198.
5. *On the approval of the Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated January 12, 2017 No. 3.*
6. Regulation on the formation and functioning of Eurasian technological platforms No. 2 dated April 13, 2016. *Eurasian Technological Platforms.* Moscow, 2017. 56 p.
7. Protsenko A. The digital economy has entered the list of the main development strategies of the Russian Federation. *Rossiyskaya Gazeta.*
8. Arthur W.B. The Second Economy. *McKinsey Quarterly*, 2011, vol. 4, pp. 90-99.

-
9. Chang E., West M. Digital electronic systems. *The next generation of the collaborative environment*. Ilwas, 2006, pp. 3-24.
10. Gray J., Rumpe B. Models for digitalization. *Software and System Modeling*, 2015, volume 14, is. 4, pp. 1319-1320.
11. Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and cognition: realization of a living* Springer, 1980. 184 p.
-

Олейник Глеб Викторович,
*магистрант факультета международных
экономических отношений,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: gleb_grw@mail.ru*

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье определены основные макроэкономические интересы Российской Федерации на международной арене, основные пути и возможности России по усилению макроэкономического влияния и развитию международных экономических отношений с азиатскими странами. Рассмотрены основные институты развития, механизм функционирования которых играет важную роль в установлении связей России с другими странами в целях углубления экономических контактов и реализации своих стратегических интересов. Сделан вывод о важности дальнейшей интеграции российской экономики в нынешнюю мировую экономику в целях обеспечения ее макроэкономической устойчивости.

К л ю ч е в ы е с л о в а : институты развития; макроэкономическая ситуация; стратегические интересы; глобальная экономика; интеграционные объединения; Новый банк развития БРИКС.

Oleinik Gleb Viktorovich,
*Master student of the Faculty
of International Economic Relations,
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: gleb_grw@mail.ru*

THE ROLE OF INTERNATIONAL ECONOMIC ASSOCIATIONS IN PROVIDING THE STRATEGIC INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article defines the main macroeconomic interests of the Russian Federation in the international arena, the main ways and opportunities for Russia to strengthen macroeconomic influence and develop international economic relations with Asian countries. The main development institutions are considered, the functioning mechanism of which plays an important role in establishing Russia's ties with other countries in order to deepen economic contacts and realize its strategic interests. The conclusion is made about the importance of further integration of the Russian economy into the current world economy in order to further ensure its macroeconomic stability.

Key words: development institutions; macroeconomic situation; strategic interests; global economy; integration associations; New Development Bank BRICS.

Научный руководитель – Ярыгина Ирина Зотовна, доктор экономических наук, профессор, Департамент мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

В настоящее время на первый план выходит интеграция национальных экономик в мировую экономическую систему. Становится понятным, что без макроэкономической интеграции невозможно дальнейшее существование экономики той или иной страны. Поэтому на повестке дня стоит разработка и практическое применение того спектра инструментов, которые были бы направлены на усиление экономического «слияние» экономик стран в мировое экономическое сообщество.

При этом мы не говорим об усилении экономической глобализации, как об основном инструменте, влияющим на экономическую зависимость менее развитой страны от более развитой. В данном случае стоит упомянуть экономическое сотрудничество, выливающееся в создание особых интеграционных объединений стран, которые в перспективе могли бы привести к обмену опытом и усилению макроэкономических показателей всех членов объединения в результате плодотворного экономического сотрудничества в рамках данного союза [1, с. 30].

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в текущих экономических реалиях невозможна полная экономическая изоляция страны. В целях поддержания долгосрочной экономической устойчивости очень важным становится обмен опытом в тех или иных сферах, экономическая интеграция в определенных областях национальной экономики с целью поддержания достойного уровня экономического роста и развития.

Если говорить про Российскую Федерацию, то в данном случае усиление экономической интеграции необходимо для реализации ее стратегических интересов, таких как усиление экономического сотрудничества со странами БРИКС, СНГ и Азии; обеспечение личной экономической безопасности и поддержание своей национальной экономики.

Поэтому целью данного исследования является определение роли международных институтов развития в реализации экономических и стратегических интересов России на мировой арене, а также предложение по практическому внедрению комплекса мероприятий по повышению экономической отдачи от участия России в различных экономических объединениях.

Исходя из вышеуказанной цели для ее до-

стижения необходимо будет решить следующий перечень задач:

1. Определение положения Российской Федерации на международном экономическом рынке и определение ее основных стратегических целей и интересов в данной сфере.

2. Обоснование роли таких объединений, как БРИКС и ЕАЭС в повышении уровня развития российской экономики.

3. Выявление основных угроз для экономики Российской Федерации.

4. Предложение определенного перечня мер по повышению результативности функционирования институтов развития в целях обеспечения стратегических интересов Российской Федерации.

Объектом данного исследования является международное экономическое положение Российской Федерации в мире. Предметом является место системы институтов развития и различных интеграционных объединений в обеспечении стратегических интересов Российской Федерации [4, с. 245].

Теоретической основой исследования являются работы М.А. Захаровой, Т.И. Мининой, Л.И. Арслановой, которые в своих трудах определяют роль институтов развития в современной российской экономике. Также были рассмотрены труды Т.А. Кулаковой, С.А. Коверзневой, А.А. Прикладовой, а также доклады НИУ ВШЭ (доклад о «Стратегии развития БРИКС и приоритетов для России», «Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России»), которые рассматривают потенциальные возможности институтов развития БРИКС и ЕАЭС, а также их влияние на экономику России. Информационной базой исследования выступили информационные порталы БРИКС и ЕАЭС, а также сайт Банка развития БРИКС и Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [5].

Новизна данного исследования заключается в определении и возможном практическом внедрении определенного комплекса мероприятий, повышающих результативность функционирования институтов развития, в которых участвует Российская Федерация, а также способствовать реализации ее важнейших стратегических интересов и инициатив.

Если говорить об экономическом сотрудничестве, то здесь целесообразно говорить о возможностях и текущих перспективах Российской Федерации на мировой экономической арене. К сожалению, перед страной ввиду различных политических и иных факторов открыты не все пути по усилению своей макроэкономической интеграции. В данном случае это касается возможностей расширения своего экономического влияния на Запад. Ввиду экономических санкций и иных политических ограничений Российская Федерация вынуждена обратить внимание на азиатский рынок и азиатские экономические объединения. В связи с этим речь пойдет об объединениях БРИКС и ЕАЭС, а именно об

их важнейших институтах развития, которые играют большую роль как в обеспечении стратегических интересов России на международной арене, так и в реализации интересов всех членов-участников данных интеграционных объединений.

Прежде всего стратегические цели Российской Федерации заключаются в усилении интеграционного сотрудничества со странами СНГ, а также со странами БРИКС и ЕАЭС. Важность установления экономических связей именно с этими странами обусловлена тем, что доля стран, входящих с БРИКС и ЕАЭС, превосходит 3,5 % от мирового ВВП (табл. 1).

Таблица 1 – Макроэкономические характеристики стран-членов БРИКС и ЕАЭС (составлено на основе [3])

Страна	Доля в мировом ВВП, %	Прогноз экономического роста на 2022 год, %
Бразилия	2,46	0,3
Российская Федерация	1,98	2,8
Индия	3,1	4,8
Китай	17,9	9,0
Южная Африка	0,4	1,9
Армения	0,023	4,5
Белоруссия	0,127	2,1
Казахстан	0,38	3,8
Киргизия	0,018	3,7

Таким образом, совокупная доля всех членов-участников БРИКС и ЕАЭС составляет 26,39 % совокупного объема ВВП. Если сравнивать, например, с США, то в данном случае доля данной страны от мирового объема ВВП составляет 23,48 %, а темп экономического роста на 2022 год у США составляет 3,8 %. При этом темп роста отдельных стран БРИКС и ЕАЭС составляет более 4 % мирового ВВП, что говорит нам о больших перспективах и экономических возможностях для сотрудничества с данными странами.

При этом средний объем мирового ВВП в европейских странах составляет от 0,3 до 3,13 % при средних прогнозных темпах экономического роста от 1,7 до 3,3 %. Таким образом, можно сделать вывод, что в нынешних реалиях наиболее перспективными (если судить по макроэкономическим показателям) являются именно азиатские страны.

Объяснить это можно следующими факторами. Во-первых, политическая обстановка (ввиду введения различных экономических

санкций) не дает возможности далее развивать долгосрочные экономические связи с США и странами Европейского Союза. Во-вторых, в настоящий момент происходит сдвиг мирового рынка в сторону Азии ввиду более дешевой рабочей силы, роста ВВП азиатских стран и перемещения мировых финансовых, торговых и товарных центров в страны Азии. В-третьих, пандемия COVID-19 наиболее сильно ударила именно по развитым странам, которыми как раз являются страны США и страны Азии. Менее развитые и развивающиеся страны оказались более подготовленными к экономическому кризису и сумели сохранить пусть и небольшую, но позитивную динамику изменения макроэкономических показателей.

При этом основными стратегическими целями и интересами России на международной арене являются:

- повышение конкурентоспособности экономики страны;
- акцент на увеличение производства различных материальных благ;

- обеспечение более высокого уровня социально-экономического развития;
- увеличение объемов производства (материальных благ), в том числе повышение уровня экспорта товаров за рубеж.

Отметим, что долгосрочное устойчивое экономическое развитие России возможно только при условии качественного государственного менеджмента (регулирования), а также смещения акцента развития инновационной и инвестиционной сфер. То есть в данном случае необходима переориентация на модернизацию существующей экономики. При этом стоит отметить, что в процессе реструктуризации национальной экономики стоит обратить также внимание на деиндустриализацию и сырьевую направленность. В конечном итоге стоит взять курс на создание наукоемких производств со значительной добавленной стоимостью.

Для достижения такой цели в сфере переориентации национальной экономики необходимо провести ряд мероприятий [6, с. 39].

Во-первых, стоит перейти на приоритетно-нацеленное государственное управление. В данном случае деятельность руководства страны должна быть направлена на обеспечение реализации стратегических приоритетов развития государства. Однако не стоит забывать о применении в повседневной деятельности информационных технологий.

Во-вторых, возможна переориентация распределения бюджетных средств на развитие экономики и человека, в том числе с использованием механизмов и инструмен-

тов институтов развития, которые аккумулируют внутри себя определенную часть финансовых ресурсов, направляемых на наиболее важные и приоритетные отрасли экономики.

В-третьих, необходимо создать условия, при которых можно было бы достигнуть либо максимально приблизиться к макроэкономической стабильности. Для этого необходимо удерживать (таргетировать) инфляцию на уровне 4 %, способствовать развитию устойчивого налогового режима и более низких кредитных и налоговых ставок (по большей части по отношению к субъектам малого и среднего бизнеса).

Таким образом, поддержание и максимальная реализация поставленных стратегических целей может способствовать увеличению совокупного чистого дохода государства, что впоследствии может привести к увеличению социально-экономического роста страны и повышению ее конкурентоспособности и макроэкономической устойчивости.

Особенности сотрудничества России и стран БРИКС представляют особые торгово-экономические отношения, которые подразумевают модель развития глобальной экономики и международных экономических отношений на основе многополярного мира. При этом участие в данном интеграционном объединении дает возможности и перспективы устойчивого социально-экономического сотрудничества и устойчивого развития. Этому есть вполне понятные причины.

Рисунок 1 – Соотношение доли мирового ВВП стран-членов БРИКС и G7 за 2009–2020 год, % (составлено на основе [10])

Во-первых, четыре из пяти участников БРИКС, а именно Россия, Индия, Китай и Бразилия, входят в ТОП-10 стран с наибольшим объемом ВВП, а также наибольшей долей от мирового ВВП. В настоящий момент на международном рынке БРИКС приобретает особое экономическое влияние, которое обеспечивается за счет ускоренного экономического роста стран-участниц. По итогам

2020 года совокупный объем ВВП БРИКС хоть и уступает странам Большой Семерки (24 960, 29 млрд долл. против 42 008,9 млрд долл. соответственно), общая доля в мировом ВВП БРИКС выше, чем у Большой Семерки (34,02 % против 28,78 % соответственно). Подробную информацию по совокупного ВВП стран БРИКС И G7 можно просмотреть на рис. 1 и 2.

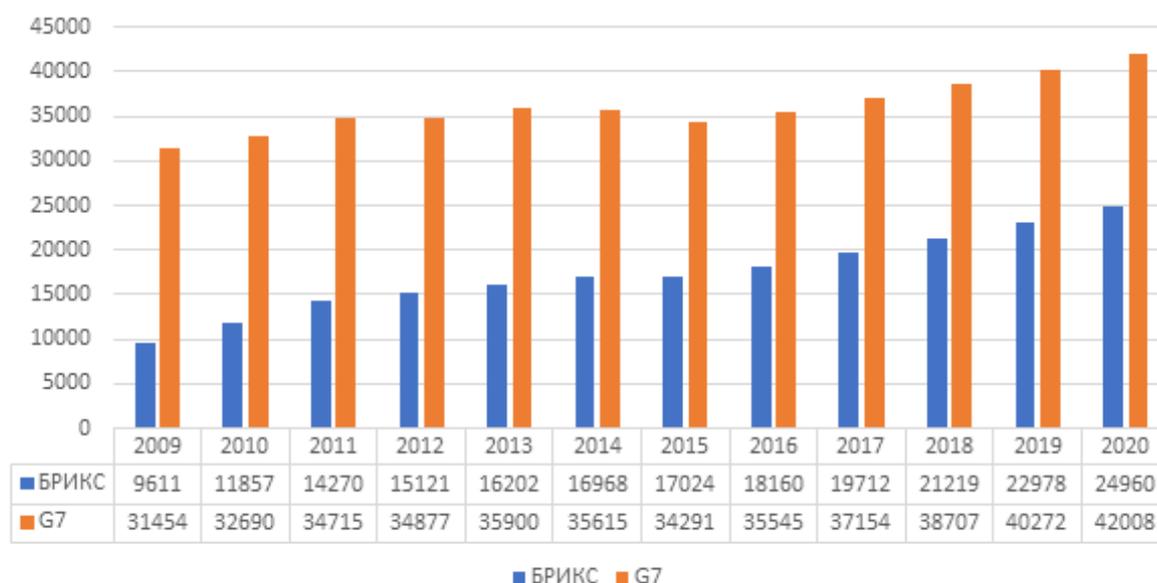

Рисунок 2 – Совокупный объем ВВП стран-членов БРИКС и G7 за 2009–2020 год, млрд долл. (составлено на основе [12])

Основываясь на имеющихся данных, касающихся динамики ВВП стран БРИКС и G7, можно констатировать тенденцию к наращиванию показателя доли ВВП в его совокупном мировом объеме. За анализируемый период рост двух показателей БРИКС составил 29,15 % и 159,70 %, у стран G7 –18,75 % и 33,55 %. Таким образом, даже несмотря на то, что доля ВВП стран G7 превалирует над странами БРИКС, тенденция роста больше у БРИКС, она показывает большой потенциал к дальнейшему развитию [7, с. 288].

Стоит отметить, что за относительно недолгое существование БРИКС данное объединение стало одним из главных факторов создания многополярного мира, а также комплексного реформирования международной финансовой системы и дальнейшего развития сотрудничества различных государств с развивающимися рынками. При этом выгодное положение стран-членов БРИКС, а также их отдельные преимущества, обеспечивают наличие в мировой экономике наиболее важных ресурсов.

Так, Бразилия является одним из основных поставщиков сельскохозяйственной продукции, а также полезных ископаемых, таких как железная, марганцевая руды и др. Российская Федерация – крупнейший экспортер минеральных ресурсов, таких как нефть, газ и уголь. Индия и Китай предоставляют мировой экономике дешевую рабочую силу и интеллектуальный капитал. ЮАР является одним из лидеров по запасам и экспорту золота, урановой руды и каменного угля.

Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества России и БРИКС в рамках реализации ее стратегических интересов является развитие диалога между банковской сферой России и Новым банком развития БРИКС, целью которого является мобилизация ресурсов в целях устойчивого развития стран БРИКС, а также в других странах с развивающимся (формирующимся) рынком [8, с. 38].

В рамках такого диалога также предполагается создание пула условных валютных

резервов, структура которого следующая: на долю Российской Федерации, Бразилии и Индии приходится по 18 млрд долл., Китая – 41 млрд долл., ЮАР – 5 млрд долл., в совокупности сумма составляет 100 млрд долл. Целью такого соглашения является предоставление центральными банками стран-членов долларов США в случае ухудшения долларовой ликвидности.

На сегодняшний день это представляется особо актуальным, поскольку в условиях санкций и постепенного отхода многих стран от расчета в рублях и их перехода либо к расчетам в национальных валютах либо в иных, значительно ухудшает курс доллара и выставляет на первый план необходимость поиска иных расчетных денежных единиц.

На саммите БРИКС в России в 2016 году обсуждалась возможность создания альтернативной платежной системы (аналога SWIFT), а также к переходу к расчету в национальной валюте стран-членов БРИКС. Это представляется особенно актуальным, поскольку Россию все больше склоняют к экономической изоляции от всего остального мира, а также показывают ее зависимость от международных финансовых инструментов и сервисов, и именно поэтому на повестке дня стоит вопрос либо создания собственных инструментов по расчетам и платежам, либо формирования совместно с дружественными странами таких инструментов.

Также вполне логично создание альтернативной валюты, которая смогла бы если не вытеснить, то составить здоровую конкуренцию доллару США, поскольку в настоящий момент его ликвидность и курс поддерживаются за счет все возрастающих внешних обязательств США, которые уже в несколько раз превышают ВВП страны, и многие аналитики сходятся во мнении, что в ближайшее время данный «финансовый пузырь» может лопнуть, что приведет к финансовому кризису, поскольку не будет существовать такой же распространенной, крепкой и международной расчетной валюты [9, с. 166].

Именно поэтому альтернативная валюта БРИКС может помочь с поиском новых расчетных инструментов. Однако для этого стоит мобилизовать все ресурсы и имеющиеся резервы, поскольку необходимо будет поддерживать достаточный уровень ликвидно-

сти обменного курса данной валюты за счет золотых резервов и увеличивающихся объемов расчетов в данной валюте. В имеющихся реалиях институты развития в лице Нового банка развития БРИКС и центральных банков стран-членов вполне способны к созданию новой альтернативной валюты, конкурента доллара США. Таким образом, можно будет значительно смягчить те негативные последствия для финансовой и банковской сферы экономики стран в случае полного отказа от расчета в долларах или их полного исчезновения из платежных и расчетных операций.

Таким образом, главными задачами сотрудничества институтов развития БРИКС и России являются:

- создание единой альтернативной платежной системы и новой платежной единицы в рамках сотрудничества. Внедрить данную структуру можно посредством создания своей собственной криптовалюты, посредством которой будет осуществляться более 20 % мировых потоков прямых иностранных инвестиций и расчетов;

- укрепление финансовых связей и сотрудничества в различных сферах. В данном случае предлагается создание особой нормативно-правовой базы, задачей которой будет реализация двух целей: снятие административных барьеров между странами для стимулирования финансовых потоков между странами-членами, а также реализация принципа свободной торговли через введение налоговых льгот и особых экспортных и импортных ставок (либо их полное снятие) для стимулирования внешнеторговой деятельности;

- либерализация инвестиционных процедур между странами-участницами БРИКС, например, разрешение на частичный контроль или более углубленное участие (инвестирование) в капитал отечественных производителей (например, увеличение допустимого уровня участия иностранных инвесторов в уставном капитале компаний).

Таким образом, реализация успешного сотрудничества между странами БРИКС может способствовать обеспечению финансовой стабильности, сотрудничеству в сфере экономической безопасности, а также поможет минимизировать негативные последствия от неблагоприятного течения международной экономической обстановки.

Развитием дальнейшего экономического сотрудничества являются многосторонние отношения Российской Федерации со странами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), в состав которого входят Республика Беларусь, Республика Армения, Кыргызская Республика и Республика Казахстан.

В рамках поэтапного развития интеграционное объединение нескольких стран ЕАЭС прошло несколько стадий: Таможенный союз, единое экономическое пространство и финальный этап – экономический союз.

Главной целью экономического сотрудничества в рамках данного союза является поощрение и дальнейшее расширение масштабного рынка. Помимо этого, внешнеторговые отношения имеют следующий вектор развития, а именно идет акцент:

– на увеличение экспорта продукции путем снятия таможенных и административных барьеров (ставок на импорт и экспорт) между странами-членами;

– открытие новых перспектив ведения бизнеса, таких как высокотехнологичные и инновационные производства. В данном случае можно вводить налоговые льготы или каникулы для таких компаний в целях дальнейшего стимулирования их деятельности;

Помимо экономической стороны проявляется позитивный социальный эффект от вступления России в данный союз, а именно наличие не только доступа к миграционным потокам и ресурсам стран-членов, но и также к возможностям по созданию унифицированных правил регулирования данных потоков, что в перспективе может способствовать идее реализации целей развития экономики и бизнеса [11].

Также можно посмотреть эффект от взаимодействия всех стран-членов в рамках ЕАЭС по макроэкономическому показателю ВВП (рис. 3).

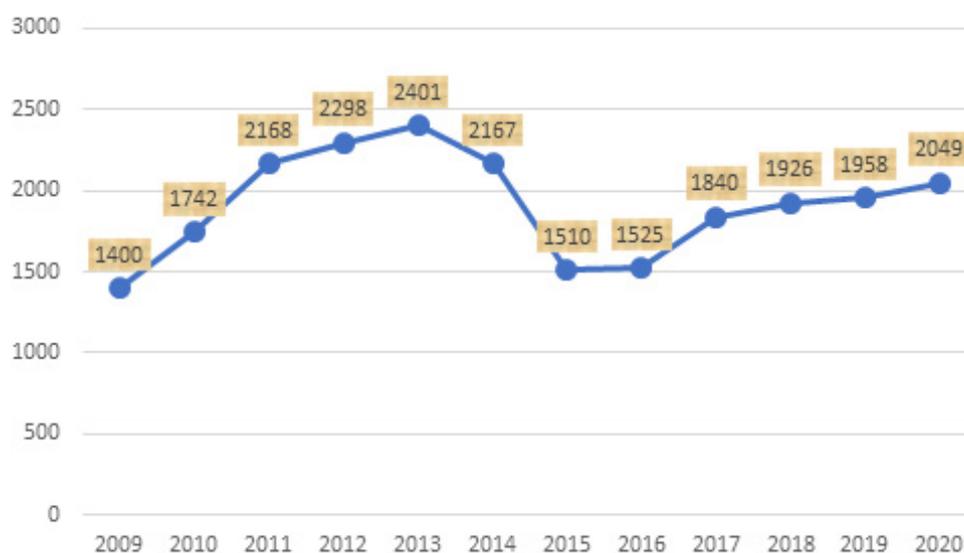

Рисунок 3 – Объем ВВП стран-членов ЕАЭС за 2009–2020 годы, млрд долларов (составлено на основе [2])

Логически данный временной период можно разбить на две части: период с 2009 по 2014 год и с 2015 (год создания ЕАЭС) по 2020. Таким образом, в первый временной интервал темп роста составил 54,79 %, а с 2015 по 2020 год – 35,69 %. Можно констатировать, что хотя темп роста до создания ЕАЭС ниже, данное интеграционное объединение сыграло немаловажную роль в посткризисный период (после кризиса 2015 года) всех ее стран-членов. Также на ЕАЭС приходится более 20 % мировых объемов газа

и более 15 % мировых объемов нефти [12]. Таким образом, ЕАЭС становится мощным, с экономической точки зрения, центром экономического развития, который представляет собой крупный региональный рынок, объединяющий более 170 млн чел. и более 3,5 % от мирового объема ВВП.

Также в рамках данного объединения целесообразно ввести координацию между различными институтами развития, аналогом в БРИКС которого является Новый банк развития БРИКС. Однако на сегодняшний день

существующие в ЕАЭС институциональные субъекты направлены на содействие развитию рыночной экономики и преодолению негативных кризисных последствий. Поэтому вполне логично предложить создать такой орган координации и взаимодействия всех стран-членов ЕАЭС, который позволил бы ускорить их инновационный и технологический потенциал.

В таком случае необходимо создание финансового института, деятельность которого могла бы быть направлена на финансирование высокотехнологических сфер и отраслей. Аккумуляция средств в рамках данного фонда может идти путем взносов стран-членов ЕАЭС на содействие инновационной сферы ЕАЭС [13, с. 10].

При этом важно не расширять полномочия уже существующих институтов развития, а создать принципиально новый орган, который будет заниматься непосредственно только достижением вышеуказанной цели, чтобы не перегружать их дополнительными функциями и полномочиями.

Постепенно выполняя все вышеуказанные шаги, вполне можно будет достичь выполнения нескольких стратегически важных приоритетов для России, а именно ускорение развития инновационной сферы, повышение экономической безопасности, а также увеличение отдельных макроэкономических характеристик и показателей.

Таким образом, участие Российской Федерации в различных интеграционных объединениях не случайно, а вполне логически закономерно. В рамках достижения основных стратегических целей и задач, стоящих перед социально-экономическим развитием России, необходима дальнейшая и более полная интеграция с другими странами, которая будет строиться на принципах многостороннего мира, уважения интересов всех участников, а также способствовать развитию международных экономически отношений.

БРИКС на данный момент представляется весьма перспективным объединением, поскольку на его долю приходится более 34 % мирового ВВП, и он обгоняет по данному показателю G7. При этом очень важна координация в рамках функционирования Нового банка развития по вопросам финансирования инфраструктурных и инвестиционных

проектов, а также минимизации последствий макроэкономической нестабильности, возникших вследствие кризисных явлений.

Евразийский экономический союз также представляет довольно большой интерес для России в рамках достижения основных стратегических целей развития. Очень важным направлением для дальнейшей работы здесь является координация стран и создание института развития, главной целью которого являлось бы повышение конкурентоспособности стран-членов за счет увеличения их технологического и инновационного уровня развития.

Именно за счет таких ускоренных темпов макроэкономической интеграции возможен дальнейший рост социально-экономического положения Российской Федерации и укрепления ее статуса на международной арене.

Список литературы

1. Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Ратнер А.В. Национальные экономические интересы России в современных геополитических условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 21–33.
2. Доля в мировом ВВП стран-участников ЕАЭС: EconomicData. URL: https://www.economicdata.ru/union.php?menu=economic-unions&un_id=27&un_ticker=EAEU&union_show=economics&ticker=EAEU-GDPShare (дата обращения: 09.03.2022).
3. Доля стран в мировом ВВП: Fincan. URL: http://fincan.ru/articles/55_dolya-stran-v-mirovom-vvp/ (дата обращения: 10.03.2022).
4. Захарова М.А. О роли институтов развития в диверсификации экономики России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 242–248.
5. Зиядуллаев Н.С. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11.
6. Колодина Е.С. Участие Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 38–40.
7. Кулешова Ю.И., Кузнецова А.С. Экономические отношения России со странами БРИКС // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 10 (38). С. 284–290.
8. Монастырская Г.М. Межбанковское сотрудничество стран БРИКС // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 11. С. 37–40.
9. Олейник Г.В. Институты развития как фактор повышения экономического роста в современных реалиях // Индустриальная экономика. 2022. Т. 2. № 1. С. 165–168.
10. Совокупный ВВП стран-участников БРИКС: EconomicData. URL: https://www.economicdata.ru/union.php?menu=military-political-unions&un_id=15&un_ticker=BRICS&union_show=economics&ticker=BRICS-GDPIMF (дата обращения: 09.03.2022).
11. Холкина А.А. Преимущества и недостатки всту-

пления стран-участниц в Евразийский экономический союз // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. № 46.

12. Шинкаревецкая Г.Г. Россия в интеграционных объединениях: приобретения и потери // Международное право. 2014. № 1.

13. Yarygina I.Z., Oleinik G.V. Development banks in the post COVID era: problems and challenges // Science and innovations 2021: development directions and priorities: Proceedings of the International Conference, Melbourne, 10 ноября 2021 года. Melbourne: Infinity, 2021, pp. 8–13.

References

1. Andreeva E.L., Glukhikh P.L., Ratner A.V. National economic interests of Russia in modern geopolitical conditions. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2014. No. 6 (36). pp. 21-33.

2. *Share in the world GDP of the EAEU member states: Economic data*. URL: https://www.economicdata.ru/union.php?menu=economic-unions&un_id=27&un_ticker=EAEU&union_show=economics&ticker=EAEU-GDPShare (accessed: 09.03.2022).

3. The share of countries in world GDP: *Finkan*. URL: http://fincan.ru/articles/55_dolya-stran-v-mirovom-vvp/ (accessed: 03/10/2022).

4. Zakharova M.A. On the role of development institutions in the diversification of the Russian economy. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2009. No. 5. pp. 242-248.

5. Ziyadullaev N.S. EAEU: between politics and

economics. *Problems of theory and practice of management*. 2014. № 11.

6. Kolodina E.S. Participation of the Russian Federation in the Eurasian Economic Union. *Economics and Business: theory and practice*. 2017. No. 7. pp. 38-40.

7. Kuleshova Yu.I., Kuznetsova A.S. Economic relations of Russia with the BRICS countries. *Skif. Questions of student science*. 2019. No. 10 (38). pp. 284-290.

8. Monastyrskaya G.M. Interbank cooperation of the BRICS countries. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2016. No. 11. pp. 37-40.

9. Oleinik G.V. Development institutions as a factor of increasing economic growth in modern realities. *Industrial Economy*. 2022. Vol. 2. No. 1. pp. 165-168.

10. *BRICS participants-BRICS participants: Economic data*. URL: https://www.economicdata.ru/union.php?menu=military-political-unions&un_id=15&un_ticker=BRICS&union_show=economics&ticker=BRICS-GDPIMF (accessed: 09.03.2022).

11. Kholkina A.A. Advantages and disadvantages of the entry of the participating countries into the Eurasian Economic Union. *Actual issues of economic sciences*. 2015. No. 46.

12. Shinkaretskaya G.G. Russia in integration associations: gains and losses. *International Law*. 2014. № 1.

13. Yarygina I.Z., Oleinik G.V. Development banks in the post-COVID era: problems and challenges. *Science and Innovation 2021: directions and priorities of development: Proceedings of the International Conference, Melbourne, February 10, 2021*. Melbourne: Infinity, 2021, pp. 8-13.

УДК 338.3

Третьяков Олег Владимирович,
кандидат экономических наук, заведующий кафедрой инновационных технологий добычи нефти и газа, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ АЛГОРИТМА
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ КОМПАНИИ
СФЕРЫ УСЛУГ**

В статье представлен процесс формирования алгоритма цифровой трансформации современной компании сферы услуг, основанный на анализе цифровых трендов и внутренней среды компании. Определена степень влияния информационных технологий на отдельные функциональные области компании. Выявлены факторы, определяющие последовательность внедрения цифровых технологий в функциональные области деятельности компании, анализируются факторы успешной реализации цифровой трансформации компании.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация экономики; цифровая трансформация; сфера услуг; сервисизация экономики; бизнес-процессы; цифровые технологии.

UDC 338.3

Tretyakov Oleg Vladimirovich,
PhD in Economics, Head of the Department of Innovative technologies for oil and gas production, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

**FORMATION OF THE DIGITAL
TRANSFORMATION ALGORITHM
MODERN SERVICE COMPANY**

The article presents the process of forming an algorithm for the digital transformation of a modern service company based on the analysis of digital trends and the internal environment of the company. The degree of influence of information technologies on individual functional areas of the company is determined. The factors that determine the sequence of introduction of digital technologies in the functional areas of the company's activities are identified, the factors for the successful implementation of the company's digital transformation are analyzed.

Key words: digital economy; digitalization of the economy; digital transformation; services sector; service economy; business processes; digital technologies.

В современных условиях хозяйствования в экономической теории и практической деятельности многих государств приобрело актуальность понятие «цифровая экономика», когда ключевую роль во многих сферах деятельности общества стали играть информационные и коммуникационные технологии, являющиеся составной частью цифровой экономики.

Цифровая экономика – это перспективная реальность, представляющая собой комплексную интегрированную систему гибких технологий и коммуникаций интел-

лектуального общества, обеспечивающую решение актуальных экономических задач, реализовать которую стремится современное общество. Основными признаками цифровой экономики выступают непрерывное развитие, изменение, повышение гибкости, аддитивность, обмен информацией и реализация операций в режиме реального времени, самообучающееся цифровое «умное» общество. Достижение такого состояния социально-экономических систем возможно исключительно посредством цифровой трансформации, основными

драйверами которой на сегодняшний день являются новые продукты и сервисы, новейшие информационные и управленческие технологии, инновационные бизнес-модели, отраслевые цифровые платформы [1, с. 253].

В силу необходимости перехода к цифровой экономике в новых экономических условиях все субъекты социально-экономической системы, стремящиеся к устойчивому функционированию, вынуждены проходить через процесс цифровой трансформации. Цифровая трансформация – это внедрение современных цифровых технологий в бизнес-процессы. Этот подход подразумевает не только установку современного оборудования или программного обеспечения, но и фундаментальные изменения в подходах к управлению, корпоративной культуре, внешних коммуникациях. В результате повышаются производительность каждого сотрудника и уровень удовлетворенности клиентов, а компания приобретает репутацию прогрессивной и современной организации. На практике это означает создание системы сквозных бизнес-процессов, которую можно назвать цифровой экосистемой бизнеса [8, с. 6].

Цифровизация процессов актуальна не только на уровне отдельных предприятий и компаний: целые отрасли выбирают для себя этот путь развития как единственную возможность соответствовать стремительно меняющимся условиям окружающего мира. Это обуславливает необходимость изучения проблематики цифровой трансформации с позиций системного подхода применительно ко всем сферам социально-экономического устройства и жизни общества.

Цифровая трансформация позволяет обеспечивать максимально полное раскрытие потенциала цифровых технологий через их использование во всех аспектах бизнеса – процессах, продуктах и сервисах, подходах к принятию решений. Основные преимущества, которые несет цифровая трансформация, наиболее существенно проявляются при оказании услуг, что определяется известными свойствами услуг, такими как их персонализированный характер, ориентированность на взаимодействие исполнителя (производителя) и заказчика (потребителя), нематериальный и зачастую информационный характер.

Целью данного исследования является

формирование алгоритма цифровой трансформации современной компании сферы услуг, в основе которого лежит анализ цифровых трендов и внутренней среды компании.

Идеей цифровой трансформации охвачен весь мир, она сейчас является одной из самых популярных тем для обсуждения на всех уровнях менеджмента, но в действительности это далеко не новое понятие, дискуссия о нем идет уже несколько десятилетий. Однако в научной сфере и бизнес-среде до настоящего времени не сформировалось устойчивого понимания сущности и содержания термина «цифровая трансформация». Следует также отметить, что содержание термина «цифровая трансформация» эволюционировало вместе с изменением и развитием технологий [2, с. 44]. Долгое время под цифровой трансформацией подразумевался перевод в цифровой формат или хранение в цифровом формате традиционных форм данных. Это тоже одно из направлений цифровой трансформации, однако в современном мире данное понятие гораздо шире, чем перевод в цифровой формат. Когда предприятия и компании осознали все возможности использования оцифрованных данных, они стали разрабатывать процессы для этих целей. С этого момента цифровые технологии стали бурно развиваться, и способность быстро внедрять их напрямую определяет конкурентоспособность компаний. Большинство руководителей компаний согласны с тем, что цифровая трансформация необходима, чтобы бороться с конкуренцией, идти в ногу с технологиями и изменчивыми ожиданиями потребителей. Тем не менее многие не уверены в том, с чего начать и что именно подразумевает цифровая трансформация.

На сегодня определений цифровой трансформации существует множество. Некоторые IT-специалисты категорически против «заморозки» данного понятия в устойчивом определении, обосновывая это тем, что эволюция цифровых технологий продолжается и содержание данного термина эволюционирует вместе с ними. И это, несомненно, так, однако очертить границы сущности и содержания термина «цифровая трансформация» – задача не только важная, но и крайне необходимая на современном этапе развития цифровой экономики, позволяющая сформировать единое понимание и

выделить основные направления цифровой трансформации [2, с. 45].

Необходимо также отметить, что внутри понятия «цифровая трансформация» существует множество терминов, например [2, с. 45]:

1) digitization (оцифровка) – представляет собой преобразование информации «с физических носителей на цифровые». В рамках digitization (оцифровки) не происходит изменения качества и содержания информации, она просто преобразуется в электронную форму для последующей обработки в цифровом формате, что позволяет усовершенствовать существующие бизнес-процессы, добавив в них информацию в цифровом формате. Если классифицировать данный подход, то его можно соотнести с 3-й промышленной революцией, которая продолжалась в период с 1969 по 2010 годы;

2) digitalization (цифровизация) – это изначально создание нового продукта в цифровой форме. Ключевое отличие digitalization (цифровизация) – в создании нового инновационного продукта, с новым функционалом и потребительскими свойствами. И если digitization (оцифровка) в первую очередь направлена на совершенствование существующих бизнес-моделей и изменение бизнес-процессов, то digitalization (цифровизация) позволяет получить существенный рывок в бизнесе и новые конкурентные преимущества. Digitalization (цифровизация) – это уже элемент 4-й промышленной революции, которую часто называют Industry 4.0.

В рамках нашего исследования значимым представляется определение цифровой трансформации как процесса интеграции цифровых технологий во все аспекты бизнес-деятельности компании, требующего внесения коренных изменений в технологии, культуру, операции и принципы создания новых продуктов и услуг. Для максимально эффективного использования новых технологий и их оперативного внедрения во все сферы деятельности компании должны отказаться от прежних устоев и полностью преобразовать процессы и модели работы. Цифровая трансформация требует смещения акцента на периферию компаний и повышение гибкости центров обработки данных, которые должны поддерживать периферию. Этот процесс также означает постепенный отказ

от устаревших технологий, обслуживание которых может дорого обходиться компаниям, а также изменение культуры, которая теперь должна поддерживать ускорение процессов, обеспечиваемое цифровой трансформацией [2, с. 46].

Важно подчеркнуть, что для цифровой трансформации никогда не будет достаточным лишь наличие технологии как таковой. Для того чтобы процесс цифровой трансформации был полноценным, необходимы четко сформулированные бизнес-задачи и данные. Таким образом, цифровую трансформацию возможно рассматривать только на пересечении всех трех измерений: сформулированной бизнес-задачи, наличия данных и собственно технологий.

Цифровая трансформация предполагает фундаментальное переосмысление того, как работает организация и как она взаимодействует с окружающей средой [5]. Главным драйвером изменений выступает современный потребитель – бизнес меняется под воздействием новых факторов. Именно поэтому цифровая трансформация – это не услуга консалтинговых компаний, а неизбежный процесс, который переживает мировой бизнес, адаптируясь к новым условиям и предпочтениям общества цифровой экономики.

Развитые страны мира уделяют пристальное внимание гармоничному развитию системообразующих элементов цифровой экономики.

Одним из пионеров цифровизации и главным идеологом концепции «Индустрии 4.0» является Германия, которая еще в 2011 г. официально представила государственную стратегию под одноименным названием (Industrie 4.0). Помимо общей концепции Industrie 4.0 в ФРГ на государственном уровне также разработаны и осуществляются несколько других стратегий и инициатив схожего профиля и направленности, например, Smart Networking Strategy, на базе которой, в свою очередь, была представлена программа Digital Agenda.

Во Франции в июле 2015 г. был создан «Альянс индустрии будущего» (Alliance pour l'Industrie du Futur), объединяющий различные организации из сферы частного бизнеса, научной среды и ряд государственных институтов и учреждений.

В Великобритании новая цифровая стратегия (UK Digital Strategy 2017) была официально опубликована 1 марта 2017 г.

В Японии основным правительственным документом, определяющим долгосрочные цели и задачи страны в сфере развития цифровых технологий, является Smart Japan ICT Strategy, официально опубликованный в июне 2014 г.

В КНР в марте 2015 г. была представлена национальная концепция/стратегия «Интер-

нет+» (в английской версии – Internet Plus). В этой интегрированной стратегии обозначены несколько ключевых направлений дальнейшего развития цифровых технологий в связке с другими отраслями промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферой и государственными институтами.

На сегодняшний день можно выделить следующие виды цифровых технологий в современном мире (рис. 1).

Рисунок 1 – Виды современных цифровых технологий

Основными предпосылками организации перехода к цифровой экономике в России стали: развитие физической инфраструктуры доступа к Интернету; рост числа пользователей сети Интернет; развитие электронной коммерции; развитие ИТ-отрасли страны; развитие национальной системы электронного правительства. Создание цифровой экономики в России обрело статус государственной задачи. В июле 2017 года распоряжением правительства утверждена госпрограмма «Цифровая экономика Российской Федерации».

В рамках «Программы развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года» цифровая трансформация экономики определяется как [1, с. 253]:

1. Изменение модели управления экономикой от программно-целевой к программно-прогностической.

2. Смена экономического уклада, изменение традиционных рынков, социальных отношений, государственного управления, связанная с проникновением в них цифровых технологий.

3. Принципиальное изменение основного источника добавленной стоимости и структуры экономики за счет формирования более эффективных экономических процессов, обеспеченных цифровыми инфраструктурами.

4. Переход функции лидирующего механизма развития экономики к институтам, ос-

нованным на цифровых моделях и процессах.

Человеческий фактор, недостаток знаний, устаревшее оборудование, технологии и ИТ-системы, привычки клиентов – вот главные препятствия на пути цифровой трансформации в российской социально-экономической системе. Влияние негативных факторов можно нивелировать активизацией и усилением воздействия факторов, способствующих цифровой трансформации и создающих условия для ускорения процессов цифровизации [3].

Менеджмент компаний сферы услуг в условиях нового цифрового экономического уклада должен активно реагировать на изменения во внешней среде, выстраиваться с учетом прозрачности и структурированности всех бизнес-процессов, применять эффективную систему управления знаниями и мотивации персонала, а также учитывать особенности управления компанией в условиях цифровизации.

На рис. 2 представлены основные особенности управления компанией в условиях цифровизации [7, с. 4].

При внедрении в деятельность компании цифровые технологии дают ряд преимуществ, среди которых можно выделить повышение гибкости производства за счет проактивного изменения характеристик производственного процесса и обеспечение

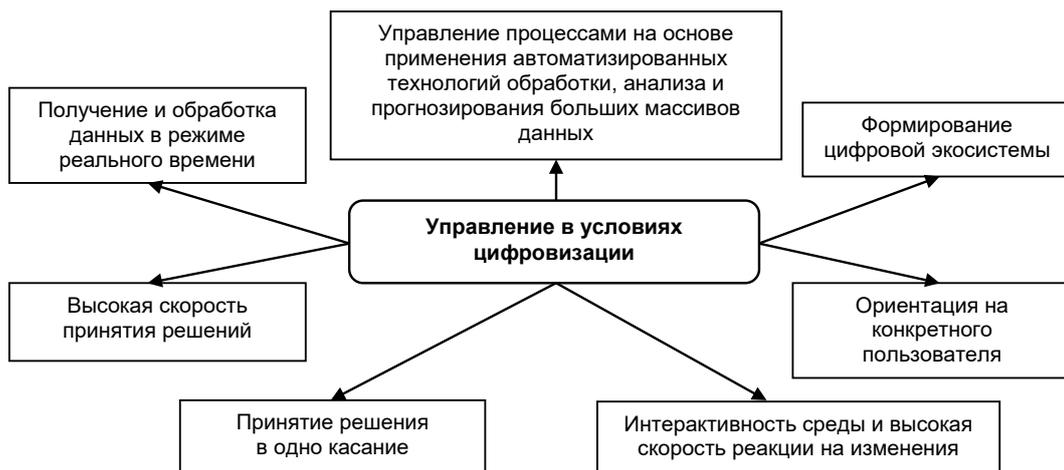

Рисунок 2 – Особенности управления компанией в условиях цифровизации

информационной интеграции этапов жизненного цикла производимой продукции. Цифровая трансформация дает качественное улучшение бизнес-процессов компании за счет внедрения инноваций и адаптации бизнес-моделей к условиям современной цифровой экономики.

Основные направления цифровизации, позволяющие выявить эффективный единый алгоритм трансформации предприятий и компаний России, представлены на рис. 3 [4, с. 22].

Рисунок 3 – Актуальные направления цифровизации в современной компании

Если рассматривать каждое из направлений цифровизации, то следует обратить внимание на выделение двух видов изменений в компании: общие и связующие. Совершенствование этих направлений должно идти параллельно и комплексно.

В табл. 1 [9, с. 166–167] представлены актуальные направления цифровизации функциональных областей компании сферы услуг и эффекты, которые может получить руководство, благодаря внедрению цифровых технологий в данных областях.

Таблица 1 – Влияние цифровых технологий на функциональные области компании

Функциональная область	Влияние цифровых технологий
Система управления и принятия управленческих решений	Обработка и анализ значительных массивов данных, использование математико-статистических моделей для выработки управленческих решений, упорядочивание процессов планирования, облегчение процедур контроля
Производство	Повышение точности производственных процессов, снижение влияния человеческого фактора за счет автоматизации производственных процессов, обеспечение экономии ресурсов

Продажи и маркетинг	Применение нейронных сетей для анализа и оценки потребностей и запросов целевых групп потребителей, прогнозирование спроса и предложения на рынке, использование Интернета и мобильных технологий в качестве канала продаж или продвижения продукции и услуг компании
Логистика	Обеспечение бесперебойного движения материального потока, оптимизация складских и транспортных операций
Управление персоналом	Организация электронного обучения персонала, автоматизация процессов кадрового учета
Менеджмент качества	Цифровой анализ оборудования и готовой продукции, компьютерное моделирование процессов
Финансовые операции и документооборот	Упорядочивание, повышение скорости обработки информации, снижение количества ошибок
Система внешних и внутренних коммуникаций компании	Расширение каналов и способов связи со всеми заинтересованными лицами, в особенности с потребителями, возможность использования мультимедийного контента для лучшего воздействия на целевую аудиторию

Анализ таблицы показывает, что интеграция информационных технологий в отдельные функциональные области управления компанией несет значительные положительные эффекты, следовательно, предпосылками к активной цифровизации компании могут служить [10]: необходимость удовлетворения требований потребителей, облегчение для них процессов поиска, покупки, использования своих продуктов и сервисов, послепродажного обслуживания; желание повысить эффективность отдельных функциональных областей и компании в целом; необходимость следования общеотраслевым трендам по внедрению информационных технологий для поддержания уровня конкурентоспособности.

Интеграция цифровых технологий в деятельность компании требует создания «цифровой экосистемы», состоящей из технической части (компьютеры, периферийные устройства, смартфоны), внутренней сети компании и доступа к сети Интернет, облачных сервисов, стандартизированного программного обеспечения, веб-приложений, электронных платформ, обеспечивающих цифровые коммуникации компании.

На наш взгляд, в целом цифровая трансформация современной компании сферы услуг может происходить по алгоритму, представленному на рис. 4.

Цифровая трансформация должна носить непрерывный характер, обусловленный скоростью изменения цифровых технологий, и осуществляться на базе тщательного анализа внешней и внутренней среды компании. Без учета актуальных цифровых трендов, которые активно распространяются среди компаний сферы услуг, выбор внедряемых

технологий невозможен. При этом следует прогнозировать, какие из цифровых продуктов будут иметь долгосрочный эффект и действительно окажутся полезными для компании с учетом особенностей внутренней среды и системы менеджмента, а какие являются лишь краткосрочными трендами [11]. Также важно определить очередность внедрения информационных технологий в систему менеджмента компании, так как цифровизация, как правило, предполагает постепенное внедрение информационных технологий в различные функциональные области деятельности компании.

Последовательность интеграции цифровых технологий определяют следующие факторы [6]: ориентация на потребности целевой группы потребителей и стратегические направления развития компании; влияние на конкурентоспособность, важность для функционирования компании с учетом отраслевой принадлежности; экономический эффект; возможность интеграции с имеющимися информационными продуктами компании.

Таким образом, можно заключить, что цифровая трансформация для современных экономических систем – это:

- во-первых, двигатель роста, обеспечивающий построение цифровых бизнес-моделей посредством стимулирования роста в рамках и за рамками основного бизнеса компании; выявления и создания новых цифровых моделей бизнеса; обеспечения долгосрочной конкурентоспособности;

- во-вторых, инструмент повышения эффективности на основе трансформации операционной модели бизнеса на цифровые технологии за счет: оптимизации бизнес-про-

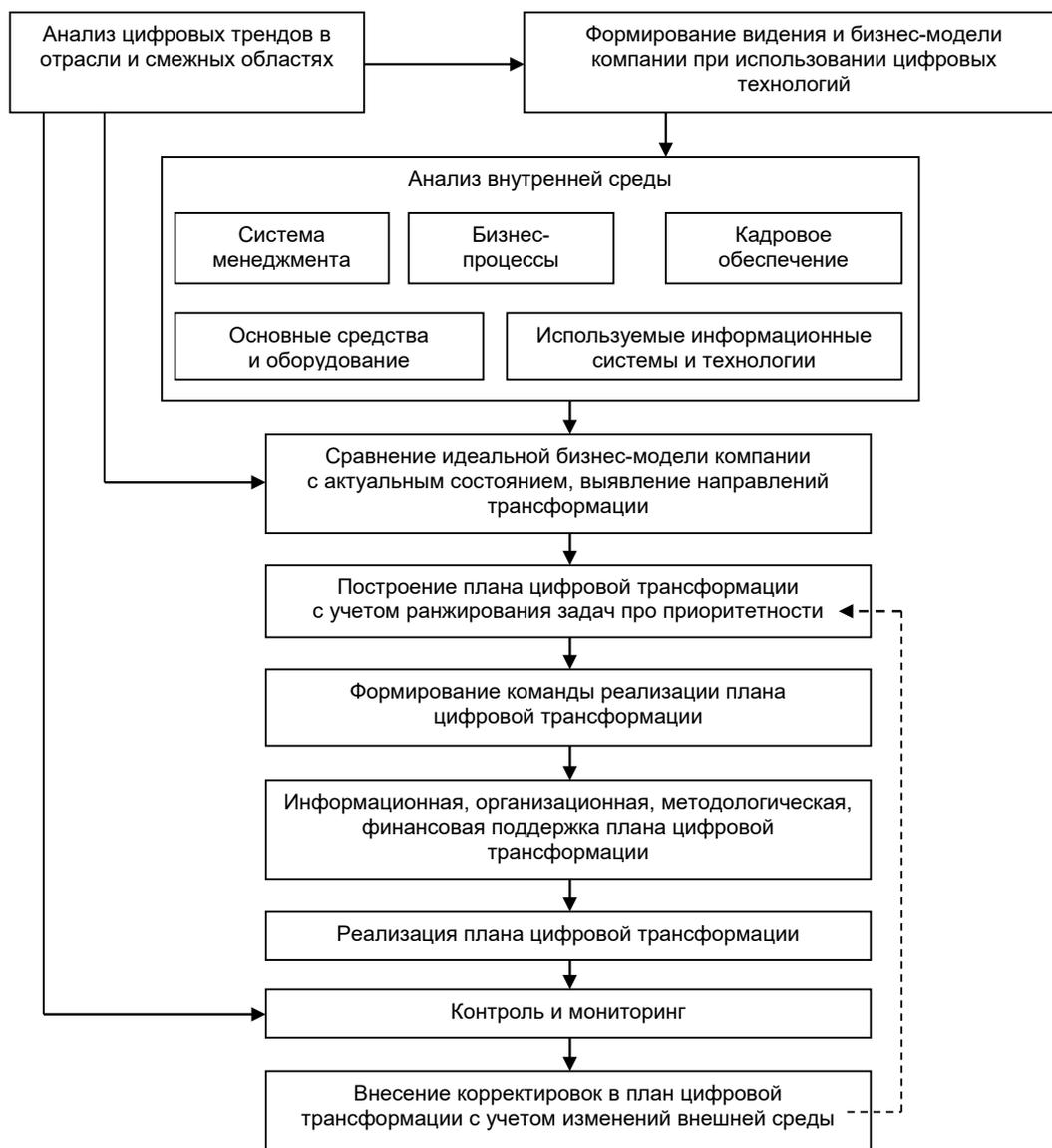

Рисунок 4 – Алгоритм цифровой трансформации современной компании сферы услуг

цессов всех уровней и сокращения затрат; рационального использования имеющихся компетенций и инфраструктуры; перевода всей цепочки создания стоимости на цифровые технологии и модернизации архитектуры информационных технологий;

– в-третьих, базис для прорывных инноваций, являющийся основой создания корпоративного инкубатора и венчурного капитала путем выявления перспективных возможностей для роста в будущем; заблаговременно создание условий для доступа к новейшим и дополняющим технологиям; позиционирования в качестве партнера в долгосрочной перспективе [2, с. 48].

Факторами успешной реализации цифровой трансформации являются: поддержка

процесса цифровой трансформации компании не только на уровне топ-менеджмента, но и другими группами сотрудников; наличие у участников проекта цифровой трансформации компании соответствующих знаний и компетенций, что достигается как специальной подготовкой имеющегося персонала, так и привлечением специалистов со стороны; формирование кросс-функциональных команд для проведения трансформации, включающих как ИТ-специалистов, так и экспертов в функциональных областях, где проводится внедрение информационных технологий; логичность и плавность внедрения изменений, гибкий подход к внедрению цифровых технологий.

Проведение цифровой трансформации –

проблема, которую приходится решать руководству любой современной компании сферы услуг, если она желает оставаться конкурентоспособной и намерена обеспечивать устойчивое развитие в меняющихся условиях внешней среды. Поэтому руководству компании следует заранее планировать, последовательно реализовывать и постоянно контролировать процесс цифровой трансформации для получения заданных результатов и соответствия новым требованиям бизнес-среды.

Список литературы

1. Грибанов Ю.И. Факторы и условия цифровой трансформации социально-экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2. С. 253–259.
2. Грибанов Ю.И., Шатров А.А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3. С. 44–48.
3. Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский В.П., Куприяновский П.В., Синягов С.А. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 1. С. 4–11.
4. Ефремова Н.А., Игнатова Г.В. Особенности цифровизации российских предприятий в современных условиях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3 (72). С. 20–22.
5. Китова О.В., Брускин С.Н. Цифровая трансформация бизнеса // Цифровая экономика. 2018. № 1 (1). С. 20–25.
6. Ковригин Е.А., Васильев В.А. Проблемы готовности системы менеджмента качества к интеграции современных цифровых технологий // Качество. Инновации. Образование. 2020. № 5 (169). С. 17–23.
7. Косарева И.Н., Самарина В.П. Особенности управления предприятием в условиях цифровизации // Вестник Евразийской науки. 2019. № 3. С. 1–9.
8. Руденко М.Н., Грибанов Ю.И. Тенденции цифровизации и сервисизации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 5–8.
9. Соболевская Т.Г. Влияние цифровизации экономики на систему менеджмента современного пред-

приятия // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10А. С. 165–171.

10. Шарандина Н.Л. Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // Финансовое право. 2018. № 9. С. 15–19.

11. Шикарин А., Климова М. Цифровые дали // Эксперт. 2018. № 37. С. 8–11.

References

1. Gribanov Yu.I. Factors and conditions of digital transformation of socio-economic systems. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019. No. 2. pp. 253-259.
2. Gribanov Yu.I., Shatrov A.A. The essence, content and role of digital transformation in the development of economic systems. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019. No. 3. pp. 44-48.
3. Dobrynin A.P., Chernykh K.Yu., Kupriyanovskiy V.P., Kupriyanovskiy P.V., Sinyagov S.A. Digital economy – various ways to effective application of technologies (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA and others). *International Journal of Open Information Technologies*. 2016. No. 1. pp. 4-11.
4. Efremova N.A., Ignatova G.V. Features of digitalization of Russian enterprises in modern conditions. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2018. No. 3 (72). pp. 20-22.
5. Kitova O.V., Bruskin S.N. Digital transformation of business. *Digital economy*. 2018. No. 1 (1). pp. 20-25.
6. Kovrigin E.A., Vasiliev V.A. Problems of readiness of the quality management system for the integration of modern digital technologies. *Quality. Innovation. Education*. 2020. No. 5 (169). pp. 17-23.
7. Kosareva I.N., Samarina V.P. Features of enterprise management in the conditions of digitalization. *Bulletin of Eurasian Science*. 2019. № 3. С. 1–9.
8. Rudenko M.N., Gribanov Yu.I. Trends of digitalization and service economy. *Theory and practice of the service: economy, social sphere, technology*. 2019. No. 2 (40). pp. 5-8.
9. Sobolevskaya T.G. The impact of digitalization of the economy on the management system of a modern enterprise. *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2019. Vol. 9. No. 10A. pp. 165-171.
10. Sharandina N.L. Digital economy as a priority national development goal of the Russian Federation: a legal aspect. *Financial Law*. 2018. No. 9. pp. 15-19.
11. Shikarin A., Klimova M. Digital distances. *Expert*. 2018. No. 37. pp. 8-11.

УДК 338.22.021.1

Шаврина Юлия Олеговна,

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры бухгалтерского учета,
анализа и аудита, Оренбургский госу-
дарственный университет, г. Оренбург,
Россия, e-mail: Shavrina_82@list.ru*

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К УПРАВЛЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ
УСТОЙЧИВОСТЬЮ КОММЕРЧЕСКИХ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

В статье представлено исследование методических подходов к управлению финансовой устойчивостью коммерческого предприятия. Раскрыт процесс управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия, исходя из положений, заданных соответствующим подходом. Определена цель управления, ее составляющие элементы. В рамках выделенных подходов к управлению финансовой устойчивостью коммерческого предприятия раскрыто содержание объекта, предмета, информационного обеспечения, финансовых методов и инструментария, необходимых для достижения целей управления. Выявлены преимущества и недостатки применения исследуемых подходов к управлению финансовой устойчивостью коммерческих предприятий.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; бизнес-процесс; процессное управление; цифровое управление.

UDC 338.22.021.1

Shavrina Yulia Olegovna,

*Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Accounting, Analysis and Audit,
Orenburg State University, Orenburg, Russia,
e-mail: Shavrina_82@list.ru*

**METHODOLOGICAL APPROACHES
TO MANAGEMENT FINANCIAL
STABILITY OF COMMERCIAL
ENTERPRISES**

The article presents a study of methodological approaches to managing the financial stability of a commercial enterprise. The process of managing the financial stability of a commercial enterprise is disclosed, based on the provisions set by the appropriate approach. The purpose of management, its constituent elements are determined. Within the framework of the selected approaches to managing the financial stability of a commercial enterprise, the content of the object, subject, information support, financial methods and tools necessary to achieve management goals is disclosed. The advantages and disadvantages of applying the studied approaches to managing the financial stability of commercial enterprises are revealed.

Keywords: financial stability; business process; process management; digital control.

Финансовая устойчивость является индикатором управления финансовыми ресурсами коммерческих предприятий. При этом существуют разные подходы управления коммерческим предприятием в целом и выделения финансового менеджмента как части управления предприятием. В этой связи в современной экономической литературе обозначены разные подходы к системе

управления финансовой устойчивостью. Системный подход управления предприятием определяет, что финансовый менеджмент является частью системы вертикального управления. То есть определена иерархическая структура управления, разделяющая обязанности и полномочия между руководящими звеньями от общих к частным, используя схему линейного подчинения струк-

турных подразделений. Исследуя системное управление финансовой устойчивостью, мы выделили следующие этапы: докризисный, кризисный, модернизационный и инновационный.

Докризисный период системного управления связан с повышением экономической деятельности предприятия, перед финансовым менеджментом ставится задача обеспечения финансового равновесия и рост собственного капитала, а также эффективное использование запасов. Выполнение указанных задач является обеспечением критериев финансовой устойчивости коммерческого предприятия. Данный подход представлен в работах С. Наими, А.В. Ивановской, Е.В. Гребенщикова [3; 14].

Кризисный период в управлении финансовой устойчивостью связан с массовым банкротством коммерческих предприятий, чему посвящены исследования В.В. Григорьевой, А.В. Гуковой, И.Д. Аникиной, А.В. Кирова, И.В. Корнеевой, Г.Н. Русаковой. Ими предложены меры снижения рисков банкротства и разра-

ботаны направления поиска внутриорганизационных резервов стабилизации финансовой устойчивости [4; 5; 11].

В период модернизации экономики А.Н. Дубоносовой, Ю.В. Иода, Ю.Г. Шишкиной представлены направления обеспечения инвестиционной привлекательности коммерческого предприятия, финансовые методы и рычаги стратегий финансового менеджмента, необходимые для обеспечения финансовой устойчивости [7; 9].

В период инновационной экономики А.В. Киров обосновывает значение привлечения дополнительных источников для осуществления инноваций коммерческим предприятием, что является критерием его финансовой устойчивости [10].

Управление финансовой устойчивостью – это система, включающая в себя выявление факторов, влияющих на финансовую устойчивость, разработку стратегий финансового менеджмента, использования нормирования, как инструментария управления.

Таблица 1 – Характеристика элементов системного подхода в управлении финансовой устойчивостью коммерческого предприятия

Элемент системы	Системный подход
Объект (на что направлено управление)	Система положений финансового менеджмента, созданная для выполнения прогнозов кризисных явлений и процессов в части финансов коммерческого предприятия, их идентификации и возможности стабилизации финансового положения
Субъект (кто выполняет управление)	Структурное подразделение, обладающее соответствующими полномочиями (система финансового менеджмента)
Методы	Методы финансового менеджмента – разработка финансовой политики и ведение финансовых стратегий
Инструментарий	Нормирование показателей, интегрирование показателей

Управление финансовой устойчивостью коммерческого предприятия на основе системного подхода предполагает выполнение следующих этапов деятельности финансового менеджмента:

1. Разработка финансовой политики, которая призвана обеспечить финансовую устойчивость коммерческого предприятия на основе управления имуществом и капиталом.

2. Формирование положений стратегического менеджмента в части обеспечения финансовой устойчивости коммерческого предприятия: формирование структуры капитала, инвестиционной политики, управление оборотным капиталом, анализ финансовых рисков.

3. На финансовую устойчивость предпри-

ятия влияют различные факторы, которые можно разделить на две группы: внутренние и внешние. К первой группе относятся: состав и структура выпускаемой продукции (услуг), ее доля в спросе; размер уставного капитала предприятия; величина и структура расходов производства, их динамика по сравнению с денежными доходами предприятия; состояние имущества и финансовых средств, включая запасы и резервы, их структура и состав. Вторая группа включает: положение организаций на товарном рынке; производство дешевой и пользующейся спросом продукции; возможный потенциал предприятия в деловом сотрудничестве; степень зависимости от внешних кредиторов и инвесторов; наличие платежеспособных дебиторов; эффектив-

ность хозяйственных и финансовых операций.

4. Оценка финансового состояния (определение показателей платежеспособности, абсолютных и относительных показателей финансовой устойчивости, деловой активности), финансовых результатов (определение показателей рентабельности продаж, затрат, основной деятельности, капитала, фондорентабельность), эффективность ресурсного потенциала (фондоотдача, материалоотдача, ресурсоотдача), определение инвестиционной привлекательности (включает показатели обеспеченности ресурсами, рентабельность продукции, численность персонала, уровень загрузки производственных мощностей, износ основных средств, наличие основных и производственных фондов), также необходимо определение и наличие использования инноваций.

5. Поиск резервов улучшения качества рассчитанных показателей: направление части «чистой» прибыли непосредственно на прирост уставного капитала для повышения норматива (или пополнения) собственных оборотных средств; продажа объектов основных средств и использование полученных средств (или даже их части) на пополнение собственных оборотных средств; применение средств относительно развития партнерских отношений с коммерческими банками и увеличение на этой основе объема краткосрочных кредитов в своем хозяйственном обороте; расширение практики расчетов с покупателями за отгруженную продукцию на условиях предоплаты.

Схематично системный подход к управлению финансовой устойчивостью коммерческого предприятия представлен на рис. 1.

Рисунок 1 – Алгоритм управления финансовой устойчивостью на основе системного подхода

Система управления финансовой устойчивостью коммерческих предприятий базируется на основе разработанной финансовой политики.

Финансовая политика – это совокупность принципов и норм, используемых в управлении финансами предприятий, и цели ее формирования: сделать управление финансами организации более жестким и конструктивным, придать ему системный характер. С помощью финансовой политики можно добиться того, чтобы финансовый менеджмент стал предсказуемым. Это важно, в первую очередь, для партнеров и контрагентов компании. При этом растет доверие к данной организации, что положительно сказывается на ее развитии. Таким образом, финансовая политика коммерческого предприятия задает стратегию финансового менеджмента в части управления финансовой устойчивостью. Следующим этапом в управлении финансовой устойчивостью на основе системного подхода становится оценка факторов, влияющих на нее. После определения факторов выполняются аналитические процедуры, дающие оценку финансовому состоянию, финансовым результатам, ресурсному потенциалу коммерческого предприятия, его инвестиционной привлекательности, наличию и использованию инноваций. Так как нормирование выступает главным инструментом системного подхода в управлении финансовой устойчивостью, определено значимой процедурой становится выявление соответствия нормативным значениям рассчитанных показателей. В случае соответствия можно дать положительную оценку разработанной финансовой политике и стратегическому менеджменту. Если же рассчитанные значения показателей ниже нормы, то требуется поиск резервов их улучшения и пересмотр стратегий финансового менеджмента.

Процессный подход приходит на смену функциональному управлению. Данное обстоятельство связано с большим количеством исходной информации для принятия конкретного управленческого решения и субъективным фактом управленческого персонала ввиду отсутствия разделения полномочий внутри процессов. По факту полномочия распределяются функционально, без детализации, проработки и регламентирования операций заданного бизнес-процесса.

Для процессного подхода характерен взгляд на предприятие как совокупность ключевых бизнес-процессов и концентрация на результате деятельности при реализации оптимального способа его достижения.

В современной отечественной литературе накоплен большой опыт исследования сущности бизнес-процесса. Определение бизнес-процесса представлено в трудах С.Ю. Кузнецова, А.Г. Геокчакяна, О.А. Дубровиной, О.А. Пахомовой [2; 8; 13].

В понимании С.Ю. Кузнецова бизнес-процесс – определенный, упорядоченный набор действий, который с помощью контрольного действия преобразует входные данные процесса в выходные данные; бизнес-процесс – это совокупность операций для достижения результата, имеющего ценность для потребителя [13].

А.Г. Геокчакян определяет бизнес-процесс как совокупность действий, направленных на преобразование ресурсов в результаты, которые выступают в виде продукции, услуг, информации. Предприятие представляет собой совокупность процессов, отсутствие которых означает, что предприятие не функционирует должным образом [2].

О.А. Дубровина, О.А. Пахомова дают следующее определение бизнес-процессу: это совокупность различных видов деятельности, в рамках которой «на входе» используется один или несколько видов ресурсов, и в результате этой деятельности на «выходе» создается продукт, представляющий ценность для потребителя [8].

Таким образом, любой бизнес-процесс имеет вход, выход, управление и ресурсы.

1. Вход – материал или информация, которые используются или преобразуются бизнес-процессом для получения результата (выхода).

2. Управление – правила, технологии, процедуры или стандарты, которыми руководствуется бизнес-процесс.

3. Выход – материал или информация, которая производится бизнес-процессом. Бизнес-процесс без результата не имеет смысла.

4. Ресурсы – финансовые ресурсы, персонал предприятия, оборудование, инструмент.

В ходе применения процессного подхода к управлению каждое структурное подразделение обеспечивает выполнение опре-

деленных бизнес-процессов, в которых оно принимает участие. Формулировка обязанностей, области ответственности, критерий успешной деятельности для каждого структурного подразделения (единицы) имеют смысл только в контексте определенного бизнес-процесса. Горизонтальные связи между структурными подразделениями (или единицами) при процессном подходе значительно сильнее по сравнению с системным подходом.

При этом авторами были предприняты попытки сфокусировать внимание при применении процессного подхода на управлении финансовой устойчивостью коммерческого предприятия. Обозначена роль финансовой устойчивости, как части общей устойчивости в управлении коммерческим предприятием, определено, что управление финансовой устойчивостью происходит в условиях рисков ее дестабилизации под воздействием факторов внутренней и внешней среды. Предприняты попытки сформировать систему исходной информации для оценки финансовой устойчивости в данных управленческого учета.

Ю.С. Дентовская уточняет, что финансовая устойчивость выступает целью эффективного выполнения бизнес-процессов. В качестве исходных данных берется финансовая отчетность предприятия и интерпретируется коэффициент автономии [12].

Ключевыми моментами в управлении финансовой устойчивостью являются: управление входными ресурсами, сокращение затрат, улучшение уровня обслуживания по-

требителей, повышение скорости реализации бизнес-процессов

С.А. Кочетков выделяет финансовую устойчивость как часть общей устойчивости коммерческого предприятия, определяет направления управленческих процессов – оптимизация различных видов деятельности и их адаптация к изменяющимся условиям [12].

Авторы не исключают выполнения критериев финансовой устойчивости в ходе управления ею, то есть обеспечение платежеспособности, получение экономической эффективности деятельности и выполнение пропорционального соотношения собственного и заемного капитала. При этом сформулированы авторские подходы к инструментариям управления финансовой устойчивостью коммерческих предприятий.

В работах В.П. Божко, С.Ю. Балычева, А.М. Батьковского управление финансовой устойчивостью определяется как процесс, направленный на своевременное выполнение своих обязательств, получение и рост дохода от всех видов деятельности и возможность обеспечения финансового равновесия (пропорциональное соотношение собственного и заемного капитала). Основой управления финансовой устойчивостью является производственная деятельность, которая выполняется в условиях обеспечения доходности при возникновении рисков [1].

Выполненное исследование позволило раскрыть содержание элементов процессного подхода к управлению финансовой устойчивостью коммерческого предприятия (табл. 2).

Таблица 2 – Характеристика процессного подхода к управлению финансовой устойчивостью коммерческого предприятия

Элемент системы	Раскрытие содержания
Объект (на что направлено управление)	Процесс управления финансовыми ресурсами в ходе их формирования, расходования и создания новой стоимости
Субъект (кто выполняет управление)	Управленческий персонал соответствующих центров ответственности, наделенных указанными полномочиями в рамках
Методы	Гибкое бюджетирование
Инструментарий	Планирование ресурсов, реинжиниринг, формирование релевантного знания

Управление финансовой устойчивостью – это процесс управления ресурсами в ходе их формирования, расходования, создания новой стоимости для удовлетворения запросов потребителей в условиях воздействия

факторов риска потери финансовой независимости.

Применяя процессный подход в управлении финансовой устойчивостью, можно выделить следующие критерии для ее обе-

спечения: платежеспособность, абсолютные и относительные показатели финансовой устойчивости, деловая активность, рентабельность, конкурентоспособность. Формирование величины значений указанных критериев выполняется в ходе осуществления бизнес-процессов. Исходя из содержания процессного управления, выделяют вход, выход и осуществление самого бизнес-процесса, что оказывает влияние на величину значений, сформулированных выше критериев, расчет которых носит оперативный характер, и имеется возможность релевантности исходных величин. Соотношение выполнения операционного бизнес-процесса и задач, стоящих в цепочке горизонтального управления в части обеспечения устойчивости, задают следующие параметры: на входе потребляется определённая стоимость соответствующих ресурсов, в тех объемах, которые определены технологическим процессом. При этом для обеспечения бесперебойного производства необходимо, чтобы материальные ресурсы поступали на предприятие вовремя, в нужном количестве и должного качества. Поэтому на входе в операционный бизнес-процесс в соответствующем центре ответственности выполняется работа с поставщиками. Расчеты с поставщиками – важный сегмент в деятельности коммерческого предприятия. Здесь важно соблюсти баланс цены приобретаемых материальных ресурсов, их качества, условий доставки, логистических подходов, учесть возможность выполнения обязательств перед поставщиком и определить влияние всех перечисленных факторов на устойчивое развитие. Особое значение приобретает выбор поставщика и возможность альтернативного выбора в случае форс-мажорных обстоятельств. Оперативное реагирование системы менеджмента на изменения показателей должно быть задано релевантными возможностями процессного управления. Таким образом, на входе в операционный бизнес-процесс выбор поставщика и взаимодействие с ним определяет величину кредиторской задолженности и величину запасов. Данные позиции оказывают влияние на показатели платежеспособности и абсолютные показатели финансовой устойчивости.

В ходе выполнения операционного бизнес-процесса выполняется всесторонняя

оценка качества производимой продукции в целях повышения конкурентоспособных преимуществ и удовлетворения запросов потребителя. Одним из факторов конкурентоспособности является себестоимость продукции. Формирование информации о себестоимости продукции, создаваемой конкретным бизнес-процессом, осуществляется в центрах затрат системы управления. Задачей работы центров затрат становится не только минимизация затрат, но и всестороннее наблюдение за их формированием, оперативное реагирование на возникающее отклонение от бюджетных параметров, обеспечение устранения выявленных отклонений или поиск альтернативных вариантов решения проблемы на основе релевантных данных. В части управления качеством продукции должно быть выполнено оптимальное расходование ресурсов, формирование себестоимости с позиций полноты включения понесенных затрат, с одной стороны, и сохранения конкурентоспособных преимуществ – с другой. Заданные параметры выполнения операционного бизнес-процесса определяют конкурентоспособность производства и, как следствие, – деловую активность.

На выходе из операционного процесса формируется готовая продукция, подлежащая реализации. В процессе реализации предприятие вступает во взаимоотношения с покупателями, выбор которых тоже является проблемным вопросом. Не всегда покупатель, желающий приобрести продукцию, может своевременно за нее рассчитаться. В ходе работы с покупателями формируются дебиторская задолженность предприятия и величина операционного финансового результата. Указанные данные служат основой для расчета показателей платежеспособности и рентабельности. Поэтому целесообразно определиться с выбором покупателя, исходя из проработки нескольких альтернативных решений с определением расчетных значений показателей в зависимости от релевантности исходных данных. Указанные выше центры ответственности в структуре горизонтального управления наделены конкретными полномочиями, взаимосвязаны и могут обмениваться информацией для выбора оптимального решения.

Информационная система процессного управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия представлена на рис. 2.

Рисунок 2 – Информационная система процессного управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия

Выделим основные организационно-методические положения процессного управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия:

1. Управление финансовой устойчивостью коммерческого предприятия носит оперативный характер, управленческое решение принимается в момент выявления отклонений от заданных параметров выполнения бизнес-процесса.

2. Исходные данные для управления финансовой устойчивостью формируются в центрах ответственности, заданных горизонтальной моделью управления. При этом все центры ответственности наделены общей це-

лью выполнения бизнес-процесса – результатом, заданным работой бизнес-модели.

3. Основой процессного управления финансовой устойчивостью является ориентация заданным параметрам, сформулированным системой бюджетирования.

4. Управленческое решение принимается на основе релевантных данных, с проработкой возможных вариантов развития событий и выбирается оптимальный вариант.

Алгоритм процессного управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия можно представить в виде последовательного выполнения следующих действий:

1. Определяются параметры финансовой устойчивости коммерческого предприятия в ходе выполнения бизнес-процесса с учетом входа и выхода.

2. Формулируются бюджетные значения основных показателей финансовой устойчивости, определенные выполнением заданного бизнес-процесса.

Рисунок 3 – Алгоритм процессного управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия

Оперативное выявление отклонений от бюджетных значений показателей финансовой устойчивости сопровождается принятием оперативного управленческого решения исходя из релевантности исходных данных.

Определение рисков дестабилизации финансовой устойчивости в условиях выявления

отклонений работы бизнес-модели от первоначально заданных параметров.

Алгоритм процессного управления финансовой устойчивостью коммерческого предприятия представлен в виде схемы на рис. 3.

Процессный подход предполагает диагностику текущей финансовой ситуации и выбор

оптимального управленческого решения для недопущения дестабилизации финансовой устойчивости. Информационной базой для выполнения аналитических процедур являются данные системы менеджмента и набор индикаторов, выраженных неколичественным способом. В данном случае финансовая устойчивость стабилизируется ситуационно, в конкретный момент времени, исходя из проблем в работе с контрагентами, нарушения стандартов качества. Индикаторами в оценке ситуационной финансовой устойчивости являются: бесперебойное выполнение бизнес-процессов, развитие маркетинговых стратегий, доказательное и оптимальное формирование заемного капитала.

В качестве недостатков применения процессного управления можно отметить, что информационной базой являются данные центров ответственности, разработанные согласно принятой системе управленческого учета на предприятии, который ведется не на каждом предприятии. Также в исходных данных есть нечисловые значения, интерпретация которых носит субъективный характер.

Таким образом, исследование позволило определить содержание и сформировать алгоритм системного и процессного подходов к управлению финансовой устойчивостью коммерческого предприятия. Системное управление финансовой устойчивостью предполагает ее включение в содержание целей финансового менеджмента коммерческого предприятия. Алгоритм системного управления финансовой устойчивостью базируется на финансовой политике предприятия и обосновании положений стратегии финансового менеджмента, которые задают нормативные показатели финансовой устойчивости, достижение которых определяет эффективность реализации стратегий финансового менеджмента. Процессное управление финансовой устойчивостью коммерческого предприятия предполагает выделение центров ответственности в рамках выполнения операционного бизнес-процесса, в которых происходит формирование информации о достижении или недостижении заданных бизнес-моделью индикаторов, влияющих на финансовую устойчивость. По результатам анализа и интерпретации полученных отклонений принимается оперативное управленческое решение, направленное на ситуаци-

онное изменение финансовой устойчивости коммерческого предприятия.

Список литературы

1. Божко В.П., Балычев С.Ю., Батьковский А.М., Батьковский М.А. Управление финансовой устойчивостью предприятий // Статистика и экономика. 2013. № 4. С. 36–41.
2. Геочакян А.Г. Исследование факторов конкурентоустойчивости проектно-ориентированных компаний // Вестник ЧелГУ. 2021. № 3 (449). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-faktorov-konkurentoustoichivosti-proektno-orientirovannyh-kompaniy> (дата обращения: 11.02.2022).
3. Гребенщикова Е.В. Финансовая устойчивость промышленного предприятия и способы ее обеспечения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 186 с.
4. Григорьева Т.И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз: учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 486 с.
5. Гукова А.В., Аникина И.Д., Киров А.В. Механизм управления финансовой устойчивостью фирмы в контексте ресурсно-факторного подхода // Финансовый журнал. 2013. № 2. С. 75–84.
6. Дентовская Ю.С. Реинжиниринг бизнес-процессов // Вестник науки и образования. 2016. № 2(14). С. 39–48.
7. Дубоносова А.Н. Система управления финансовой устойчивостью компании // Справочник экономиста. 2018. № 5. С. 24–39.
8. Дубровина О.А., Пахомова О.А. Возможности применения процессного подхода в управлении предприятием // Фундаментальные исследования. 2018. № 12-2. С. 250–254. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=42385> (дата обращения: 11.08.2022).
9. Иода Ю.В., Шишкина Ю.Г. Механизмы управления и обеспечения финансовой устойчивости предприятия // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 6. С. 93–98.
10. Киров А.В. Информационно-аналитическая система управления финансовой устойчивостью фирмы // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 27. С. 23–28.
11. Корнеева И.В., Русакова Г.Н. Управление финансовой устойчивостью предприятия реального сектора экономики // Управленческие науки. 2016. № 4. С. 79–84.
12. Кочетков Д.А. Интеграция новой системы контроля и управления проектами и процессами предприятия // Статистика и экономика. 2014. № 4. С. 77–79.
13. Кузнецов С.Ю., Руденко И.В. Управление бизнес-процессами (BPM) в стратегическом менеджменте // CPPM. 2015. № 2 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-biznes-protsessami-vm-v-strategicheskom-menedzhmente> (дата обращения: 12.08.2022).
14. Наими С., Ивановская А.В. Методы управления финансовой устойчивостью компании для целей повышения эффективности бизнеса // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2021. № 3. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/3/economicmanagement/Naimi_Ivanovskaya.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

References

1. Bozhko V.P., Balychev S.Yu., Batkovsky A.M., Batkovsky M.A. Financial stability management of enterprises. *Statistics and economics*. 2013. No. 4. pp. 36-41.
2. Geokchakyan A.G. Research of factors of competitiveness of project-oriented companies. *Bulletin of CheISU*. 2021. No. 3 (449). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-faktorov-konkurentoustoychivosti-proektno-orientirovannyh-kompaniy> (date of reference: 02/11/2022).
3. Grebenshchikova E.V. *Financial stability of an industrial enterprise and ways to ensure it: dis. ... Candidate of Economic Sciences*. M., 2007. 186 p.
4. Grigorieva T.I. *Financial analysis for managers: assessment, prognosis: textbook for undergraduate and graduate studies. 3rd ed., reprint. and additional* M.: Yurayt, 2018. 486 p.
5. Gukova A.V., Anikina I.D., Kirov A.V. The mechanism of financial stability management of a firm in the context of a resource-factor approach. *Financial Journal*. 2013. No. 2. pp. 75-84.
6. Dentovskaya Yu.S. Reengineering of business processes. *Bulletin of Science and Education*. 2016. No. 2(14). pp. 39-48.
7. Dubonosova A.N. Financial stability management system of the company. *Handbook of the economist*. 2018. No. 5. pp. 24-39.
8. Dubrovina O.A., Pakhomova O.A. Possibilities of using the process approach in enterprise management. *Fundamental research*. 2018. No. 12-2. pp. 250-254. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42385> (date of reference: 08/11/2022).
9. Ioda Yu.V., Shishkina Yu.G. Management mechanisms and ensuring financial stability of the enterprise. *Socio-economic phenomena and processes*. 2017. No. 6. pp. 93-98.
10. Kirov A.V. Information and analytical management system of financial stability of the firm. *Financial analytics: problems and solutions*. 2011. No. 27. pp. 23-28.
11. Korneeva I.V., Rusakova G.N. Management of financial stability of the enterprise of the real sector of the economy. *Managerial sciences*. 2016. No. 4. pp. 79-84.
12. Kochetkov D.A. Integration of a new system of control and management of projects and processes of the enterprise. *Statistics and economics*. 2014. No. 4. pp. 77-79.
13. Kuznetsov S.Yu., Rudenko I.V. Business process management (BPM) in strategic management. *CPRM*. 2015. No. 2 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-biznes-protsessami-vrm-v-strategicheskomenedzhmente> (accessed: 12.08.2022).
14. Naimi S., Ivanovskaya A.V. Methods of managing the financial stability of a company for the purposes of improving business efficiency. *Electronic scientific journal "Vector of Economics"*. 2021. No. 3. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/3/economicsmanagement/Naimi_Ivanovskaya.pdf (accessed: 06.08.2022).

Молева Марина Михайловна,

*доцент кафедры информатики и управления,
Военный университет имени князя Александра
Невского Министерства обороны Российской
Федерации, г. Москва, Россия,
e-mail: batova_m_m@mail.ru*

Баранов Вячеслав Викторович,

*доктор экономических наук, профессор, профес-
сор института бизнеса и делового администри-
рования, Российская академия народного хозяй-
ства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Россия,
e-mail: yar.baranow@gmail.com*

Чжао Кай,

*аспирант кафедры финансового менеджмента,
Московский государственный технологический
университет «СТАНКИН», г. Москва, Россия*

**ЗОНЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ
И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ
КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

В статье на основе анализа развития промышленного потенциала Китая установлены предпосылки использования инструментария государственно-частного партнерства. Выявлена роль зон развития новых и высоких технологий в формировании инновационной инфраструктуры китайской экономики, а также установлены особенности государственной поддержки создания и функционирования зон. Определены перспективы конвергенции таких зон развития новых и высоких технологий в условиях цифровой трансформации китайской экономики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : государственно-частное партнерство; инновационная сфера; инновационная инфраструктура; технологические инновации; зона развития новых и высоких технологий; научно-технологический парк; высокотехнологичные предприятия.

Moleva Marina Mikhailovna,

*Associate Professor, Department of Informatics and
Control, Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia, e-mail: batova_m_m@mail.ru*

Baranov Vyacheslav Viktorovich,

*Doctor of Economics, Professor, Professor of the
Institute of Business and Business Administration,
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia,
e-mail: yar.baranow@gmail.com*

Zhao Kai,

*postgraduate student of the Department of Financial
Management, Moscow State Technological University
“STANKIN”, Moscow, Russia*

**ZONES OF DEVELOPMENT OF
NEW AND HIGH TECHNOLOGIES
IN THE STRATEGY OF
FORMING THE INNOVATION
INFRASTRUCTURE OF THE
CHINESE ECONOMY**

Based on an analysis of the development of China's industrial potential, the article establishes the prerequisites for using public-private partnership tools. The role of zones for the development of new and high

technologies in the formation of the innovation infrastructure of the Chinese economy is revealed, as well as the features of state support for the creation and functioning of the zones. The prospects for convergence of zones for the development of new and high technologies in the context of the digital transformation of the Chinese economy are determined.

Key words: public-private partnership; innovation sphere; innovation infrastructure; technological and innovations; zone of development of new and high technologies; science and technology park; high-tech enterprises.

Переход национальной экономической системы на новую модель развития, характерную для цифровой экономики и основанную на знаниях, невозможен без использования новых форм создания и коммерциализации инноваций.

В мировой практике ключевую роль в решении этой задачи играет государство, выступающее:

- во-первых, как инициатор перехода на инновационный путь развития различных отраслей экономики;

- во-вторых, как гарант выполнения поставленных задач в сфере формирования качественно новых результатов интеллектуальной деятельности [6].

Эффективным инструментом, обеспечивающим переход на качественно новую организацию инновационной деятельности, выступают различные формы государственно-частного партнерства, совокупность которых формирует инновационную инфраструктуру национальной экономики [2].

В китайской экономике основу такой инфраструктуры в настоящее время составляют территории инновационного развития. Такие территории объединяют:

- во-первых, региональные инновационные кластеры,

- во-вторых, зоны новых и высоких технологий, являющиеся разновидностью технопарков.

Китайская модель государственно-частного партнерства

Проведенные в китайской экономике модернизационные преобразования привели к созданию конкурентоспособной инновационной системы, снижению зависимости промышленных предприятий от импортных технологий. Произошло увеличение доли расходов на НИОКР, которые в 2020 г. стали составлять 2,5 % ВВП, в то время как в 2005 г. эта доля не превышала 1,34 % [7].

В настоящее время в Китае созданы комфортные условия для участников ин-

новационной деятельности. Для этого был задействован ряд инструментов в сфере совершенствования законодательства [10]. В результате был обеспечен благоприятный налоговый режим, задействованы институты субсидирования и масштабного финансирования. Это привело к стимулированию инвестиций в инновационный бизнес.

Кроме того, важным фактором развития национальной инновационной системы Китая выступает условие, при котором зарубежные корпорации, для того чтобы получить возможность выхода на китайский рынок и осуществлять в стране производственную деятельность, передают китайским государственным предприятиям инновационные технологии.

В настоящее время в инновационной сфере китайской экономики активно развивается государственно-частное партнерство [6; 12], которое, являясь специфической формой отношений государства и частного бизнеса, охватывает процессы создания инновационной инфраструктуры и управления ее объектами [1]. Участники партнерства, имея идентичные стратегические цели, при реализации соглашения о партнерстве ориентируются на приоритет государственных интересов в процессах инновационной трансформации экономики. При этом взаимоотношение участников, имея партнерский характер, предполагает наличие у них равных прав, которые отражены в официальных документах. Это могут быть договора о научно-техническом сотрудничестве, различные национальные программы и т.д. Распределяя доходы, расходы и риски, участники государственно-частного партнерства используют заранее сформированный механизм.

Китайская модель использования инструментов государственно-частного партнерства предполагает, что частный бизнес на основе выполненных исследований в начале осуществляет разработку инновационных технологий (процессных инноваций)

и продуктов (продуктовых инноваций), а затем переходит к освоению и коммерциализации созданных инноваций. Государство же выступает как инициатор инновационной модернизации экономики, финансируя фундаментальные НИОКР [18] и стимулируя процессы генерации фундаментальных знаний. По данным Министерства науки и техники КНР 2019 г. расходы Китая на фундаментальные исследования достигли 133,6 млрд юаней (около 20,4 млрд долл. США), что составляет более 6 % от объема всех расходов, выделяемых на научно-исследовательские разработки (НИОКР), а в 2020 г. финансирование фундаментальных исследований превысило 150 млрд юаней [7; 14]. Министерство науки и техники КНР прогнозирует, что в течение 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) расходы на финансирование фундаментальных исследований достигнут рекордных 8 % от объема всех расходов, выделяемых на НИОКР [7].

В государственно-частном партнерстве государство выступает генератором общественно значимых интересов, реализуя целеполагающую и контрольную функции.

Государство заинтересовано:

- во-первых, в достижении народно-хозяйственной эффективности проектов, реализуемых на условиях партнерских отношений с частным бизнесом;

- во-вторых, в достижении бюджетного эффекта [1; 2].

Цель участия частного бизнеса в партнерстве в тактической перспективе состоит в максимизации прибыли, а в стратегической – в достижении высокого уровня капитализации бизнеса [1; 2]. Достижение этих целей обеспечивается за счет реализации различных проектов, в рамках которых участники используют механизмы эффективного распределения рисков, обязательств и полученной выгоды.

Начало создания инновационной инфраструктуры китайской экономики связано с принятием в 1988 г. Государственной научно-технической программы «Факел» [15; 18], целью которой было проведение инновационной модернизации в традиционных отраслях промышленности и создание в стране высокотехнологичных отраслей экономики, ориентированных на развитие микро- и оптоэлектроники, энергосберегающих и аэрокосмических технологий, создание новых материалов и т.д. [16]. Реализация программы позволила определить ключевые преимущества Китая и сформировать стратегию повышения научно-технического потенциала, а также разработать спектр мероприятий в сфере государственной поддержки процессов коммерциализации достижений национальных компаний в области высоких и новейших технологий.

Зоны развития новых и высоких технологий в китайской экономике

Создаваемые в настоящее время в рам-

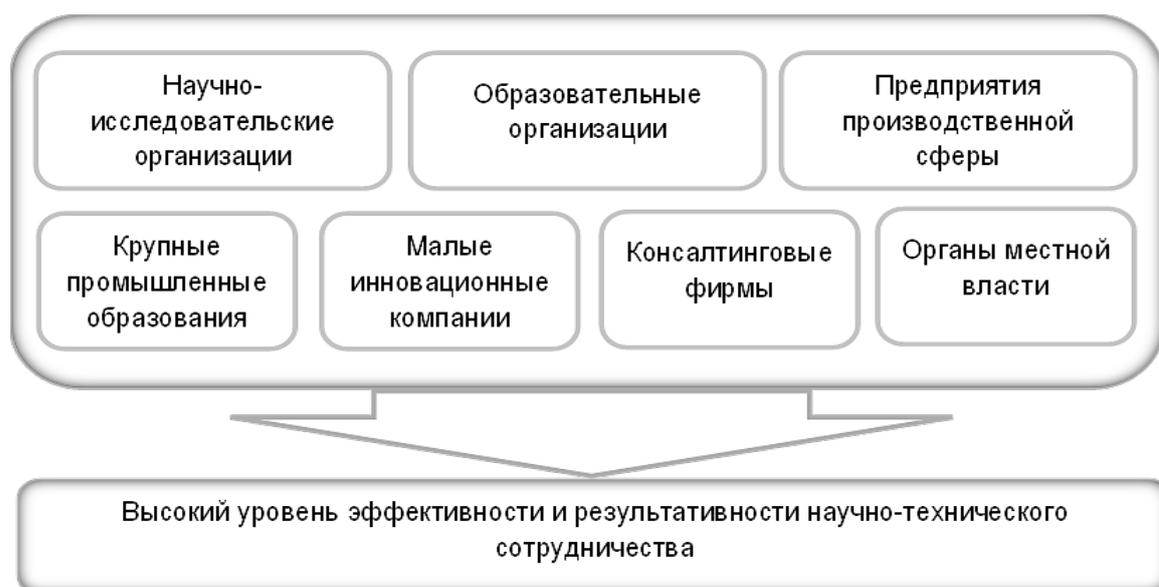

Рисунок 1 – Схема организационно-экономической системы современной инновационной инфраструктуры китайской экономики

ках формирования в китайской экономике современной инновационной инфраструктуры зоны развития новых и высоких технологий (National hi-tech industrial development zone) характеризуются особым организационно-экономическим механизмом сотрудничества входящих в него структур [20; 21]. Состав этих структур весьма многообразен и охватывает научно-исследовательские и образовательные организации, предприятия производственной сферы – как крупные промышленные образования, так и малые инновационные компании, а также консалтинговые фирмы и органы местной власти. Объединение этих структур в единую организационно-экономическую систему обуславливает высокий уровень эффективности и результативности их научно-технического сотрудничества (рис. 1).

Стратегической целью создания в Китае зон развития новых и высоких технологий является формирование инновационной региональной инфраструктуры, охватывающей совокупность конкурентоспособных научно-технологических комплексов. В процессе своей деятельности эти комплексы обеспечивают трансформацию научных открытий в прикладные научно-технические разработки и производство продуктовых инноваций, конкурентоспособных на мировых рынках наукоемкой продукции.

Зоны развития новых и высоких технологий создаются в Китае на условиях открытости [19], что способствует привлечению инвестиционных ресурсов и концентрации в этих зонах интеллектуальных ресурсов. Базой устойчивого функционирования зон развития новых и высоких технологий является высокий экономический и научный потенциал страны, а также государственная политика Китая стимулирования привлечения иностранных инвестиций, включая новейшие зарубежные технологии (технологические инновации), а также методы организации и управления высокотехнологичным производством (организационные и управленческие инновации) [3; 4; 9].

Первая зона развития новых и высоких технологий в Китае (Шэньчжэньский научно-промышленный парк) была создана в июле 1985 г. в экономической зоне Шэньчжэнь. Учредителями зоны выступили Китайская Академия наук и региональное правительство г.

Шэньчжэнь [16]. В настоящее время большая часть созданных в Китае зон развития новых и высоких технологий находится в городах, в которых сосредоточены научно-исследовательские и образовательные организации, имеющие высокий интеллектуальный и производственно-технологический потенциал. Основными из этих городов являются Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу, Ухань и ряд других. Как правило, это города центрального подчинения.

Китайское правительство предоставляет созданным в стране зонам развития новых и высоких технологий, а также зонам экономического и технического развития специальные условия функционирования. В частности, для этих составляющих инновационной инфраструктуры национальной экономики Китая [5; 21]:

- снижена ставка налога на прибыль;
- предусмотрена возможность формирования уставного капитала за счет использования 100 % иностранного капитала;
- отсутствие ограничений при переводе средств за границу иностранными физическими и юридическими лицами;
- освобождение от подоходного налога в случае реинвестирования доходов в проекты экономического развития зоны [11].

Процессы создания зон развития новых и высоких технологий координируют Министерство науки и технологий КНР и Китайская академия наук. Деятельность этих государственных структур направлена на обеспечение благоприятных условий для развития в стране науки и техники путем стимулирования фундаментальных и прикладных исследований. Эти структуры также оказывают поддержку научным центрам, зонам развития новых и высоких технологий, научно-технологическим паркам и инновационным инкубаторам зонам развития новых и высоких технологий, научно-технологическим паркам и инновационным инкубаторам в коммерциализации результатов научных исследований.

Важным фактором, оказывающим существенное влияние на эффективность развития китайских зон развития новых и высоких технологий, является территориальный фактор [16]. Активизация этого фактора для Китая является объективным условием развития страны, поскольку в Китае существует достаточно большое количество

крупных городов. Традиционно в этих городах образовательные и научно-исследовательские организации, которые являются ядром зон развития новых и высоких технологий, располагаются достаточно компактно. Это позволяет эффективно решать задачу обеспечения креативным персоналом территориально близких высокотехнологичных компаний. При этом для привлекаемого научно-технического персонала создаются комфортные условия деятельности, включая высокий уровень оплаты труда, перспективы творческого и карьерного роста и т.д.

Следующий шаг в стратегии конвергенции науки, образования и производства в зонах развития новых и высоких технологий Китая связан с организацией научно-технологических парков (National high tech parks) [15]. В создаваемых парках сконцентрирован высокий интеллектуальный потенциал, а также инкубаторы высокотехнологичных компаний, объединяющие малые инновационные фирмы, находящиеся в начальной стадии своего жизненного цикла. Целесообразность формирования подобного организационного механизма в зонах развития новых и высоких технологий была обусловлена ускорением темпов обновления технологий [17]. Это привело к необходимости разработки новых эффективных форм организации инновационного процесса, интегрирующих в единую систему с устойчивыми функциональными связями таких составляющих, как наука, образование, производство инноваций и их коммерциализация.

Управленческими принципами, заложенными в основу создания и функционирования зон развития новых и высоких технологий в целом, равно как и их отдельных структурных элементов, в частности научно-технологические парков, являются:

- во-первых, стимулирование предпринимательской деятельности в инновационной сфере,

- во-вторых, государственное регулирование этой деятельности.

В новой экономической парадигме функционирования зон развития новых и высоких технологий ключевое значение приобретает конкурентоспособность зоны и ее структурных элементов. Высокий уровень конкурентоспособности достигается за счет технологического лидерства. В свою оче-

редь технологическое лидерство как отдельных научно-технологических парков, так и зоны развития новых и высоких технологий в целом формируется под влиянием таких факторов, как:

- восприимчивость субъектов экономической деятельности инновационных идей;

- уровень обеспечения инновационного процесса финансовыми, материальными, интеллектуальными и информационными ресурсами, а также качество этих ресурсов;

- уровень организации инновационных процессов, обеспечивающих превращение инновационной идеи в конкурентоспособные технологические инновации.

Активизация этих факторов приводит к созданию в Китае зон развития новых и высоких технологий с высоким конкурентным потенциалом.

В качестве примера можно привести Пекинский экспериментальный район развития высоких технологий Чжунгуаньцунь, который представляет собой структуру с высоким научно-технологическим и интеллектуальным потенциалом, что позволяет выполнять качественные исследования и разработки в области высоких технологий. Основу Пекинского экспериментального района развития высоких технологий Чжунгуаньцунь составляет научный парк, структурными составляющими которого являются 25 научно-исследовательских институтов Китайской академии наук и более 50 ведущих государственных лабораторий, центр подготовки персонала высшей квалификации, инкубатор высокотехнологичных компаний, парки электронной техники и разработки программного обеспечения [16].

В зоне высокотехнологичного развития East Lake High-tech Development Zone (Optics Valley), расположенной в г. Ухань китайской провинции Хубэй, создана высокотехнологичная цепочка предприятий оптоэлектронной промышленности. Эта зона привлекает глобальные предприятия в области оптического волокна, интегрированных чипов и экранов дисплеев. В настоящее время правительство Китая планирует создать в зоне высокотехнологичного развития East Lake High-tech Development Zone (Optics Valley) наукоград Ист-Лейк. Предполагается, что на начальном этапе своей деятельности создаваемый наукоград объединит пять лабора-

торий, девять крупных научных объектов и девять инновационных центров, а к 2035 г. в этой зоне развития будет функционировать наукоград мирового уровня, генерирующий глобальные научно-технические и технологические инновации [14].

В формировании государственных научно-технологических парков активное участие принимают образовательные организации Китая. Использование подобной формы организации инновационной деятельности направлено на решение ряда взаимосвязанных задач. Ключевыми из этих задач выступают:

- подготовка креативного персонала, способного творчески решать задачи в сфере разработки и внедрения научно-технических разработок, а также их коммерциализации;
- перевод инновационных процессов на качественно новый уровень, включая разработку «прорывных» технологических инноваций.

В настоящее время средние годовые темпы роста числа научно-технологических парков и малых инновационных предприятий, созданных китайскими университетами, составляют около 15 % [19].

Созданные в рамках формирования инновационной инфраструктуры китайской экономики зоны развития новых и высоких технологий имеют высокий уровень научно-технического, производственного и интеллектуального потенциала, сбалансированную по ресурсам систему коммерциализации результатов инновационной деятельности. В условиях цифровой трансформации китайской экономики эти факторы становятся ключевыми в конкурентной борьбе высокотехнологичных компаний Китая за технологическое лидерство на мировых рынках.

Высокие результаты деятельности зон развития новых и высоких технологий, а также стабильность функционирования этих значимых составляющих инновационной инфраструктуры китайской экономики явились залогом успеха последующей цифровой трансформации не только промышленности Китая, но и других отраслей народного хозяйства страны. Это позволило Китаю, идя в русле мировых тенденций экономического развития, осуществлять эффективную трансформацию результатов интеллектуальной деятельности в конкурентоспособные технологические инновации. При этом Китай

активно использовал мировой опыт, привлекая передовые инновационные технологии, а также прямые иностранные инвестиции в рамках создаваемых в стране национальных зон экономического и технического развития.

Такая экономическая стратегия Китая позволила сформировать в стране центры катализации прорывных научно-технологических идей, обеспечив конвергенцию инновационной, интеллектуальной и производственной деятельности, а также эффективное решение таких задач, как создание высокотехнологичных рабочих мест, сохранение интеллектуально-креативного потенциала страны, обеспечение высоких темпов структурной перестройки и социально-экономического развития региональных экономических систем.

В Китае зоны развития новых и высоких технологий стали активно формироваться с середины 90-х годов XX века и были ориентированы на формирование в их рамках предприятий высокотехнологичных сфер экономики. В 2017 г. эта составляющая инновационной инфраструктуры китайской экономики объединяла 168 зон [5], а в общей сложности подобные зоны охватывали 52 тыс. высокотехнологичных предприятий, что составляло 38,2 % от общего количества этих предприятий в стране. Совокупный доход китайских зон развития новых и высоких технологий достиг 30,7 трлн юаней (около 4,46 трлн долл. США), а объем производства продуктовых инноваций в этих зонах превысил 9,52 трлн юаней, что соответствует 11,5 % совокупного валового внутреннего продукта Китая [5]. Общий объем экспорта высокотехнологичных предприятий зон развития новых и высоких технологий в 2017 г. составил 478 млрд долл. США (около 20 % от общего объема экспорта товаров и услуг Китая) [5].

По данным Министерства науки и технологий КНР, в годовой доход 169 действующих в стране зон развития новых и высоких технологий в 2021 г. составил 48 трлн юаней (около 7,6 трлн долл. США), что примерно на 12 % больше, чем в 2020 г. [8]. Прибыль, полученная всеми зонами в 2021 г., составила 4,2 трлн юаней, увеличившись по сравнению с 2020 г. на 17 %. В настоящее время доля зон развития новых и высоких технологий в валовом внутреннем продукте Китая составляет около 13 %, в то время как суммарная

площадь всех зон охватывает только 0,1 % территории страны [8].

В контексте реализации такой стратегии государство будет поддерживать разрабатываемые высокотехнологичными предприятиями зон сценарии формирования промышленных отраслей будущего. В основе стратегии создания и функционирования этих отраслей будут лежать не только экономические и финансовые, но интеллектуальные и экологические нормативы. Соблюдение этих нормативов обеспечит экологичное развитие Китая на основе цифровой трансформации и перехода к низкоуглеродной экономике.

В настоящее время в зонах развития новых и высоких технологий большое значение уделяется созданию институциональных инноваций и высокоуровневых инженерных и исследовательских команд. Для формирования подобных команд используется проблемно-ориентированный подход, что позволяет этим командам успешно решать сложные задачи в сфере инновационной деятельности. В частности, в созданной Университетом Цинхуа и НИИ искусственного интеллекта зоне развития новых и высоких технологий успешно проведены исследования по изучению границ искусственного интеллекта с целью достижения в будущем прорывов в ключевых технологиях.

Таким образом, создание зон развития новых и высоких технологий позволило Китаю решить такие экономические и технологические задачи, как:

- генерирование персоналом этих зон технологических инноваций с высоким уровнем конкурентоспособности на мировых рынках высоких технологий и наукоемкой продукции;
- доведение созданных инноваций до промышленного производства и выпуска новых видов высокотехнологичной продукции;
- создание устойчивого экспортного потенциала.

Результатом решения этих задач стало превращение Китая из депрессивного и технологически отсталого государства в одного из глобальных мировых лидеров, ключевых игроков на рынках сбыта высокотехнологичной продукции [17].

С учетом того что зоны развития новых и высоких технологий традиционно характеризуются устойчивой высокой динамикой

роста, правительство Китая рассматривает эти зоны как драйверы формирования экономики будущего. В этой связи китайское правительство уделяет большое внимание всем видам поддержки деятельности зоны развития новых и высоких технологий. Особый акцент сделан на расширении связей с предприятиями ведущих отраслей промышленности и структурами создаваемых в стране инновационных промышленных кластеров мирового класса [13]. Такая поддержка позволит увеличить значение зон развития новых и высоких технологий в повышении глобальной конкурентоспособности действующих и вновь создаваемых наукоемких и высокотехнологичных отраслей китайской промышленности.

Список литературы

1. Баранов В.В., Мурадов А.В. Государственно-частное партнерство как инструмент активизации перехода России к инновационной экономике // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2013. № 8. С. 149–153.
2. Батова М.М., Баранова И.В., Баранов В.В. Повышение устойчивости управления процессами реализации инфраструктурных и социально-ориентированных проектов // *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 4.
3. Батова М.М., Баранова И.В., Джелилоглу Я.Т. Международный технологический обмен в IT-сфере как форма эффективного трансфера инноваций // *Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ялта, 24–26 марта 2021 года* / отв. ред. А.В. Олифинов. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 289–293.
4. Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности конвергенции теоретико-методологических и прикладных исследований / Э.Ф. Амирова, В.Н. Бабанов, И.В. Баранова [и др.]. Самара: Общество с ограниченной ответственностью «Поволжская научная корпорация», 2021.
5. Зоны освоения новых и высоких технологий – ключ к инновационному развитию Китая. URL: <https://Trend.Az news agency.ru> (дата обращения 09.08.2022).
6. Канева М.А. Государственно-частное партнерство в инновационной деятельности вузов Китая // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки*. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 69–80.
7. Китай укрепит оригинальные инновации в научно-техническом развитии // *PRC today Китай сегодня*. URL: <https://prc.today.ru> (дата обращения: 09.08.2022).
8. Китайские зоны высоких технологий показали хороший экономический рост. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3518960.html> (дата обращения 09.08.2022).

9. Леонов С.Н., Домнич Е.Л. Государственная инновационная политика в КНР // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 36–46.

10. Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. Цифровая трансформация Китая: опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / пер. с кит. М.: Интеллектуальная литература, 2019. 256 с.

11. Маковеев В.Н. Стимулирование инновационной деятельности в странах БРИКС // Вопросы территориального развития. 2016. № 2 (32). С. 3.

12. Морозова И.А., Дьяконова И.Б. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм инновационного развития экономики. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 2. С. 78–81.

13. Новое качество социально-экономического развития: конвергенция теоретико-методологических подходов и практических результатов исследований / А.А. Арошидзе, Е.Н. Бабина, И.В. Баранова [и др.]. Самара: ООО НИЦ «ПНК», 2022.

14. Новости научно-технического развития Китая. URL: <https://prc.today/novosti-nauchno-tehnicheskogo-razvitiya-kitaya> (дата обращения: 01.09.2022).

15. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Издательство МБА, 2020. 496 с.

16. Островский А.В. Роль науки и инноваций в модернизации народного хозяйства КНР: уроки для России // Китай на пути к возрождению: к 80-летию академик М.Л. Титаренко. М.: Форум, 2014. С. 81–101.

17. Островский А.В. Некоторые аспекты истории и перспектив инновационного развития КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 60–74.

18. Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. 531 с.

19. Селищев А.С., Селищев Н.А. Экономика Китая. М.: КноРус, 2021. 406 с.

20. Ци Цзи, Алексеев Ю.Г., Дудко Н.А. Функционирование зоны развития новых и высоких технологий «Китайско-сингапурский индустриальный парк Сучжоу» // Наука и техника. 2017. Т. 16. № 3. С. 262–270.

21. Ян Ли. Зоны развития новых и высоких технологий в КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М.: Ин-т Дальнего Востока Рос. академии наук, 2008.

References

1. Baranov V.V., Muradov A.V. Public-private partnership as a tool for activating Russia's transition to an innovative economy. *Fundamental and applied research: problems and results*. 2013. No. 8. pp. 149-153.

2. Batova M.M., Baranova I.V., Baranov V.V. Improving the sustainability of the management of the implementation of infrastructure and socially-oriented projects. *Moscow Economic Journal*. 2022. Vol. 7. No. 4.

3. Batova M.M., Baranova I.V., Dzheliloglu Ya.T. International technological exchange in the IT sphere as a form of effective transfer of innovations. *Financial, economic and information support of innovative development of the region: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Yalta, March 24-26, 2021 / rel. ed. A.V. Olifirov*. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2021. pp. 289-293.

4. *Vectors of socio-economic development of Russia: modern challenges and opportunities of convergence of theoretical, methodological and applied research* / E.F. Amirova, V.N. Babanov, I.V. Baranova [et al.]. Samara: Volga Scientific Corporation Limited Liability Company, 2021.

5. *Zones of development of new and high technologies – the key to innovative development China*. URL: <https://Trend.Az news agency.ru> (accessed 09.08.2022).

6. Kaneva M.A. Public-private partnership in innovation activities of Chinese universities. *Vestn. Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences*. 2014. Vol. 14. Issue 1. pp. 69-80.

7. China will strengthen original innovations in scientific and technical development. *PRC today China Today*. URL: <https://prc.today.ru> (accessed: 09.08.2022).

8. *Chinese high-tech zones have shown good economic growth*. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3518960.html> (date of issue 09.08.2022).

9. Leonov S.N., Domnich E.L. State innovation policy in China. *Bulletin of the FEB RAS*. 2006. No. 3. pp. 36-46.

10. Ma Huateng, Meng Zhaoli, Yang Delhi, Wang Hualei. *China's Digital Transformation: the experience of transforming the infrastructure of the national economy* / trans. from kit. M.: Intellectual Literature, 2019. 256 p.

11. Makoveev V.N. Stimulation of innovation activity in the BRICS countries. *Issues of territorial development*. 2016. No. 2 (32). p. 3.

12. Morozova I.A., Dyakonova I.B. Public-private partnership as an effective mechanism of innovative economic development. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2010. No. 2. pp. 78-81.

13. *New quality of socio-economic development: convergence of theoretical and methodological approaches and practical research results* / A.A. Aroshidze, E.N. Babina, I.V. Baranova [et al.]. Samara: LLC SIC "PNK", 2022.

14. *News of scientific and technical development of China*. URL: <https://prc.today/novosti-nauchno-tehnicheskogo-razvitiya-kitaya> (date of application: 01.09.2022).

15. Ostrovsky A.V. *China is becoming an economic superpower*. Moscow: IBA Publishing House, 2020. 496 p.

16. Ostrovsky A.V. The role of science and innovation in the modernization of the people's economy of China: lessons for Russia. *China on the way to revival: to the 80th anniversary of Academician M.L. Titarenko*. M.: Forum, 2014. pp. 81-101.

17. Ostrovsky A.V. Some aspects of the history and prospects of innovative development China. *Problems of the Far East*. 2017. No. 3. pp. 60-74.

18. Portyakov V.Ya. Economic reforms in China. Moscow: *Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences*, 2012. 531 p.

19. Selishchev A.S., Selishchev N.A. *The economy of China*. Moscow: KnoRus, 2021. 406 p.

20. Qi Ji, Alekseev Yu.G., Dudko N.A. Functioning of the zone of development of new and high technologies "Sino-Singapore Industrial Park Suzhou". *Science and Technology*. 2017. Vol. 16. No. 3. pp. 262-270.

21. Yang Li. *Zones of development of new and high technologies in China: abstract. dis. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.14*. M.: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2008.

УДК 336

Рабаданова Джамиля Аминуллаевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия, e-mail: salyhat1@rambler.ru

Пархаданова Патимат Магомедовна,
магистрант направления «Финансы и кредит», Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия, e-mail: Parkhadanova@bkl.ru

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ
РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА
ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА**

В статье проведен анализ банковского кредитования реального сектора экономики Республики Дагестан. На основе проведенного анализа сделаны выводы о сформировавшейся тенденции взаимодействия банковского и реального секторов экономики региона. Обоснованы проблемы, препятствующие банковскому кредитованию хозяйствующих субъектов и предложены меры по повышению участия банковского сектора в развитии реального сектора экономики региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : банковское кредитование; реальный сектор; ссудная задолженность.

UDC 336

Rabadanova Jamilya Aminullaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Credit, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, e-mail: salyhat1@rambler.ru

Parkhadanova Patimat Magomedovna,
Master's student in the direction "Finance and Credit", Dagestan State University, Makhachkala, Russia, e-mail: Parkhadanova@bkl.ru

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF BANK LENDING OF THE REAL
SECTOR OF THE REGIONAL
ECONOMY**

The article analyzes bank lending to the real sector of the economy of the Republic of Dagestan. On the basis of the analysis carried out, conclusions were drawn about the emerging trend of interaction between the banking and real sectors of the region's economy. The problems that hinder bank lending to business entities are substantiated and measures are proposed to increase the participation of the banking sector in the development of the real sector of the region's economy.

Key words : bank lending; real sector; loan debt.

Реальный сектор составляет фундамент любой национальной экономики. Темпы роста ВВП и национального богатства страны напрямую зависят от состояния и развития реального сектора экономики. Выручка предприятий является основным источником налоговых поступлений в бюджетную систему, формируя государственные финансы.

Для осуществления своей деятельности предприятиям реального сектора экономики необходимы ресурсы, которые формируются за счет прибыли. Однако чаще всего собственной прибыли предприятиям недостаточно для расширения своего бизнеса и реализации долгосрочных инвестиционных проектов. В этом случае банковский кредит

выступает необходимым условием для расширения и дальнейшего развития предпринимательской деятельности.

Темпы банковского кредитования в пост-

пандемийных условиях демонстрируют положительную динамику. Рассмотрим кредитную активность банков в условиях экономики Республики Дагестан (табл. 1).

Таблица 1 – Темпы роста ссудной задолженности по кредитам, предоставленным предприятиям реального сектора экономики, млн руб. [7]

Показатели на 1.01	2021 г.	2022 г.	Темпы роста, %
РФ, из них:	30610619	36264352	118,5
просроченная задолженность	2156621	2760585	128,0
уд. вес просроченной задолженности, %	7,1	7,6	
СКФО, из них:	335087	367746	109,8
просроченная задолженность	86141	71062	82,5
уд. вес просроченной задолженности, %	25,7	19,3	
РД, из них:	29241	28863	98,7
просроченная задолженность	22975	21286	92,7
уд. вес просроченной задолженности, %	78,6	73,8	

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, за 2020–2021 гг. общий объем ссудной задолженности по кредитам, предоставленным предприятиям реального сектора экономики, в целом по РФ продемонстрировал существенный темп прироста – 18,5 %. В сравнении с данным показателем по Северо-Кавказскому федеральному округу динамика роста существенно меньше – 9,8 %. Если рассматривать кредитную активность банков на региональном рынке Республики Дагестан, следует отметить, что за анализируемый период объем ссудной задолженности предприятий реального сектора экономики региона имел отрицательный рост (–1,3 %).

Анализ проблемной задолженности за анализируемый период показал, что ее существенный прирост отмечен в целом по предприятиям реального сектора экономики России (28 %), динамика просроченной задолженности по СКФО и РД, наоборот, показывает отрицательную динамику (–17,5 % и –7,3 % соответственно).

Если проанализировать показатель удельного веса просроченной задолженности, то картина становится более понятной. Так, несмотря на опережающие темы роста в структуре ссудного портфеля банковского сектора РФ просроченной задолженности, в целом ее удельный вес незначителен и вырос незначительно. Доля просроченной ссудной задолженности по СКФО имеет более весомый удельный вес в структуре кредитного портфеля, но за 2020–2021 гг. она существенно снизилась – с 25,7 % до 19,3 %,

что свидетельствует о восстановлении экономической активности предприятий реального сектора экономики. Компании успешно преодолевают последствия пандемии и адаптируются к текущей конъюнктуре рынка. Восстановление финансового положения компаний, а также проведение отдельных крупных сделок по списанию и продаже просроченной задолженности привели к улучшению качества кредитного портфеля банков.

Анализ рынка кредитования предприятий реального сектора экономики Республики Дагестан в целом свидетельствует о замедлении как темпов роста кредитования, так и роста просроченной ссудной задолженности. Вместе с тем следует отметить, что реальный сектор экономики республики демонстрирует высокий уровень просроченной ссудной задолженности, его доля в структуре совокупного кредитного портфеля банков составляет более 70 %.

Сложившаяся ситуация связана с пандемией и введенными коронавирусными ограничениями в республике, которые привели масштабному спаду предпринимательской деятельности, потере доходов предприятиями реального сектора экономики и бурному росту просроченной ссудной задолженности.

Проанализируем динамику банковского кредитования предприятий реального сектора экономики Республики Дагестан по видам экономической деятельности (табл. 2).

Таблица 2 – Темпы роста ссудной задолженности по кредитам, предоставленным предприятиям реального сектора экономики Республики Дагестан по видам экономической деятельности, млн руб. [7]

Показатели на 1.01	2021 г.	2022 г.	Темпы роста, %
Добыча полезных ископаемых	151	56	37,1
Обрабатывающие производства	14585	13014	89,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4011	3049	76,0
Строительство	4612	4792	104,0
Транспорт и связь	367	2385	в 6,5 р.
Оптовая, розничная торговля и бытовое обслуживание	4198	4152	98,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	694	733	105,6
Прочие виды деятельности	486	433	89,1
На завершение расчетов	136	249	183,1
Всего	29241	28863	98,7

Как свидетельствуют данные, приведенные в табл. 2, положительные темпы роста за анализируемый период продемонстрировали сфера строительства, транспорта, связи, недвижимости, аренды и завершения расчетов. Данная статистика свидетельствует о сохраняющемся спросе на кредитные ресурсы по вышеперечисленным видам экономической деятельности в условиях пандемии.

Снижение темпов роста отмечено в обрабатывающих производствах, сельском хозяйстве, оптовой, розничной торговле и бытовом обслуживании. Данные виды деятельности наиболее существенно пострадали от введенных ковидных ограничений, что сократило их потребность в кредитных ресурсах. Приостановка производства приводит к возникновению просроченной задолженности, росту долговых обязательств, и предприятиям необходимы средства для завершения расчетов. Поэтому темпы роста ссудной задолженности предприятий для завершения расчетов за анализируемый период выросли практически в 2 раза.

В условиях пандемии предприятия реально-

го сектора экономики существенно пострадали. В ситуации неопределенности коммерческие банки предъявляют более высокие требования к качеству заемщиков, предпочитая кредитовать финансово устойчивые предприятия, чтобы ограничить рост просроченной ссудной задолженности и снижение качества кредитного портфеля. Таким образом, кредитные организации стараются ограничивать нарастание кредитного риска, в противном случае им приходится формировать значительные резервы под обесценение ссудной задолженности, что в свою очередь приводит к снижению рентабельности кредитных операций банка.

Структурный анализ банковского кредитования предприятий реального сектора экономики РД показал, что за 2020–2021 гг. практически не произошло перераспределения кредитных ресурсов по видам экономической деятельности.

Незначительно увеличилась доля ссудной задолженности в сфере строительства, транспорта и связи и снизилась в обрабатывающих производствах и сельском хозяйстве (табл. 3).

Таблица 3 – Структура ссудной задолженности по кредитам, предоставленным предприятиям реального сектора экономики Республики Дагестан по видам экономической деятельности [7]

Показатели на 1.01	2021 г.		2022 г.	
	млн руб.	уд. вес, %	млн руб.	уд. вес, %
Добыча полезных ископаемых	151	0,5	56	0,2
Обрабатывающие производства	14585	49,9	13014	45,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4011	13,7	3049	10,6
Строительство	4612	15,8	4792	16,6
Транспорт и связь	367	1,3	2385	8,3
Оптовая, розничная торговля и бытовое обслуживание	4198	14,4	4152	14,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	694	2,4	733	2,5
Прочие виды деятельности	486	1,7	433	1,5
На завершение расчетов	136	0,5	249	0,9
Всего	29241	100,0	28863	100,0

О качестве кредитного портфеля предприятий реального сектора РД свидетельствует

состояние просроченной ссудной задолженности (табл. 4).

Таблица 4 – Просроченная ссудная задолженность по кредитам, предоставленным предприятиям реального сектора экономики Республики Дагестан по видам экономической деятельности, млн руб. [7]

Показатели на 1.01	2021 г.			2022 г.		
	Ссудная задолженность	Просроченная	Уд. вес, %	Ссудная задолженность	Просроченная	Уд. вес, %
Добыча полезных ископаемых	151	147	97,4	56	48	85,7
Обрабатывающие производства	14585	13482	92,4	13014	11864	91,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4011	3052	76,1	3049	2879	94,4
Строительство	4612	4061	88,1	4792	3949	82,4
Транспорт и связь	367	19	5,2	2385	57	2,4
Оптовая, розничная торговля и бытовое обслуживание	4198	1735	41,3	4152	1951	46,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	694	347	50,0	733	372	50,8
Прочие виды деятельности	486	125	25,7	433	147	33,9
На завершение расчетов	136	6	4,4	249	17	6,8
Всего	29241	22975	78,6	28863	21286	73,7

Как видно из данных, приведенных в табл. 4, за анализируемый период отмечается очень высокий уровень просроченной ссудной задолженности в сфере добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, сельского хозяйства, строительства. Удельный вес просроченной ссудной задолженности перед банковским сектором предприятий, относящихся к вышеперечисленным видам экономической деятельности, превышает 70 % от величины кредитного портфеля. В оптовой, розничной торговле и сфере услуг, а также в сфере операций с недвижимым имуществом и арендой помещений доля просроченной ссудной задолженности от величины совокупного кредитного портфеля юридических лиц составляет почти 50 %.

Наконец, самый низкий уровень проблемности в 2020–2021 гг. по предоставленным банковским кредитам отмечен у предприятий сферы транспорта и связи – 5,2 % и 2,4 % соответственно.

Сложившаяся ситуация с ростом просроченной ссудной задолженности связана с негативным влиянием пандемии коронавируса. Большинство предприятий реального сектора экономики в 2020 году понесли серьезные финансовые потери, что вызвало значительный спрос на кредитные ресурсы. Вырос объем ссудной задолженности предприятий и уровень долговой нагрузки пред-

принимателей. В результате в 2020 году число предприятий, обратившихся в банки за реструктуризацией ссудной задолженности, существенно выросло.

Для поддержания предприятий реального сектора экономики Правительство РФ и Банк России приняли ряд мер: снижение ключевой ставки для поддержания кредитной активности, введение кредитных каникул, переход на кредитование корпоративного сектора по плавающим процентным ставкам.

Возникшие финансовые проблемы предприятий носили временный характер, поскольку организации существенно потеряли прибыль. В начале 2021 года ситуация в экономике стала стабилизироваться, что послужило улучшению финансового состояния предприятий за счет роста прибыльности предпринимательской деятельности. В результате предприятия и организации стали меньше обращаться за реструктуризацией ссудной задолженности, что ограничило дальнейший рост проблемной задолженности банков по корпоративному кредитному портфелю.

Список литературы

1. Баско О.В., Галкина Е.Ю. Специфика отраслевой структуры банковского кредитования реального сектора российской экономики // Вестник экспертного совета. 2020. № 1 (20). С. 67–71.
2. Донецкова О.Ю. Состояние инвестиционного кредита как основы развития реального сектора эко-

номики в России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 1. С. 10–21.

3. О банках и банковской деятельности: Федеральный Закон от 02.12.1990 № 395-1. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2022).

4. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности: Положение Банка России от 28.06.2017 г. № 590-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220089/ (дата обращения: 25.08.2022).

5. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 22.08.2022).

6. Парусимова Н.И. Кредитные отношения российских банков с заемщиками реального сектора экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 6. С. 75–87.

7. Центральный банк Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=int_rat (дата обращения: 25.08.2022).

References

1. Basko O.V., Galkina E.Yu. Specifics of the sectoral

structure of bank lending to the real sector of the Russian economy. *Bulletin of the Expert Council*. 2020. No. 1 (20). pp. 67-71.

2. Donetskova O.Yu. The state of investment credit as the basis for the development of the real sector of the economy in Russia. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2021. No. 1. pp. 10-21.

3. *On Banks and Banking activities: Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990*. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 08/25/2022).

4. *On the procedure for the formation of reserves by credit institutions for possible losses on loans, loan and equivalent debts: Regulation of the Bank of Russia dated 06/28/2017 No. 590-P*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220089/ (date of issue: 25.08.2022).

5. *On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation: Federal Law RF dated 07/24/2007 No. 209-FZ*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (accessed: 08/22/2022).

6. Parusimova N.I. Credit relations of Russian banks with borrowers of the real sector of the economy. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2019. No. 6. pp. 75-87.

7. *The Central Bank of the Russian Federation*: [website]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=int_rat (accessed: 08/25/2022).

УДК 332.02

Хужахметова Гульнара Нургалеевна,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник Сектора экономики и управления развитием территорий Института социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, г. Уфа, Россия, e-mail: Suve@mail.ru

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ
В МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОМ
СОТРУДНИЧЕСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются основные подходы к определению эффективности институциональных изменений. Изучена литература по межмуниципальному сотрудничеству в современной России. Дан анализ формальным институтам, регулирующим межмуниципальное сотрудничество. Сделаны выводы об эффективности институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве в РФ.

Ключевые слова: эффективность; институциональные изменения; межмуниципальное сотрудничество; формальные институты; экономия на масштабе; максимизирующая бюрократия; транзакционные издержки.

UDC 332.02

Khuzakhmetova Gulnara Nurgaleevna,
PhD in Philosophy, Senior Researcher, Sector for Economics and Territorial Development Management, Institute for Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, e-mail: Suve@mail.ru

**EFFECTIVENESS OF
INSTITUTIONAL CHANGE IN
INTERMUNICIPAL COOPERATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article discusses the main approaches to determining the effectiveness of institutional changes. The literature on inter-municipal cooperation in modern Russia has been studied. An analysis is given of formal institutions that regulate inter-municipal cooperation. Conclusions are drawn about the effectiveness of institutional changes in inter-municipal cooperation in the Russian Federation.

Keywords: efficiency; institutional changes; intermunicipal cooperation; formal institutions; economies of scale; maximizing bureaucracy; transaction costs.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г.

Анализ состояния исследований в данной области позволяет констатировать, что в классической институциональной экономике эффективность институциональных изменений рассматривалась с нескольких точек зрения:

- как эффективность, измеряемая приростом стоимости и благосостояния общества, при пассивной роли государства (Г. Демзек, Т. Андерсон и П. Хилл) [2; 27];
- институциональные изменения, связан-

ные с демографическим давлением, прямо направленным на повышение эффективности экономики (экономия от масштабов производства; позитивные экстерналии; снижение уровня риска; ликвидация или компенсация провалов рынка), имеющие перераспределительную природу (Д. Норт и Р. Томас; Г. Лайбкеп) [30; 31];

- «проблема безбилетника» – как уклонение от уплаты налогов для создания общественных благ (Ф.Х. Найт) [20];

– как исключительные и неисключительные права собственности на жизненно важные ресурсы (Б. Филд) [32];

– как феномен нерациональной зависимости от предшествующего пути развития (П. Давид) [10];

– как парадокс «максимизирующего бюрократата» [21] (В. Нисканен) и др.

В российской общественно-политической мысли вопросы межмуниципального сотрудничества рассматривались с различных точек зрения. Например, правовое регулирование изучено в трудах А.В. Игнатъева [13], Е.И. Кайбичева [14], П.Е. Доронина, А.Ф. Ивлева [11]; межбюджетные отношения рассмотрены в трудах Н.К. Пападюк [13]; инвестиционная политика обоснована в работе О.С. Москвина, И.В. Нестепанова [19]; приграничное сотрудничество муниципальных образований (МО) с позиций выстраивания успешных конструктивных трансграничных контактов рассматривалась в работах О.В. Цветкова [15]. В. Гворыса, В.К. Крутикова, Т.В. Дорожкина [8]; межтерриториальное развитие субъектов РФ – в трудах Е.М. Бухвальда [4; 5], Е.Г. Анимица, Н.Ю. Власова [3], С.М. Миронова [18].

Ряд работ современных исследователей был посвящен разработке рекомендаций органам власти по межмуниципальному сотрудничеству, среди которых Н.В. Ворошилов [7]; К.В. Хартанович, Л.П. Васильева [24]. Анализ практики межмуниципального сотрудничества по регионам РФ был проведен в работе А.Г. Шеломенцева, К.С. Гончаровой [26].

Н.В. Ворошилов предлагает принять самостоятельный закон о межмуниципальном сотрудничестве: «В специальном федеральном законе целесообразно закрепить цели и задачи, основные формы межмуниципального сотрудничества, порядок осуществления оценки эффективности» [7, с. 156]. Эффект от реализации такого законопроекта автор видит в следующих моментах: «1. Экономия затрат на исполнение полномочий органов МСУ. 2. Экономия затрат органов МСУ на реализацию совместных проектов, мероприятий. 3. Возможный прирост налоговых и неналоговых поступлений в местные бюджеты от реализации совместных проектов мероприятий» [7, с. 153]. То есть предполагается развитие институтов межмуниципального развития в условиях действующего законодательства о местном самоуправлении. Но

практика показывает необходимость смены самих принципов формирования территорий и органов местного самоуправления.

К.В. Хартанович, Л.П. Васильева в своей статье рассматривают горизонтальные и вертикальные институциональные механизмы взаимодействия экономической системы: «Горизонтальное взаимодействие охватывает всех субъектов (агентов) экономических отношений – государство, предпринимательские структуры и домашние хозяйства. Вертикальный срез механизма взаимодействия связан с политико-административным делением взаимодействия между ними – глобальный, национальный, региональный, муниципальный уровень» [24, с. 107]. По мнению авторов, институциональные механизмы обязаны обеспечить упорядочение отношений между субъектами хозяйственной деятельности в условиях единой социально-экономической системы [24, с. 106]. Таким образом, авторы констатируют: прогресс территорий России напрямую зависит от эффективности взаимодействия всех региональных субъектов хозяйствования [24, с. 109; 26].

А.Г. Шеломенцев и К.С. Гончарова провели анализ межмуниципального сотрудничества в аспекте реализации пространственной неолиберальной политики. Были сделаны следующие выводы: возможность участвовать в практике межмуниципального сотрудничества локальных территорий существует более 20 лет; наиболее распространенной формой участия является создание некоммерческих межмуниципальных организаций [26, с. 82]. За этот период времени институты местного самоуправления (МСУ) и межмуниципального сотрудничества взаимодействовали в социальной сфере, дорожно-транспортной инфраструктуре и некоммерческих организациях. Полномасштабное максимально эффективное сотрудничество не получило развития в силу значительных институциональных ограничений в правоприменительной практике.

Таким образом, краткий анализ имеющейся литературы по проблемам российского межмуниципального сотрудничества позволяет сделать выводы о том, что работ, посвященных анализу эффективности институциональных изменений межмуниципального сотрудничества, в РФ нет.

Институциональные изменения в российском законодательстве в 20-х гг. XXI в.

Институциональные изменения в системе российского законодательства начались с внесения поправок в Конституцию РФ от 4 июля 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В ч. 3 ст. 132 констатируется, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Принятие поправок в обновленной конституции потребовало пересмотра значительного количества законодательных актов, в том числе № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». «О необходимости такого подхода специалистами, учеными и экспертами говорилось давно, потому что разные уровни власти должны не вести параллельное существование в юридическом, организационном и финансовом вакууме, а взаимодействовать в целях наиболее эффективного решения задач в интересах граждан» [5, с. 24]. Поэтому уже 21 декабря 2021 г. был принят Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Данный закон был внесен на рассмотрение сенатором А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П. Крашенинниковым.

Одной из первых реакций на этот законопроект в стадии обсуждения была у блогеров, общественных деятелей и журналистов. Журналисты транслировали прения в Государственной Думе при обсуждении этого законопроекта. При всей острой и неоднозначной полемике, которая развернулась как в эфире ТВ, на страницах периодических изданий и комментариях к публикациям в электронных изданиях и социальных сетях, документ был принят в первом чтении с предложениями доработок [16]. Некоторые общественные деятели увидели в этом законопроекте сужение полномочий федераль-

ного государства: «По сути, федерация заменяется «вертикалью» советского типа, где власть сверху донизу выстроена по принципу зависимости и подчинения «низших» звеньев «высшим» [6].

Блогер В. Зикеев отмечает: «Вместе с городскими и сельскими поселениями в прошлое уйдут межсельные территории, исчезнут внутригородские районы, понятия «выборное должностное лицо местного самоуправления», «член выборного органа местного самоуправления», механизм «наделения статусом муниципального образования», такие формы осуществления местного самоуправления, как конференция граждан (собрание делегатов), правотворческая инициатива граждан» [12]. Вслед за ним в статье М.В. Глигич-Золотаревой и Н.И. Лукьяновой рассмотрены двенадцать основных новелл Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и девять концептуальных правовых новаций [9, с. 36].

Научные работы известных ученых об институциональных изменениях как в обновленной конституции, так и в законе о публичной власти в Российской Федерации характеризуются более взвешенным подходом. Профессор Е.М. Бухвальд рассматривает новации в Конституции РФ как неоднозначный, но необходимый шаг в политико-правовом развитии страны: «Уже сейчас гл. 11 ФЗ № 131 содержит 10 статей, касающихся особенностей организации местного самоуправления в пределах различных особых территорий и публично-правовых образований. В большинстве случаев эта особенность сводится к передаче части полномочий органов местного самоуправления неким иным структурам как государственного, так и негосударственного характера. Теперь сюда должны добавиться и аналогичные по сути особенности организации местного самоуправления в пределах федеральных территорий. Нарушение принципа единого муниципального пространства страны, которого так долго добивались, здесь налицо» [4, с. 56]. Зависимость институциональных изменений и их эффективность на государственном уровне рассматривается в работах Б. Вира: «При данном исходном распределении политических установлений, таких как правила голосования, правила лоббирования и т.д., внутри данной консти-

туциональной среды, оптимальный институциональный результат будет достигаться в условиях отсутствия политических транзакционных издержек, и этот результат не будет зависеть от исходного распределения политических установлений». [33, с. 770].

Институциональные изменения в вопросах межмуниципального сотрудничества в Федеральном законе № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (закон Клишаса-Крашенинникова)

В законе № 131-ФЗ в редакции от 30.12.2021 ст. 8 только 4 пункта регулируют межмуниципальное сотрудничество в Российской Федерации: в каждом субъекте образуется совет муниципальных образований; об образовании единого общероссийского объединения муниципальных образований; иные образования на основе ФЗ № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях»; для решения вопросов местного значения могут быть образованы межмуниципальные объединения, могут заключаться договора и соглашения. Правоприменительная практика показала, что этих положений недостаточно для эффективного межмуниципального сотрудничества. Необходимо снижение транзакционных издержек, связанных с ведением переговоров и заключением договоров, издержками спецификации и защиты прав собственности, оппортунистическим поведением и др. Согласно О.И. Уильямсону, «эффективность обеспечивается посредством дифференцированной состыковки структур управления с атрибутами транзакций» [23, с. 127].

В новом законопроекте вопросы межмуниципального сотрудничества рассмотрены уже в двух главах (8 и 9) и в нескольких статьях.

Так, в ст. 74 рассматриваются формы межмуниципального сотрудничества: членство в объединениях; учреждения межмуниципальных хозяйственных обществ; создание некоммерческих организаций; заключение договоров. В то же время повторяется положение о том, что межмуниципальные объединения (объединения муниципальных образований, межмуниципальные хозяйственные общества, некоммерческие организации) не могут наделяться полномочиями органов местного самоуправления.

Статья 75 регламентирует деятельность объединений муниципальных образований.

Они создаются в целях организации взаимодействия органов МСУ, выражения и защиты общих интересов; в каждом субъекте РФ образуется совет муниципальных образований субъекта РФ; обозначается статус и деятельность съезда совета МО РФ, в том числе определяются размеры и порядок уплаты членских взносов на осуществление деятельности совета МО и содержание органов управления. «Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления» создается для выражения и защиты общих интересов в органах публичной власти, определяется Президентом РФ их представительство в Палате местных властей Конгресса местных и региональных властей Европы.

Статья 76 – об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в целях объединения финансовых, материальных и иных ресурсов для исполнения полномочий по решению вопросов обеспечения жизнедеятельности населения. Такие организации учреждаются в форме непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью; осуществляют свою деятельность в соответствии с Гражданским кодексом РФ, иными федеральными законами; государственная регистрация осуществляется в соответствии с федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц». Это новая статья, которая была разработана с учетом предыдущего опыта и продиктована необходимостью решения важных социально-экономических вопросов жизнедеятельности смежных муниципалитетов.

Одним из существенных преимуществ Федерального закона № 414-ФЗ эксперты отмечают детальную регламентацию международного сотрудничества на муниципальном уровне [9, с. 41]. Была разработана новая гл. 9, в которой рассматриваются вопросы международных и внешнеэкономических связей органов МСУ.

В ст. 78 определяются полномочия федерального органа исполнительной власти на осуществление функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных и внешнеэкономических связей органов МСУ.

Статья 80 определяет полномочия органов МСУ в сфере международных и внешне-

экономических связей: проведение встреч, консультаций с представителями государственно-территориальных, административно-территориальных и муниципальных образований иностранных государств; заключение соглашений; участие в деятельности межмуниципального сотрудничества в рамках специально созданных органов; участие в разработке и реализации проектов международных программ межмуниципального сотрудничества и др.

Статья 81 регулирует соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов МСУ с высшим исполнительным органом субъекта РФ, на территории которого расположено соответствующее МО.

Статья 82 посвящена информированию об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов МСУ: до 15 января глава МО информирует уполномоченный орган госвласти в субъекте РФ об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов МСУ и о результатах осуществления таких связей в предыдущем году. До 1 февраля высший исполнительный орган субъекта РФ информирует федеральный орган об осуществлении деятельности и результатах за предыдущий год.

Институциональные изменения в новом законопроекте носят эволюционный характер, которые меняют институциональную среду, дополняя недостающие положения для успешной реализации межмуниципального сотрудничества. «Главная институциональная особенность межмуниципального сотрудничества заключается в иерархии институтов и институциональных связей, которые образуют институциональную среду» [17, с. 58].

Это не значит, что данный законопроект имеет законченный вид и не будет нуждаться в дополнениях и изменениях. Ограниченная рациональность обусловлена невозможностью спрогнозировать последствия принимаемых решений.

Эффективность институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве

Эффективность институциональных изменений в межмуниципальном сотрудничестве, согласно новому закону, складывается из нескольких показателей: учет недоста-

ющих положений и регламентов, экономия на масштабе, сокращение государственных расходов в связи с уменьшением общего количества муниципальных образований; снижение трансакционных издержек, отмена экстрактивных институтов:

1. В новом законопроекте нашли отражение положения и нововведения, которые были обозначены экспертным сообществом при обсуждении, в частности, и проблем межмуниципального сотрудничества. Регламентируется деятельность межмуниципальных непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Регулируется международное сотрудничество на муниципальном уровне и др.

2. Масштабное сокращение государственных расходов, включая реализацию мер по бюджетной экономии в муниципалитетах, тенденции к их укрупнению. Это связано с формированием новой одноуровневой модели организации органов местного самоуправления: «по данным экспертов, общее количество муниципальных образований ориентировочно сократится с более чем 20 тыс., до 3 тыс.» [9, с. 36]. Таким образом, экономическая эффективность институциональных изменений будет складываться, по теории К. Эрроу, от снижения затрат на управление экономической системой и экономии на масштабе [29].

3. Возможные массовые сокращения численности бюрократии, муниципальных служащих, депутатского корпуса. Имеется в виду сокращение расходов на содержание чиновничьего аппарата, зарплаты чиновников, административных зданий. Важное институциональное ограничение связано с интересами бюрократии в неэффективном использовании бюджетных средств. На этот парадокс обратил внимание В. Нисканен и развил его в идее «максимизирующего бюрократа». «Согласно этой модели, «рациональный» бюрократ ищет любые возможности увеличения подконтрольного ему бюджета (бюджета организации, подразделения) для укрепления своего административного положения, расширения сферы управленческого влияния. При отсутствии конкуренции бюрократия стремится «продать» свои услуги, ориентируясь не на равенство их предельной полезности и предельных издержек, а исходя из возможности максимального «ос-

воения» бюджетных средств» [15, с. 91; 21]. Решение этой задачи привело бы и к сокращению транзакционных издержек.

4. Отмена экстрактивных институтов, которые оказались неспособными обеспечивать рост и развитие территорий на местах в новых условиях. Данный законопроект признает утратившими силу, приостановлению и изменению 107 актов федерального законодательства [1]. взамен им приходит один закон, в котором регламентировано и межмуниципальное сотрудничество.

Список литературы

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (2012). М.: АСТ, 2016. 693 с.

2. Алчан А., Демсец Г. Парадигма прав собственности. URL: <https://old.inliberty.ru/library/199-paradigma-prav-sobstvennosti>. (дата обращения 07.07.2022).

3. Анимича Е.Г., Власова Н.Ю. Проблемы и перспективы развития городских агломераций // *Регионалистика*. 2020. Т. 7. № 3. С. 60–66.

4. Бухвальд Е.М. Конституционные изменения и новый этап развития российского федерализма // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 44–61.

5. Бухвальд Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 4. С. 125–135.

6. Вишневецкий Б. Назадкдемократическому централизму. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/20/nazad-k-demokraticheskomu-tsentralizmu> (дата обращения: 05.07.2022).

7. Ворошилов Н.В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 6. С. 141–159.

8. Гворыс В., Крутиков В.К., Дорожкина Т.В. Приграничное сотрудничество на муниципальном уровне: проблемы, перспективы // *Калужский экономический вестник*. 2017. № 4. С. 2–4.

9. Глигич-Золотарева М.В., Лукьянова Н.И. Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // *Федерализм*. 2022. Т. 27. № 1 (105). С. 23–50.

10. Давид П. КЛИО и экономическая теория QWERTY. URL: <https://www.hse.ru/data/581/604/1237/Klio.pdf> (дата обращения: 14.09.2022).

11. Доронина П.Е. Ассоциативные формы межмуниципального сотрудничества: законодательная регламентация и практическая реализация // *E-Scio*. 2020. № 4 (43). С. 520–526.

12. Зикеев В. Технократизация местного самоуправления. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/17/tehnokratizaciya_mesnogo_samoupravleniya (дата обращения: 11.06.2022).

13. Игнатьева А.В. Анализ проблемного поля развития системы местного самоуправления Российской Федерации // *Местное право*. 2020. № 5. С. 51–55.

14. Кайбичева Е.И. Методические подходы к формированию межмуниципальных стратегий в контексте отношений «центр – периферия» // *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. № 6. С. 1036–1051.

15. Клименко А.В., Клищ Н.Н. Можно ли сэкономить на бюрократии // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2013. № 3. С. 90–109.

16. Колесников Р. «Россия так не управлялась со времен Александра II»: Госдума приняла закон о местном самоуправлении в первом чтении. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/537215> (дата обращения: 05.07.2022).

17. Миронова О.В. Об институциональных методах и подходах в российской практике межмуниципального сотрудничества // *Вестник АГТУ. Сер.: Экономика*. 2015. № . С. 57–64.

18. Миронова С.М. Особенности реализации финансово-правового статуса муниципальных образований, входящих в городские агломерации // *Правоприменение*. 2020. Т. 4. № 1. С. 85–95.

19. Москвина О.С., Нестепанова И.В. Развитие межмуниципального сотрудничества как фактор активизации инвестиционных процессов в регионе (на примере Вологодской области) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28. № 3. С. 479–490.

20. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.

21. Нисканен В. Бюрократы и политики. URL: http://www.seinstitute.ru/Files/veh4-3-17_Niskanen.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

22. Попадюк Н.К. Межмуниципальное взаимодействие как императив противостояния деструктивным процессам мирового финансово-экономического кризиса // *Самоуправление*. 2020. Т. 2. № 1 (118). С. 332–335.

23. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996. 703 с. С. 97–101. URL: <https://dahluniversitymanagementinstitute.files.wordpress.com/2016/10/w-1996.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

24. Хартанович К.В., Васильева Л.П. Трансформация институциональных механизмов реализации региональной социально-экономической политики // *Проблемы современных интеграционных процессов и поиск инновационных решений: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 4 марта 2022 г.)*. Стерлитамак: АМИ, 2022. С. 105–109.

25. Цветкова О.В. Приграничное сотрудничество муниципальных образований Российской Федерации в оценках экспертов // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2018. № 4. С. 148–162. URL: www.evestnik-tgou.ru (дата обращения: 15.04.2022).

26. Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С. Анализ практики межмуниципального сотрудничества в аспекте реализации пространственной неолиберальной политики // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2021. № 6. С. 74–87.

27. Alchian A.A., Demsetz H. The Property Right Paradigm // *The Journal of Economic History*, 1973, March, pp. 16–27.

28. Anderson T., Hill P. The Evolution of Property Rights: A Study of The American West // *Journal of Law and Economics*, 1975, vol. 18, pp. 163–179.

29. Arrow K. The organisation of economic activity: Issues pertinent to the choice of market versus nonmarket allocation // In *The Analysis and Evaluation of Public Expenditure: The PPB System*, 1969, vol. 1. URL: <https://econ.ucsb.edu/~tedb/Courses/UCSBpf/readings/ArrowNonMktActivity1969.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

30. Libecap G. Distributional Issues in Contracting for Property Rights // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1989, vol. 145, pp. 6–24.

31. North D., Thomas R. The First Economic Revolution // *Economic History Review*, 1977, vol. 30, pp. 229–241.

32. Field B.C. The evolution of property-rights. URL: https://scholarworks.umass.edu/resec_faculty_pubs/76/ (дата обращения: 07.07.2022).

33. Vira B. The Political Coase Theorem: Identifying Differences between Neoclassical and Critical Institutionalism. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00213624.1997.11505964> (дата обращения: 07.07.2022).

References

1. Adjemoglu D., Robinson J. A. Why some countries are rich and others are poor. *The origin of power, prosperity and poverty. Why Nations fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty (2012)*. AST.: AST, 2016. 693 p.

2. Alchan A., The paradigm of property rights. *The paradigm of property rights*. URL: <https://old.inliberty.ru/library/199-paradigma-prav-sobstvennosti> . (date of formation 07.07.2022).

3. Animitsa E.G., Vlasova N.Yu. Problems and prospects of development of urban agglomerations. *Regionalism*. 2020. Vol. 7. No. 3. pp. 60-66.

4. Buchwald E.M. Constitutional changes and a new stage in the development of Russian federalism. *Federalism*. 2021. Vol. 26. No. 1 (101). pp. 44-61.

5. Buchwald E.M. New foundations of state policy in the development of local self-government in Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020. Vol. 13. No. 4. pp. 125-135.

6. Vishnevsky B. *Back to Democratic Centralism*. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/20/nazad-k-demokraticeskomu-tsentralizmu> (accessed: 05.07.2022).

7. Voroshilov N.V. Inter-municipal cooperation in Russia: status, problems and prospects of development. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2021. Vol. 14. No. 6. pp. 141-159.

8. Gvorys V., Krutikov V.K., Dorozhkina T.V. Border cooperation at the municipal level: problems, prospects. *Kaluga Economic Bulletin*. 2017. No. 4. pp. 2-4.

9. Gligich-Zolotareva M.V., Lukyanova N.I. New contours of the transformation of public power in the Russian Federation. *Federalism*. 2022. Vol. 27. No. 1 (105). pp. 23-50.

10. David P. *CLIO and the economic theory of QWERTY*. URL: <https://www.hse.ru/data/581/604/1237/Klio.pdf> (date of reference: 09/14/2022).

11. Doronina P.E. Associative forms of inter-municipal cooperation: legislative regulation and practical implementation. *E-Scio*. 2020. No. 4 (43). pp. 520-526.

12. Zikeev V. *Technocratization of local self-government*.

URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/17/tehnokratizaciya_mestnogo_samoupravleniya (accessed: 11.06.2022).

13. Ignatieva A.V. Analysis of the problem field of the development of the system of local self-government of the Russian Federation. *Local law*. 2020. No. 5. pp. 51-55.

14. Kaibicheva E.I. Methodological approaches to the formation of intermunicipal strategies in the context of center-periphery relations. *Regional economics: theory and practice*. 2020. No. 6. pp. 1036-1051.

15. Klimenko A.V., Klishch N.N. Is it possible to save on bureaucracy. *Issues of state and municipal administration*. 2013. No. 3. pp. 90-109.

16. Kolesnikov R. "Russia has not been governed like this since the time of Alexander II": The State Duma adopted the law on local self-government in the first reading. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/537215> (date of address: 05.07.2022).

17. Mironova O.V. On institutional methods and approaches in the Russian practice of inter-municipal cooperation. *Bulletin of AGTU. Ser.: Economics*. 2015. no. pp. 57-64.

18. Mironova S.M. Features of the implementation of the financial and legal status of municipalities included in urban agglomerations. *Law enforcement*. 2020. Vol. 4. No. 1. pp. 85-95.

19. Moskvina O.S., Nestepanova I.V. Development of inter-municipal cooperation as a factor of activation of investment processes in the region (on the example of the Vologda Oblast). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2020. Vol. 28. No. 3. pp. 479-490.

20. Knight F. X. *Risk, Case. M.: Case*, 2003.

21. Niskanen V. *Bureaucrats and politicians*. URL: http://www.seinstitute.ru/Files/veh4-3-17_Niskanen.pdf (accessed: 07.07.2022).

22. Popadyuk N.K. Intermunicipal interaction as an imperative to resist destructive processes of the global financial and economic crisis. *Self-government*. 2020. Vol. 2. No. 1 (118). pp. 332-335.

23. Williamson O.I. *Economic institutions of capitalism. Firms, markets, "relational" contract*. St. Petersburg: Lenizdat, 1996. 703 p. 97-101. URL: <https://dahlundiversitymanagementinstitute.files.wordpress.com/2016/10/w-1996.pdf> (accessed: 07.07.2022).

24. Khartanovich K.V., Vasilyeva L.P. Transformation of institutional mechanisms for the implementation of regional socio-economic policy. *Problems of modern integration processes and the search for innovative solutions: collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, March 4, 2022)*. Sterlitamak: AMI, 2022. pp. 105-109.

25. Tsvetkova O.V. Cross-border cooperation of municipal entities of the Russian Federation in expert assessments. *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)*. 2018. No. 4. pp. 148-162. URL: www.evestnik-mgou.ru (date of address: 04/15/2022).

26. Shelomentsev A.G., Goncharova K.S. Analysis of the practice of inter-municipal cooperation in the aspect of the implementation of spatial neoliberal policy. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2021. No. 6. pp. 74-87.

27. Alchian J., Demsetz H. The paradigm of property rights. *Journal of Economic History*, 1973, March, pp. 16-27.

28. Anderson T., Hill P. The evolution of property rights: A Study of the American West. *Journal of Law and Economics*, 1975, volume 18, pp. 163-179.

29. Strelka K. Organization of economic activity: issues related to the choice of market and non-market distribution. *In the Analysis and Evaluation of Public Spending: The PPB System*, 1969, vol. 1. URL: <https://econ.ucsb.edu/~tedb/Courses/UCSBpf/readings/ArrowNonMktActivity1969.pdf> (accessed 07.07.2022).

30. Libekap G. Problems of distribution when concluding contracts for property rights. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1989, volume 145, pp. 6-24.

31. North D., Thomas R. The First Economic Revolution. *Review of Economic History*, 1977, volume 30, pp. 229-241.

32. Field B.S. *The evolution of property rights*. URL://scholarworks.umass.edu/resec_faculty_pubs/76/ (accessed 07.07. 2022).

33. Vira B. *Coase's Political Theorem: Identifying the differences between Neoclassical and Critical Institutionalism*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00213624.1997.11505964> (accessed: 07.07.2022).

УДК 338

Дышекова Альбина Аскерхановна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

Гаева Жамиля Мажировна,

студент факультета экономики и управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

Пазова Аурика Азаматовна,

студент факультета экономики и управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

Мурчаева Салима Заурбиевна,

студент факультета экономики и управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

Байсиева Джаннэт Аслановна,

студент факультета экономики и управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, г. Нальчик, Россия

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СФЕРЕ**

События 2021 года подтвердили выводы ежегодного прогноза ИМЭМО «Россия и мир: 2021», а также среднесрочного прогноза «Россия и мир: 2024» относительно тенденций и сценариев развития мировой экономики и политики. Ускоренная цифровизация и все связанные с ней изменения, технологическая конкуренция, выход на первый план климатической/экологической, а с ней и энергетической повестки, усиление геополитической и геоэкономической напряженности в условиях пандемии COVID-19 способствовали тому, что мир и Россия подошли к 2022 г. в уже ином состоянии. Главной чертой ближайших лет будет беспрецедентное давление экзогенных факторов на переформатирование традиционных факторов, определяющих мировую экономику, политику и безопасность. Этот процесс уже начался, что особенно заметно в энергетической и технологической сфере.

Ключевые слова: экономическая политика; экзогенные факторы; мировая экономика; пандемия COVID-19; экономический кризис.

UDC 338

Dyshekova Albina Askerkhanovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokova, Nalchik, Russia

Gaeva Zhamilya Mazhirovna,

Student of the Faculty of Economics and Management, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokova, Nalchik, Russia

Pazova Aurika Azamatovna,

Student of the Faculty of Economics and Management, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokova, Nalchik, Russia

**GLOBAL TRENDS
IN THE ECONOMIC
SPHERE**

Murachayeva Salima Zaurbievna,

Student of the Faculty of Economics and Management, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokova, Nalchik, Russia

Baisieva Jannet Aslanovna,

Student of the Faculty of Economics and Management, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokova, Nalchik, Russia

The events of 2021 confirmed the conclusions of the annual IMEMO forecast “Russia and the World: 2021”, as well as the medium-term forecast “Russia and the World: 2024” regarding trends and scenarios for the development of the global economy and politics. Accelerated digitalization and all related changes, technological competition, the coming to the fore of the climate / environmental, and with it the energy agenda, increased geopolitical and geo-economic tensions in the context of the COVID-19 pandemic contributed to the fact that the world and Russia approached 2022 in already different state. The main feature of the coming years will be the unprecedented pressure of exogenous factors to reformat the traditional factors that determine the world economy, politics and security. This process has already begun, which is especially noticeable in the energy and technology sectors.

Key words: economic policy; exogenous factors; world economy; COVID19 pandemics; economic crisis.

Под влиянием экзогенных факторов, прежде всего из-за ограничений, связанных с пандемией, множественных вынужденных деформаций на уровне производств, логистики, спроса и социальных проблем, к началу 2022 г. и, вероятно, в ближайшей перспективе, мировая экономика, с одной стороны, оказалась в зоне повышенной инфляции, с другой стороны, под влиянием того же коронакризиса и подстегнутой им цифровизации всего мирового хозяйства и образа жизни в целом, а также «климатизации» глобальной повестки, вышли на бустерную фазу развития процесс «энергетического перехода» и ряд отраслей мировой экономики.

Вероятно, 2022 год внесет большую ясность и даст параметры для среднесрочных и долгосрочных прогнозов относительно роли этих прорывных процессов в мировой экономике, политике и социальной сфере. Окажутся ли они локомотивами перехода к более устойчивой фазе, или создадут на своем пути такие проблемы, решение которых усугубит, по крайней мере, в обозримой перспективе (3–5 лет) ситуацию, в частности с энергетической повесткой? Нельзя исключать, что сам ускоренный характер процессов, что в значительной мере обусловлено их восприятием как начальной и решающей фазы геоэкономической и технологической конкуренции, окажет несбалансированное, а

потому неоптимальное влияние на мировую экономику и финансы.

В мировой экономике сохраняется неопределенность. Главным вызовом для нее в 2021 г. стала задача выработки адаптационных механизмов, позволяющих обеспечивать положительные темпы экономического роста в условиях продолжающегося распространения коронавирусной инфекции.

Уверенные темпы восстановления глобальных экономических показателей в I полугодии способствовали формированию надежд на то, что ущерб, нанесенный коронакризисом в 2020 г., будет компенсирован быстрее, чем ранее ожидалось. К октябрю 2021 г. МВФ спрогнозировал роста глобального ВВП на 2021 г. до 5,9 % (по сравнению с 5,5 %, ожидавшимся в январе), а ВТО пересмотрела прогноз мировой торговли до 10,8 % (по сравнению с 8,0 % согласно мартовскому прогнозу) [1; 3]. Однако ближе к концу года ухудшение эпидемической обстановки и опасения относительно возможных последствий распространения коронавирусного штамма омикрон оказали негативное влияние на мировые товарные и фондовые рынки, что существенно усилило неопределенность относительно перспектив развития в 2022 г.

Подобно тому, как в 2020 г. глубина экономического кризиса демонстрировала значительные региональные и страновые вариации,

ции, схожая картина наблюдалась в 2021 г. применительно к темпам экономического восстановления. Как и годом ранее, в наиболее благоприятном состоянии оказались развивающиеся страны Азии: если в 2020 г. они демонстрировали минимальные темпы спада (–0,8 % по сравнению с –3,1 % по мировой экономике в целом и –2,1 % по группе стран с развивающимися рынками), то в 2021 г. темпы их роста, по оценкам МВФ, могут составить 6,4 %. Значительный прирост ВВП (6,3 %) демонстрировали также страны Латинской Америки и Карибского бассейна, однако, в отличие от развивающихся стран Азии, этого оказалось недостаточно для того, чтобы компенсировать спад ВВП в 2020 г., составивший –7,0 %. По группе развитых стран оценка темпов роста составляет порядка 5,2 %, причем показатели для еврозоны (5,0 %) и особенно Японии (2,4 %) заметно отстают от показателей США и Великобритании (6,0 % и 6,8 %, соответственно) [8; 4].

В основе различий в темпах посткризисного восстановления экономики лежали три основных группы факторов: масштабы и интенсивность карантинных и квазикарантинных ограничений, вводимых в контексте борьбы с пандемией коронавируса (а также скорость отмены соответствующих ограничений); эффективность антикризисной политики; внешнеторговая специализация стран и темпы восстановления рынков соответствующих товаров и услуг. Первая из указанных групп факторов оказала решающее воздействие на различия в темпах экономического спада на протяжении 2020 г. и во многих странах продолжала играть сдерживающую роль в 2021 г. (особенно в странах ЕС, где политика локдаунов и жестких ограничений для невакцинированных применялась особенно интенсивно). Что же касается тех стран, которые в 2020 г. смогли избежать резкого спада за счет того, что воздерживались от введения ограничений (или быстро их отменяли), то в отсутствие других благоприятных факторов роста их динамика была более скромной. Наиболее показателен в данном контексте пример стран Африки южнее Сахары: если в 2020 г. их потери от кризиса были сравнительно умеренными (–1,7 % ВВП), то в 2021 г. темпы роста экономики также были невысокими (3,7 %).

Меры антикризисной политики, как и в пре-

дыдущем году, играли наибольшую роль в экономически развитых странах – не только благодаря масштабам поддержки экономики, но и благодаря эффективности реализации принятых решений, обеспечиваемой качеством политических и административных институтов. В наибольшей мере это относится к США, где в марте был утвержден новый пакет антикризисной поддержки экономики в размере 1,9 трлн долл., а ФРС продолжала агрессивно проводить политику количественного смягчения.

Главным источником различий в темпах роста ВВП стало влияние динамики мировых рынков на экономическую конъюнктуру в конкретных странах. На протяжении года мировые товарные рынки активно восстанавливались. Максимальные показатели роста мировой торговли предсказуемо были зафиксированы во II квартале 2021 г., когда относительно кризисных показателей, зафиксированных годом ранее, объем мировой торговли товарами увеличился на 22 %, в том числе объем торговли продукцией обрабатывающей промышленности – на 40 %. Показатели по ряду обрабатывающих отраслей были еще более впечатляющими: так, производство одежды выросло на 54 %, железа и стали – на 71 %, продукции автомобилестроения – на 101 % [5]. И хотя восстановление международной торговли во II полугодии 2021 г. замедлилось, оно принесло ощутимые дивиденды странам, специализирующимся на выпуске продукции для рынков, продемонстрировавшим максимальные темпы посткризисного «отскока».

Начиная с конца октября неопределенность в мировой экономике вновь стала нарастать. В первую очередь, это затронуло глобальные сырьевые и финансовые рынки, многие из которых не только полностью восстановились после кризиса, но и вышли на более высокие значения. Так, котировки нефти сорта Brent поднимались в октябре 2021 г. до 86,70 долл./барр., превзойдя максимальный докризисный уровень января 2020 г. (71,75 долл./барр.) и фактически выйдя на уровень пятилетнего максимума, зафиксированный в октябре 2018 г. (86,70 долл./барр.) [7]. В свою очередь, фондовый индекс SP500 последовательно обновлял исторические максимумы, достигнув в ноябре уровня 4743,74 пунктов, что в 1,4 раза больше уровня

января 2020 г. Подобный «разгон» котировок в условиях продолжающейся пандемии нес в себе серьезные риски коррекции, реализованные уже в ноябре-декабре 2021 г. и сохраняющие актуальность для 2022 г.

Ключевыми факторами, способствующими актуализации этих рисков, стали опасения появления новых штаммов коронавируса, которые могут оказаться устойчивыми к существующим вакцинам, и начавшееся в ноябре сокращение реализуемой ФРС США программы выкупа активов (на 15 млрд долл. ежемесячно). Кроме того, ожидается, что в 2022 г. ФРС начнет повышать процентные ставки по федеральным фондам, что связано с резким усилением инфляционных тенденций в американской экономике. При целевом показателе 2 % инфляция в октябре составила 6,2 % (впервые с 1990 г.), а темпы роста цен на потребительские товары три месяца подряд превышали 8 %, чего не фиксировалось с начала 1980-х гг. Хотя влияние повышения процентных ставок для борьбы с инфляцией будет оказывать на рынки меньшее влияние, чем сокращение программы

выкупа фондов, совокупный эффект этих мер для фондовых и товарных котировок может оказаться резко понижающим [2; 6].

Дополнительным источником неопределенности для мировых энергетических рынков является интенсификация дискуссий вокруг национальных и международных инициатив, связанных со стимулированием ускоренного перехода к низкоуглеродной энергетике. Хотя итоги состоявшегося в Глазго климатического саммита продемонстрировали отсутствие однозначного международного консенсуса относительно отказа от использования углеводородного топлива (в том числе угля) и введения платы за выбросы углерода, традиционные отрасли энергетики сталкиваются со все более выраженной «стигматизацией» и регуляторным давлением. Это может иметь значительные последствия как для международных рынков энергетического сырья, так и для стран, наиболее активно продвигающих антиуглеродную повестку. В частности, высокая плата за углеродные квоты стала одним из факторов газового кризиса в ЕС, а в перспективе мо-

	2001-2010	2011-2019	2020	2021	2022
Мир	3,9	3,5	-3,1	6,2	5,1
Развитые страны	1,7	1,9	-4,5	5,2	4,7
США	1,8	2,2	-3,4	5,9	5,4
Япония	0,6	0,9	-4,6	2,4	3,2
Великобритания	1,6	1,8	-9,8	6,9	5,1
Зона евро	1,2	1,3	-6,3	5,1	4,2
ЕС	1,5	1,6	-5,9	5,2	4,3
Германия	0,9	1,7	-4,6	3,2	4,4
Франция	1,2	1,4	-8	6,7	4,0
Италия	0,3	0,1	-8,9	6,0	4,4
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	6,2	4,8	-2,1	7,0	5,4
КНР	10,5	7,3	2,3	8,3	5,8
Индия	7,5	6,6	-7,3	9,2	8,8
Бразилия	3,7	0,8	-4,1	5,0	2,0
Россия	4,8	1,8	-3,0	4,6	3,2

Таблица 1 – Основные тренды роста ВВП, % (источник: IMF WEO Database, прогноз и оценка – ИМЭМО).

жет привести к росту производственных издержек и снижению конкурентоспособности европейского экспорта.

В 2022 г. мировая экономика продолжит восстановительный рост, который составит 5,1 %. Экономике большинства стран мира превысят уровень 2019 г., хотя экономики таких стран, как Китай, Индия и США, вышли на докризисный уровень уже в 2021 г. Наиболее высокие темпы роста покажут развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком – 5,4 %, тогда как экономика развитых стран возрастет на 4,7 % (см. табл. 1).

Темпы роста ВВП Китая в 2022 г. вернутся к докризисным значениям – 5,8 %, а экономика Индии покажет очень высокие темпы – 8,8 %. Российская экономика после быстрого отскока (4,8 % в 2021 г.) продолжит успешное посткризисное восстановление – 3,2 % в 2022 г. Экономика США несколько замедлится в 2022 г. – до 5,4 %. Японская экономика продемонстрирует необычно высокий рост – 3,2 %. Высокими темпами после глубокого падения (9,8 % в 2020 г.) продолжит развиваться экономика Великобритании – 5,1 %. Темпы роста экономики ЕС, по нашим оценкам, составят 4,3 %.

Мировая торговля. Текущая динамика мировой торговли товарами позволяет предположить, что в 2021 г. ее объем вырастет на 10 %, в 2022 г. – на 6 %, а в последующие годы будет увеличиваться в среднем примерно на 3 %. В среднесрочной перспективе продолжит развитие торговля услугами онлайн, но рост торговли услугами в целом едва ли будет столь же динамичным как в период до пандемии.

В 2021 г. мировая торговля будет расти почти в 2 раза быстрее ВВП. Однако в 2022 г. опережение будет минимальным, и, по всей вероятности, такое соотношение сохранится на среднесрочную перспективу. В отдельные годы (например, в 2017 г., в 2021 г.) не исключено возвращение к ситуации, характерной для периода ускоренного развития мировой торговли, когда темпы ее прироста в 1,5–2 раза превышали темпы роста ВВП.

В 2022 г. динамика мировой торговли будет носить скорее восстановительный характер. В последующие годы ее развитие все больше будут определять факторы, связанные с развертыванием нового этапа научно-технической революции, включая рост электрон-

ной торговли и приближение производства к потребителю.

Важным условием продолжения роста мировой торговли после окончания Пандемии служит следование принципам либеральной торговой политики, приверженность которым сегодня подтверждают ведущие страны мира, входящие в группу G–20. После возвращения мировой экономики и торговли к устойчивому росту можно ожидать возобновления попыток преодоления кризиса ВТО.

Тем не менее рост протекционизма остается острой проблемой для всех участников международной торговли. Кроме того, сохранится торговое и особенно технологическое соперничество между США и КНР, которое и далее будет служить одним из главных источников нестабильности и усиления протекционистских настроений во внешнеторговой политике ведущих стран.

Растущее влияние на динамику и структуру мировой торговли будет оказывать реализация планов по кардинальному изменению энергетического баланса ведущих стран в пользу повышения роли возобновляемых источников энергии. Как показал опыт 2021 г., энергопереход несет с собой определенные риски для состояния экономики и торговли. Мировая торговля остается уязвимой также к потрясениям в финансовой сфере, стабильность которой может быть нарушена вследствие обострения мировой долговой проблемы.

Расширится применение инструментов торговой политики, направленных на построение «зеленой» экономики – по образцу углеродного сбора в ЕС. Развитые страны будут активнее настаивать на включении в торговые соглашения условий, обеспечивающих выполнение экологических и трудовых стандартов в странах-партнерах.

Поддержание сравнительно высоких темпов роста международного товарооборота будет зависеть не только от внешнеторговой политики стран-членов ВТО, но и от предпринимаемых государствами мер по поддержке всей экономики, которые сыграли большую роль в уменьшении негативных последствий пандемии. Эти меры будут постепенно сворачиваться, и от того, как это будет сделано, зависит состояние не только экономики ведущих стран, но и глобальной торговли.

Ключевые глобальные тренды в сфере экономики в 2022 г.:

- повышенная инфляция;
- ускорение цифровизации на фоне усиления технологической конкуренции и стремления к цифровому суверенитету;
- ускорение декарбонизации и начало дегметанизации мировой экономики;
- сдвиги в продовольственных системах (Фудтех – FoodTech).

Главные отраслевые драйверы мирового экономического роста – производство полупроводников, фармацевтика и биомедицина, редкоземельные, цветные и черные металлы, продовольствие.

Риск повышенной инфляции. С лета 2021 г. мировая экономика развивается на фоне повышенной и продолжающей расти инфляции. Ее основными причинами стали: денежная политика властей в ответ на экзогенный шок пандемии, дезорганизация глобальных и внутристрановых производственных и логистических цепочек, начинающийся энергетический переход и картелизация на мировом рынке нефти. Реагируя на шок COVID-19, власти накачивают экономики денежной ликвидностью, поддерживают безработных, домохозяйства с низким доходом, малый и средний бизнес. Поддержка спроса осуществляется на фоне падающего или анемично растущего предложения. Ограничения на трудовую миграцию породили дефицит рабочей силы в грузовых автомобильных перевозках, портовом и складском хозяйствах. Для нормализации внутренних, региональных и глобальных перевозок, адаптации рынка труда потребуется несколько лет.

Список литературы

1. Звонова Е.А. Трансформация мировой экономики и пандемия // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 4. С. 6–19.
2. Зенкина Е.В., Ивина Н.В. Современные глобаль-

ные тенденции экономики устойчивого развития // Инновации и инвестиции. 2021. № 1. С. 48–51.

3. Какутич Е.Ю. Глобальные тренды и тенденции становления экономики знаний в системе мировой экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 59–74.

4. Кашин Е.А., Скрынникова Ю.Д. Тренды глобального политического и экономического устройства в 2020-е годы // Самоуправление. 2021. № 2 (124). С. 43–46.

5. Кузьмина О.В., Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А. Глобальная система международных отношений на рубеже 2020-х годов: тенденции и риски развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37). С. 236–242.

6. Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2022.

7. Толмачев П.И. Экономический рост: внешнее измерение в условиях современных трендов мировой экономики // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 2. С. 8–17.

References

1. Zvonova E.A. Transformation of the world economy and the pandemic. *Economics. Taxes. Right*. 2020. Vol. 13. No. 4. pp. 6-19.

2. Zenkina E.V., Ivina N.V. Modern global trends in sustainable development economics. *Innovation and investment*. 2021. No. 1. pp. 48-51.

3. Kakutich E.Yu. Global trends and trends in the formation of the knowledge economy in the world economy system. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management*. 2020. Vol. 6. No. 2. pp. 59-74.

4. Kashin E.A., Skrynnikova Yu.D. Trends of the global political and economic structure in the 2020s. *Self-government*. 2021. No. 2 (124). pp. 43-46.

5. Kuzmina O.V., Falaleev M.A., Sitdikova N.A. The global system of international relations at the turn of the 2020s: trends and risks of development. *The Eurasian Union: issues of international relations*. 2021. Vol. 10. No. 3 (37). pp. 236-242.

6. *Trends of economic development in the XXI century: materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Minsk, 2022.

7. Tolmachev P.I. Economic growth: external dimension in the conditions of modern trends of the world economy. *Bulletin of the Russian State University. Series: Economy. Management. Right*. 2020. No. 2. pp. 8-17.

УДК 331.101.3

Джабраилов Дени Хамзатович,
*ассистент кафедры государственного
и муниципального управления, Чеченский
государственный университет
имени А. А. Кадырова, г. Грозный, Россия,
e-mail: Denito_95@mail.ru*

Ильясова Карина Хасановна,
*старший преподаватель кафедры эконо-
мики и управления в образовании, Чечен-
ский государственный педагогический
университет, г. Грозный, Россия,
e-mail: Karina.i86@mail.ru*

Хамуева Милана Хамзатовна,
*магистрант, Чеченский государственный
педагогический университет, г. Грозный,
Россия, e-mail: Karina.i86@mail.ru*

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена мотивации и материальному стимулированию трудовой деятельности персонала организации. В соответствии с принципом материальной заинтересованности и структурой трудовой мотивации на характер трудового поведения и результативность деятельности работников влияют формы вознаграждения и стимулирования персонала предприятия. Однако не все российские компании понимают важность поощрения и стимулирования сотрудников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мотивация; управление; эффективный; инновации; организации.

UDC 331.101.3

Dzhabrailov Deni Khamzatovich,
*assistant of the department of State and
municipal management, Chechen State
University named after A. A. Kadyrov, Grozny,
Russia, e-mail: Denito_95@mail.ru*

Ilyasova Karina Khasanovna,
*Senior Lecturer, Department of Economics
and Management in Education, Chechen
State Pedagogical University, Grozny, Russia,
e-mail: Karina.i86@mail.ru*

Khamueva Milana Khamzatovna,
*undergraduate, Chechen State Pedagogical
University, Grozny, Russia,
e-mail: Karina.i86@mail.ru*

MOTIVATION OF LABOR ACTIVITY

The article is devoted to the motivation and material incentives for the labor activity of the organization's personnel. In accordance with the principle of material interest and the structure of labor motivation, the nature of labor behavior and the performance of employees are influenced by forms of remuneration and incentives for the personnel of the enterprise. Not all Russian companies understand the importance of encouraging and stimulating employees.

Key words : motivation; control; effective; innovation; organizations.

Удержание сотрудников является одним из наиболее значимых факторов в области управления человеческими ресурсами. Споспобные и преданные сотрудники являются основой эффективных организаций, и поэтому их удержание крайне важно. Подготовка новых работников утомительна и требует больше ресурсов. Таким образом, чем больше представитель остается в организации, тем лучше для ассоциации.

Очевидно, что мотивированная рабочая сила является более творческой и продуктивной. Инновации необходимы для производства качественной работы. Только целеустремленные сотрудники будут прилагать усилия для поиска лучших методов получения качественной продукции наиболее эффективным из возможных способов.

Мотивация – это важный фактор, который побуждает людей работать наилучшим образом и помогает в достижении больших бизнес-целей. Позитивное вдохновение будет способствовать увеличению производительности труда работников, в то время как негативное вдохновение уменьшит их производительность.

Мотивация сотрудников имеет решающее значение для организации, так как является основой для дальнейшего развития или банкротства организации. Мотивация сотрудников раскрывает их реальное отношение к своей работе. Именно желание и энергия «подталкивает» или «мотивирует» сотрудников достигать определенных производственных результатов и/или даже появляться каждый день на работе.

Мотивированные сотрудники, как правило, целеустремленные, работают более продуктивно и качественно (с меньшим браком). Ни одна компания, маленькая или крупная, не сможет добиться успеха в долгосрочной перспективе без энергичных сотрудников, которые верят в свою миссию и понимают, как ее реализовать.

Без мотивированного сотрудника компания может столкнуться со значительными потерями. Немотивированный сотрудник не сможет хорошо работать, так как он не захочет выкладываться по максимуму и упорно трудиться для достижения своих целей.

Опытный менеджер знает, что внимание к сотрудникам, своевременное поощрение и реагирование на ошибки являются ключом

к успеху. Советская эпоха вспоминается досками Почета, наградными грамотами и подарками. Сегодня способ мотивации бизнес-команд отличается от советского. Управление персоналом – самостоятельная наука, в которой метод мотивации сотрудников требует особого внимания.

Трудовая мотивация понимается как организация работы компании, где каждый старается наилучшим образом выполнять свои профессиональные обязанности и «делать все возможное». Другими словами, каждый сотрудник имеет внутренние стимулы для повышения производительности труда и нацелен на достижение общих целей [1]. Мотивация – система факторов, которые приводят к физической активности и определяют направление поведения человека. Это включает в себя потребности, мотивации, намерения, цели, интересы и желания.

Стимулирование персонала организации является наиболее важным способом повышения производительности труда, а также основным направлением кадровой политики организации. Система стимулирования сотрудников в организации – это организация деятельности компании. Все сотрудники стремятся делать все возможное и выполнять свои профессиональные обязанности в максимально возможной степени. Каждый получает какой-то внутренний стимул для повышения эффективности работы и разработки курсов для достижения глобальных целей.

Работодатели самостоятельно выбирают способы поощрения команд к максимально эффективной работе. Некоторые менеджеры работают в соответствии с давней традицией: они поощряют лучших сотрудников, наказывают худших сотрудников и проводят регулярные корпоративные мероприятия. Однако такая схема не всегда эффективна. Если обстановка в коллективе гнетущая, мало кто захочет веселиться на корпоративной вечеринке.

Для повышения компетентности персонала в организации и стимулирования сотрудников на предприятии ответственное лицо должно обладать базовыми знаниями о формировании системы стимулирования персонала. Если вклад сотрудника в достижение общей цели не будет замечен или должным образом оценен, он вряд ли захочет выходить за рамки необходимого в будущем [2].

Основной целью корпоративной мотивации сотрудников является объединение интересов компании и сотрудников. Компания нуждается в сотрудниках, которые выполня-

ют задачи вовремя и в полном объеме, и им нужна заработная плата и дополнительные стимулирующие бонусы.

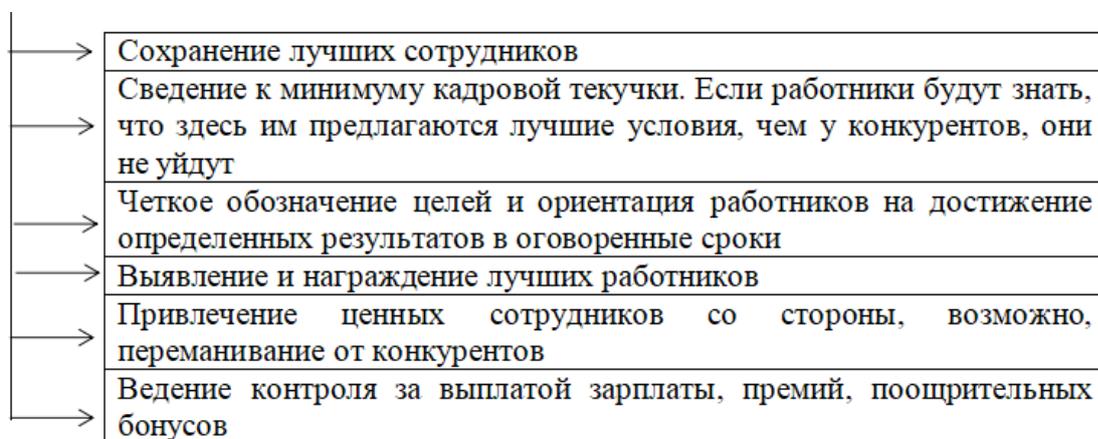

Рисунок 1 – Цели мотивации сотрудников

К функциям системы мотивации труда для производственного персонала в организации относятся следующие мероприятия: стимулирование роста квалификации сотрудников; проведение «естественного отбора». Самые способные работники получают мотивационные бонусы. Самые ленивые – отсеиваются; стимулирование персонала работать в интересах предприятия, а не одного человека; стимулирование сотрудников работать с максимальной эффективностью и самоотдачей; разработка и поддержка системы обратной связи между различными отделами и подразделениями компании [3].

По словам Тейлора, инстинкт и физическое желание могут быть использованы для стимулирования работников. Согласно этой теории, персонал работает с максимальной самоотдачей при следующих условиях: оплата труда в соответствии с разработкой или временем выполнения работы; давление сверху; установлен минимальный стандарт,

ниже которого производство не может быть осуществлено; установлены правила для выполнения взятых на себя обязательств.

Д. Макклелланд [7] считает, что доминирующую роль играет тип человеческого желания. Согласно его теории, все виды мотивации сотрудников основаны на власти, успехе и кастовой принадлежности. Согласно этой теории всех сотрудников можно разделить на три категории: лидеры, которые стремятся к получению власти; одиночки, для которых важен индивидуальный результат; большинство работников, они довольствуются тем, что работают в компании, дорожат собственным статусом и хотят, чтобы все оставалось как есть.

Согласно теории А. Маслоу, человек в каждый момент стремится удовлетворить очень специфические потребности. Разница лишь в том, что именно должно соответствовать тому или иному уровню всемирно известной пирамиды [8].

Таблица 1 – Классическая пирамида включает пять уровней

№	Уровень	Описание
1	Физиология	Еда, вода, крыша над головой. Вещи, необходимые для выживания
2	Безопасность	Защищенность: никто не может прийти и отнять то, что есть у человека. Возможность неограниченное время поддерживать определенный уровень жизни
3	Любовь	Стремление понравиться окружающим, в частности, коллегам или руководству
4	Признание	Стремление приобрести определенный статус в команде, компании, обществе
5	Самосовершенствование	Стремление к повышению квалификации, уровня жизни, карьеры

Третий и четвертый уровни пирамиды – так называемые моральные мотивации сотруд-

ников организации: уважение к сотрудникам и руководству компании.

Существует много способов классифицировать типы мотиваций. Так, Е.П. Ильин [6] рекомендует в качестве параметра использовать обусловленность процесса стимулирования. Он различает внешние (ограниченные внешними условиями и окружением) и внутренние (внутренние, связанные с личными тенденциями: потребностями, установками, интересами, мотивациями, желаниями, когда поведение и поступки выполняются «по свободной воле субъекта») условия. А.А. Ручка и Н.А. Сакада [9] рекомендуют классифицировать мотивацию в соответствии с ее методом и различать прямое воздействие на человека и косвенное, основанное на влиянии внешних факторов.

Нормативные и обязательные мотивации формируют прямые мотивации. При этом нормативная мотивация состоит в прямом влиянии на личность сотрудников в целях изменения их системы ценностей, то есть формирования идеальной системы трудовой мотивации. Для этого используются такие методы и средства, как: убеждение, внушение, заражение, агитация, демонстрация и т.д. Если этот метод управляющего воздействия успешен, цель управления усваивается объектом управления и становится его собственной целью. Поэтому личные интересы сотрудников формируются в эффективных результатах их собственного труда, в успешной производственной деятельности их коллективов и организаций, а затем проявляются в бизнесе.

Принудительное стимулирование основано на угрозе ухудшения удовлетворения определенных потребностей работников в случае несоблюдения требований управляющего субъекта. На практике это реализуется с помощью приказов, распоряжений, постановлений, инструкций, требований и негативных санкций.

Мотивация обеспечивает определенный уровень поведенческой активности. Трудовая мотивация выделяется отдельно и определяется как желание работников удовлетворять свои потребности (получать определенные выгоды) посредством работы. Тогда в структуру мотива труда входят [3]: благо, способное удовлетворить эту потребность; потребность, которую хочет удовлетворить работник; трудовое действие, необходимое для получения блага; цена как издержки ма-

териального и морального характера, связанные с осуществлением трудового действия.

Если проанализировать определения мотивации разных авторов, то можно определить несколько ключевых понятий в процессе мотивации: потребность, мотивация и стимул [3].

Потребность – состояние того, что необходимо. Это активизирует тело и направляет его на поиск того, что нужно организму в данный момент.

Мотивация приводит к определенному поведению человека. Процесс активизации мотивации человека называется мотивацией. Мотивация не только побуждает человека к действию, но и определяет, что нужно сделать, и как это действие будет выполнено. Потребность может быть, но действия по ее удовлетворению могут быть разными для разных людей. Видно, что необходимо начальное звено механизма мотивации. Стимуляция действует как рычаг влияния, вызывая эффект определенных мотиваций.

Стимуляция – пробуждение, усиление или ускорение мыслей, чувств и действий. Очень важным моментом является различие между понятиями «стимуляция» и «мотивация». Мотивация характеризует желание человека получить определенные блага. Стимулы – это сами эти преимущества. Если мотивация требует от человека совершения невозможных действий, она может не перерасти в мотивацию. Следовательно, стимулирование непосредственно фокусируется на спросе и удовлетворении, а мотивация является основным связующим звеном, соединяющим стимул и спрос при определенных условиях. Чтобы создать эту связь, сотрудникам необходимо более или менее осознавать и принимать стимулы [5].

Таким образом, с психологической точки зрения, при всей важности стимуляции и мотивации, именно мотивация мотивирует и направляет деятельность человека, а не сама стимуляция. Стимуляция представляет нечто внешнее по отношению к человеку. Стимулирование и мотивация принципиально различны. Разница в том, что стимуляция используется как средство, с помощью которого может быть осуществлена мотивация.

Список литературы

1. Алавердов А.Р. Управление человеческими ресурсами организации. М.: Университетская серия Синергия, 2017. 830 с.
2. Афанасьева В.С. Эффективные методы мотивации персонала / В. С. Афанасьева // Аллея науки. – 2020. – Т. 2. – № 12(51). – С. 456-458
3. Балаев В.А., Гридчин В.С., Чаплыгин Н.А. Мотивация персонала. Современные подходы в мотивации персонала // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2020. С. 267–271.
4. Близнюк Т.А., Сапунова Т.А. Прогноз и анализ изменений современного состояния рынка труда в России // Modern Science. 2020. № 3. С. 55–55.
5. Голуб И.Н. Геймификация как инструмент мотивации труда персонала // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 157–160.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
7. Макклелланд Д. Мотивация человека / науч. ред. пер. Е.П. Ильина; [пер. с англ. А. Богачев и др.]. М.: Питер, 2007. 669 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность учебник. СПб.: Питер, 2019.
9. Ручка А.А., Сакада Н.А. Стимулирование и мотивация труда на промышленном предприятии. Киев.: Наук. думка, 1998. 221 с.
10. Яндарбаева Л.А., Юшаева Р.С.Э., Дикаева Х.М. Методы оценки инвестиционной привлекательности // Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации: материалы III Всерос. науч.-практ. конф.,

Грозный, 11 декабря 2020 года. Грозный: Чечен. гос. ун-т, 2020. С. 91–96.

References

1. Alaverdov A.R. *Human resource management of the organization*. M.: University Synergy series, 2017. 830 p.
2. Afanasyeva V.S. Effective methods of personnel motivation. *Alley of Science*. 2020. T. 2. № 12(51). Pp. 456-458
3. Balaev V.A., Gridchin V.S., Chaplygin N.A. Personnel motivation. Modern approaches in staff motivation. *Young researcher: vyzo-you and prospects*. M.: Limited Liability Company "Inter-nauka", 2020. pp. 267-271.
4. Bliznyuk T.A., Sapunova T.A. Forecast and analysis of changes in the current state of the labor market in Russia. *Modern Science*. 2020. No. 3. C. 55-55.
5. Golub I.N. Gamification as a tool for motivating personnel. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021. No. 8. pp. 157-160.
6. Ilyin E.P. *Motivation and motives*. St. Petersburg: Peter, 2000. 512 p.
7. McClelland D. *Human motivation / scientific ed. per. E.P. Ilyin; [trans. A. Bogachev et al.]*. M.: Peter, 2007. 669 p.
8. Maslow A. *Motivation and personality textbook*. St. Petersburg: St. Petersburg, 2019.
9. Pen A.A., Sakada N.A. *Stimulation and motivation of labor at an industrial enterprise*. Kiev.: Sciences. dumka, 1998. 221 p.
10. Yandarbayeva L.A., Yushaeva R.S.E., Dikaeva H.M. Methods of assessing investment attractiveness. *The impact of the new geopolitical reality on public administration and development of the Russian Federation: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Grozny, December 11, 2020*. Grozny: Chechen State University, 2020, pp. 91-96.

УДК 336.2

Смородина Елена Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: smorodina_e@mail.ru

Долгих Юлия Александровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: rimdm@rambler.ru

**НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА
РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ: СПЕЦИФИКА
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
МАЛОГО БИЗНЕСА**

Статья посвящена специфике налогообложения малого бизнеса в России. Рассмотрена политика стимулирования малых предприятий в фокусе отраслевого критерия налогообложения. Авторы статьи приходят к выводу, что в России отраслевой критерий в системе налогообложения малых предприятий практически не применяется. Единственная сфера, где заметна вариативность налоговой политики, – информационные технологии. Обозначена проблема отсутствия достаточных полномочий органов местного самоуправления в снижении налогового бремени субъектов малого бизнеса.

К л ю ч е в ы е с л о в а : малый бизнес; налоговая политика; предпринимательство; налоговый кодекс; налоговая преференция; налоговая льгота; налоговая ставка.

UDC 336.2

Smorodina Elena Anatolievna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance, Monetary Circulation and Credit, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, e-mail: smorodina_e@mail.ru

Dolgikh Yulia Alexandrovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance, Monetary Circulation and Credit, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: rimdm@rambler.ru

**TAX RUSSIAN POLICY AT THE
PRESENT STAGE: SPECIFICITY
OF TAXATION OF SMALL
BUSINESS**

The article considers the specifics of small business taxation in Russia. The policy of stimulating small enterprises in the focus of the sectoral criterion of taxation is considered. The authors of the article come to the conclusion that in Russia the sectoral criterion in the system of taxation of small enterprises is practically not applied. The only area where the variability of tax policy is noticeable is information technology. The problem of the lack of sufficient powers of local governments in reducing the tax burden of small businesses is outlined.

K e y w o r d s : small business; tax policy; entrepreneurship; tax code; tax preference; tax benefit; tax rate.

Налоговые политики и налоговые системы в различных странах формируются по-разному, что обусловлено влиянием широкого круга исторических, культурных, ментальных, экономических, политических, социальных и иных факторов. В периоды кризиса каждое государство, как правило, корректирует налоговое законодательство, стремясь к максимизации уровня эффективности механизмов налогообложения [5, с. 111].

Целями настоящей статьи являются:

- анализ роли малого бизнеса в российской экономике;
- обзор российской налоговой политики в отношении малого бизнеса, включая антикризисные меры поддержки малого предпринимательства с позиции налогообложения;
- рассмотрение налоговой политики государства в фокусе отраслевого критерия поддержки малого бизнеса;
- обзор муниципального уровня регулирования налогообложения малого бизнеса.

Проблематика исследования процессов и механизмов формирования и реализации налоговой политики в целях стимулирования малого предпринимательства является довольно разработанной в современной науке: методы государственного управления развитием сферы услуг, к примеру, исследуют Н.А. Воронина и М.А. Новоселова [2]; специфику и проблемы налогового стимулирования малых ИТ-компаний в России рассматривает В.В. Громов [3]; налогово-бюджетные меры стимулирования предприятий малого бизнеса в условиях экономического кризиса раскрыты в публикациях О.В. Гудковой [4]; Е.Ю. Золочевской, А.В. Скидан, А.Т. Микая [6]; Т.В. Прокопьевой и А.С. Яковлевой [12] и др. Тем не менее существует необходимость развития соответствующих научных исследований в рамках данной проблематики.

Роль малого бизнеса в государственной экономической системе

Малое предпринимательство играет существенную роль в экономике любой страны. Высокий уровень развития малых бизнес-структур является важным фактором экономического благосостояния страны, положительно сказывается на экономическом росте, насыщает рынок высококачественными, инновационными и эксклюзивными товарами, работами, услугами. Малые предприятия

характеризуются гибкостью, адаптивностью и мобильностью, что позволяет им сглаживать отрицательные тенденции в сфере занятости населения [4, с. 99]. Малый бизнес обладает потенциалом в сфере вовлечения в трудовую деятельность резервов рабочей силы за счет привлечения кадров в рамках частичной занятости и в качестве временных работников, которые зачастую не могут быть трудоустроены в крупные компании. Более того, именно малый бизнес является рычагом для развития политики кредитования в государстве. Большинство исследователей сходятся во мнении о приоритетной роли малого бизнеса в экономической системе страны, указывая при этом, что государство должно способствовать развитию малых форм ведения бизнеса, чтобы они могли занять свою нишу в высококонкурентном, а нередко монополистическом рынке. Следовательно, государство и крупные предприятия нуждаются в успешном и стабильном функционировании малого бизнеса, а тот, в свою очередь, также нуждается в поддержке с их стороны.

По состоянию на 10 июля 2022 г. в Российской Федерации функционировало 213 481 субъектов малого бизнеса; численность работников малых предприятий составляла 5 953 434 чел. Российский малый бизнес по состоянию на обозначенную дату вырабатывал 1 293 позиции товаров и услуг [16].

Оборот субъектов малого бизнеса за первое полугодие 2021 г. составил 13,7 трлн руб., что на 18 % превышает аналогичный показатель 2020 г., и на 10 % – аналогичный показатель 2019 г.

При этом в сопоставлении с экономически развитыми странами мира сектор малого бизнеса в России имеет гораздо меньший удельный вес в ВВП [17, с. 187]. Доля малого бизнеса в совокупном обороте предприятий страны в первом полугодии 2021 г. составила 11,5 %. Подобный уровень считается минимальным с начала ведения подобной статистики (с 2008 г.). В первом полугодии 2020 г. данный показатель составил 12,6 %, в 2019 г. – 13,4 %. Максимальным считается уровень 2017 г., когда доля малого бизнеса в совокупном обороте российских предприятий составила 18,2 %. В отраслевой структуре малого бизнеса России доминирующую позицию занимают торговые предприятия, которые обе-

спечивают около 56 % оборота (по данным за первое полугодие 2021 г.) [15].

Политика стимулирования развития малого бизнеса в России посредством применения налогового инструментария

Если рассмотреть существующие налоговые системы стран разного уровня социально-экономического развития, можно прийти к выводу о мировой практике реализации трех типов налоговых политик. При этом с течением времени государства, как правило, меняют свои подходы к налогообложению малого бизнеса (что позволяет рассматривать данные типы как фазы эволюционного развития налоговых систем).

В качестве первого типа налоговой политики назовем политику максимальных налогов. Данный тип политики прослеживался в России в 1990-х гг.: в условиях глубочайших экономико-социальных кризисов (кризис, обусловленный распадом СССР, и кризис 1998 г.) органы власти ввели множество новых налогов и установили завышенные ставки по существующим налогам, что, в свою очередь, негативно сказалось на благосостоянии российских граждан и деятельности субъектов малого бизнеса. Малый бизнес в условиях высокого налогового бремени оказался перед выбором: прекращать деятельность в принципе, либо уходить в теневой или полутеневой сектор экономики.

Сущность второго типа налоговой политики (политика минимальных налогов) заключается в стремлении государства обеспечить условия для максимального экономического роста, стимулируя предпринимательскую активность. Индикаторы подобного типа налогообложения наблюдаются, как правило, непосредственно перед фазой экономической стагнации, обусловленной кризисом производства.

Наконец, третий тип, который мы вслед за Е.А. Рочевой [13, с. 3] будем именовать «политикой разумных налогов», является наиболее совершенным типом регулирования налоговых поступлений от бизнеса, применяемым в экономически развитых странах. Государство за счет снижения налогов, введения преференций и льгот, дифференциации налогов в зависимости от типа бизнеса непрерывно реформирует и модернизирует налоговую систему, что, в свою очередь, положительно сказывается на деятельности

малых предприятий, которые в таких условиях могут тратить большую часть доходов на развитие своих внутренних бизнес-процессов.

Исторически малый бизнес в России развивался достаточно низкими темпами, и меры по его государственной поддержке в области налогообложения начали применяться позднее в сравнении с практикой зарубежных стран [17, с. 188]. Специальные налоговые режимы начали функционировать только к 1996 г. Закрепление их на законодательном уровне произошло в 2001 г. (НК РФ пополнился разделом «Специальные налоговые режимы»). Данный этап стал весьма важным для российского малого предпринимательства и позволил обеспечить более благоприятные условия ведения бизнеса малыми компаниями.

Уровень налоговой нагрузки на малые предприятия и показатель соотношения «налоговые доходы / ВВП» в нашей стране характеризуются цикличностью изменений: налоговое бремя на малые предприятия возрастало при подъемах ВВП и снижалось в периоды замедления общестранового экономического роста. К примеру, показатели налоговой нагрузки в 2018 г. были приближены к значениям 2006–2007 гг., когда ежегодный темп роста ВВП превышал 8 %. В период с 2016 по 2018 гг., когда рост ВВП составлял 1–2 % в год, налоговая нагрузка на субъекты малого бизнеса превысила 37 % [1, с. 107]. Обозначенная динамика указывает на две ключевые тенденции: циклический характер изменения объема налогового бремени и, несмотря на временные спады, его постепенное увеличение.

На современном этапе поддержка российского малого предпринимательства является национальным приоритетом. Это, в свою очередь, обусловлено ориентацией на инновационную модель экономического роста, освоением технологических сфер, что невозможно без участия малых бизнес-структур. Все это выражается в принятии ряда стратегических документов и нормативных правовых актов, направленных на развитие малого предпринимательства. К примеру, согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», зафиксирована цель

по увеличению численности занятых в сфере малого предпринимательства до 25 млн человек. Схожие положения представлены и в тексте Общенационального плана действий («восстановление и развитие индивидуального, малого и среднего предпринимательства») [14, с. 25].

Среди недавних изменений нормативно-правового поля следует выделить постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики», которое обозначило ряд мер поддержки для организаций, пострадавших от распространения коронавирусной инфекции. Согласно Постановлению, субъектам малого бизнеса были продлены сроки предоставления налоговых деклараций и уплаты ряда налогов. Микропредприятия, помимо прочего, получили отсрочку по уплате страховых взносов. Кроме того, до 31 мая 2020 г. действовал мораторий на вынесение решений и проведение выездных проверок полноты исчисления налогов; приостановлено проведение проверок соблюдения валютного законодательства. Главной задачей этих законодательных мер стало снижение рисков банкротства небольших предприятий по причине отсутствия выручки [1, с. 115].

Е.А. Рочева утверждает, что в период с 2021 по 2023 г. весьма существенные изменения возможны за счет «маневра по сбалансированному снижению прямых налогов на труд предприятий малого и среднего бизнеса через совершенствование эффективности налоговых льгот при добыче нефти, увеличение справедливости распределения природной ренты при добыче отдельных твердых ископаемых и уменьшение регрессивности налогообложения доходов» [13, с. 6].

Важную роль в налоговой поддержке малого бизнеса играет Закон № 66-ФЗ от 26 марта 2022 г. В его рамках был подготовлен пакет дополнительных налоговых льгот для предпринимательских структур. В частности, важным решением органов власти стало предоставление авансов по налогу на прибыль – компании стали рассчитывать суммы авансовых платежей на основании показателей фактической прибыли.

Изменения коснулись также расчета налога на имущество компаний. Объем налоговой базы за 2023 г. будет рассчитываться на ос-

новании кадастровой стоимости на 1 января 2022 г. Изменился также размер пени за просрочку выплат налоговых отчислений.

Компании были освобождены от выплат пени с 31-го дня просрочки по 1/150 ставки Центрального Банка России за день; пеня за весь период рассчитывается исходя из 1/300 ставки за день. Данная мера не затрагивает просрочки, допущенные индивидуальными предпринимателями. Кроме того, приостановлена деятельность по инициации банкротства налоговыми органами – данная мера направлена на реструктуризацию задолженности малых компаний [18]. Официально провозглашена невозможность возбуждения уголовных дел в связи с совершением ряда налоговых преступлений.

Естественно, даже эффективная политика по поддержке малого бизнеса не является гарантом «спокойного прохождения малого бизнеса через затяжной тяжелый кризис» [7, с. 50]. Налоговые отсрочки и субсидируемые кредиты в любом случае предполагают осуществление платежей. В странах Запада государство оказывает безусловную безвозмездную поддержку предприятиям, что влечет за собой беспрецедентные уровни бюджетных дефицитов. В России же рост дефицита бюджета не является целевым ориентиром, поэтому государство следует стратегии оказания адресной помощи.

На первый взгляд, в России внедрено недостаточно инновационных алгоритмов регулирования налоговой политики в отношении малого бизнеса, но тем не менее следует учитывать, что традиционные механизмы поддержки малых предприятий, предусмотренные ранее, работают вполне эффективно [7, с. 48]. Исследователи в контексте анализа деятельности малых предприятий указывают на следующие недостатки налоговой системы: небольшое количество льгот для малого бизнеса; существенные ограничения по видам деятельности в специальных налоговых режимах; усложненная процедура бухгалтерского учета [17, с. 189].

Представители небольших компаний в России в целом оценивают уровень налоговой нагрузки как достаточно высокий, причем сложнее всего приходится недавно созданным предприятиям, которые начинают свою деятельность в условиях жесткой конкуренции. В отличие от других государств, в рос-

сийской системе налогообложения отсутствует пороговый критерий по доходу малых и средних предприятий и численности кадров. Кроме того, в странах Запада наблюдается колоссальная разница между ставками корпоративного налога и налога на прибыль малых предприятий [9, с. 1014].

Политика стимулирования развития малых предприятий в фокусе отраслевого критерия налогообложения

Правительства многих стран успешно применяют стратегию налогового протекционизма в определенных отраслях производства. В частности, в аграрных странах протекционизм представляет собой единственное условие функционирования сельскохозяйственных предприятий в контексте индустриализации. Государства, проводя протекционистскую политику, используют различные инструменты, выбор которых зависит от конкретной ситуации [10]. В России отраслевой критерий в системе налогообложения малых предприятий представлен не так очевидно, но тем не менее некие меры учета отраслевой принадлежности при налогообложении субъектов малого бизнеса все же принимаются.

К примеру, согласно ст. 284 Налогового кодекса, льготами по налогу на прибыль наделяются компании-резиденты Арктики (нулевая ставка налога, поступающего в федеральный бюджет, и пониженная – в региональный). В период пандемии был принят Федеральный закон от 15.10.2020 № 323-ФЗ, который наделял производителей периодических изданий правом на списание нереализованной продукции до 30 % от стоимости тиража. Кроме того, определен ряд льгот для сфер бизнеса, в существенной степени пострадавших в период пандемии – рестораны, фитнес-клубы, торговые предприятия [6, с. 114].

Исследователи говорят о необходимости снижения налоговой нагрузки на малый бизнес, ориентированный на внутренний рынок; однако на сегодняшний день, как указывают И.С. Букина и А.И. Смирнов, прогнозы и основные направления деятельности правительства не позволяют усмотреть возможности принятия подобных мер в ближайшем будущем [1, с. 114]. По мнению авторов, льготы по основным налогам – НДС и налогу на прибыль – будут способствовать «снижению налоговой нагрузки на отечественных про-

изводителей, которые ведут свою деятельность и инвестируют средства в пределах территории РФ» [1, с. 117].

За исключением нескольких точечных антикризисных мер государство практически не стимулирует малые предприятия, которые работают в сфере услуг. Возможно, причина этого заключается в том, что государственные органы не усматривают необходимости вмешательства в функционирование данной отрасли. При этом за рубежом имеется множество примеров эффективных мер государства по облегчению налогового бремени предприятий в сфере услуг [2, с. 307].

Исключением из подобной тенденции являются изменения в обложении НДС для туристической и гостиничной индустрии. В рамках обсуждения Закона от 26.03.2022 № 66-ФЗ было предложено установить ставку 0 % на период в 5 лет за услуги по предоставлению мест для временного проживания. Подобная ставка устанавливается и в отношении услуг аренды, управления объектами индустрии гостеприимства, введенных в эксплуатацию после 1 января 2022 г.

Пожалуй, единственная сфера, где заметна существенная вариативность российской налоговой политики – это информационные технологии. Вышеотмеченный Закон расширил перечень расходов, по которым ИТ-компания может получить так называемый инвестиционный налоговый вычет. В данный перечень входят расходы, понесенные компанией на научные исследования и разработки; 90 % подобных расходов подлежат налогообложению по сниженной ставке (отчисления в региональный бюджет), а 10 % – в федеральный бюджет. Кроме того, снижен налог на прибыль для ИТ-компаний (с 20 % до 3 %).

Данные меры были окончательно оформлены и утверждены 23 июня 2020 г., когда Президентом было объявлено о стратегии поддержки отечественной ИТ-отрасли посредством новых налоговых льгот. Данный налоговый режим вступил в силу 1 января 2021 г. Обозначенный комплекс мер направлен, во-первых, на увеличение доли экспорта программного обеспечения, а во-вторых, – на повышение адаптивности социальной системы к экономическим кризисам за счет имплементации цифровых технологий в деятельность государственных органов

и экономических субъектов [3, с. 9]. Обратной стороной подобной политики В.В. Громов называет отторжение массовой ответственностью данной практики и восприятие налоговой системы как несправедливой. Акцент в налоговой политике на поддержку IT-компаний способствует появлению ожиданий в получении льгот среди иных групп налогоплательщиков [3, с. 10].

В последующем спектр мер налоговой поддержки расширился. В частности, Закон № 66-ФЗ от 26 марта 2022 г. предусмотрел, помимо прочего, особый налоговый режим для компаний IT-отрасли с 2022 по 2024 гг. (ставка налога на прибыль таким образом составила 0 %). В случае, если компания, занятая в сфере IT, была аккредитована соответствующим образом, применяется нулевая ставка налога на прибыль до 31 декабря 2024 г. В течение 2022–2024 гг. эти компании избавляются от налоговых и валютных проверок и других видов государственного и муниципального контроля [11].

Роль органов местного самоуправления в снижении налогового бремени субъектов малого бизнеса

Как неоднократно отмечалось в настоящей статье, комплекс мероприятий по повышению эффективности налогообложения малых предприятий сосредоточен на федеральном и региональном уровне. Однако успешность ведения бизнеса во многом определяется условиями, формируемыми на муниципальном уровне. Речь идет, прежде всего, о гибкости муниципальной политики в отношении субъектов малого предпринимательства и наличии продуктивного диалога местной власти и бизнеса.

В Российской Федерации региональные органы власти имеют право устанавливать некоторые условия налогообложения малых предприятий; это касается вариаций налоговой ставки по виду деятельности, по показателю штатной численности персонала, по продолжительности налоговых каникул и пр. Регионы могут ограничить введение налоговой ставки в размере 0 % [8, с. 389].

В качестве примера успешной реализации полномочий по налоговому стимулированию малого бизнеса на региональном уровне можно привести меры, принятые в Свердловской области в области регулирования налога на имущество юридических

лиц. Во-первых, в 2020 г. вступила в силу обновленная версия областного закона о налоге на имущество организаций, благодаря чему была имплементирована система сниженных и дифференцированных налоговых ставок: от 0 до 1,5 % в зависимости от категории налогоплательщиков. Сниженная ставка применяется компаниями в том случае, если они соответствуют установленным критериям по уровню заработной платы. Во-вторых, в 2020 г. арендодатели коммерческой недвижимости получили право на снижение суммы налога на имущество юридических лиц на 35 % [14, с. 28].

Налоговый инструментарий, применяемый на муниципальном уровне с целью поддержки малого бизнеса, имеет существенные ограничения. По существу, полномочия, которыми обладают органы местного самоуправления, заключаются в установлении ставок по двум налогам: земельный налог и налог на имущество физических лиц. Безусловно, данное ограничение не позволяет органам местного самоуправления инициировать какие-либо существенные действия для развития малого бизнеса. Излишняя централизация политики по определению условий налогообложения фактически лишает органы местного самоуправления стимула к выстраиванию диалога с малым бизнесом [14, с. 31].

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. По нашему мнению, уровень эффективности государственной налоговой политики в стимулировании российского малого бизнеса можно назвать средним. Множество новаций налогового законодательства датируются периодом пандемии и, соответственно, утрачивают эффект после ее прекращения. Тем не менее некоторые успешные меры по стимулированию развития малого бизнеса в стране уже были приняты, но значительная доля потенциала реформирования налоговой политики, на наш взгляд, остается нераскрытой. Выделена ключевая роль законодательных реформ в поддержке малого бизнеса; в данной связи следует отметить такие акты, как Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики», Закон № 66-ФЗ от 26 марта 2022 г. «О внесении изменений в части первую и вто-

рию Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации».

2. Если рассматривать налоговую поддержку малого предпринимательства по отраслям, можно отметить точечные меры по изменению в обложении НДС для туристической и гостиниц. Обширный комплекс мер был принят в сфере информационных технологий, где предусмотрен, помимо прочего, особый налоговый режим для компаний ИТ-отрасли до 2024 гг. (нулевая ставка налога на прибыль).

3. Очевидно, что налоговый инструментарий, применяемый на муниципальном уровне для поддержки малого бизнеса, имеет существенные ограничения: полномочия органов местного самоуправления заключаются, по существу, только в установлении ставок по двум налогам: земельный налог и налог на имущество физических лиц.

Список литературы

1. Букина И.С., Смирнов А.И. Направления налоговой политики России и возможность снижения налоговой нагрузки на отечественных производителей, ориентированных на внутренний рынок // *Финансы: теория и практика*. 2020. № 24(4). С. 104–119.
2. Воронина Н.А., Новоселова М.А. Методы государственного управления развитием сферы услуг // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2013. № 3-1. С. 306–310.
3. Громов В.В. Специфика и проблемы налогового стимулирования малых ИТ-компаний в России // *Финансовый журнал*. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–25.
4. Гудкова О.В. Роль и значение малого бизнеса, положение в современной экономике // *Хроноэкономика*. 2020. № 3 (24). С. 98–103.
5. Жидяева Е.С., Багян Г.А. Проблемные стороны налоговой политики в условиях современной России // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021. № 1 (33). С. 111–114.
6. Золочевская Е.Ю., Скидан А.В., Микая А.Т. Налоговая политика российской федерации: главные тренды и изменения // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021. № 3. С. 111–115.
7. Качанова Е.А., Смирнова Е.А. Налогово-бюджетные меры стимулирования предприятий малого бизнеса в условиях экономического кризиса // *Вопросы управления*. 2020. № 4 (65). С. 44–54.
8. Левшукова О.А., Белоусова А.С., Зацепилина Д.А. Анализ налогообложения малого бизнеса в России и в зарубежных странах // *Вестник Академии знаний*. 2021. № 4 (45). С. 385–390.
9. Махдиева Ю.М. Налогообложение субъектов

малого и среднего предпринимательства в России: проблемы и перспективы развития // *Индустриальная экономика*. 2021. № 5. С. 1011–1016.

10. Оленева С.В. Оптимизация ставки налогообложения в зависимости от отраслевой концентрации на международном олигополистическом рынке // *Управление экономическими системами*. 2013. № 10 (58). 12 с.

11. О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.03.2022 г. № 83. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.08.2022).

12. Прокопьева Т. В., Яковлева А.С. Анализ влияния налоговой политики на теневую экономику России и США // *Oeconomia et Jus*. 2022. № 1. С. 52–59.

13. Рочева Е.А. Налоговая политика России в условиях экономического кризиса // *E-Scio*. 2022. № 1 (64). 7 с.

14. Сониная Е.О. Проблемы реализации налоговой политики по поддержке малого предпринимательства на муниципальном уровне // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2021. № 3 (36). С. 24–35.

15. Сплошное статистическое наблюдение малого и среднего бизнеса за 2020 год. URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020 (дата обращения: 04.08.2022).

16. Статистика для национального проекта «малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 04.08.2022).

17. Тускаева М.Р., Тускаев Т.Р., Текоева Е.Р. Зарубежный опыт поддержки малого и среднего бизнеса // *Аудиторские ведомости*. 2021. № 4. С. 186–189.

18. ФНС России приняла решение о приостановлении с 9 марта инициирования банкротства должников. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11971151/ (дата обращения: 04.08.2022).

References

1. Bukina I.S., Smirnov A.I. Directions of Russia's tax policy and the possibility of reducing the tax burden on domestic producers focused on the domestic market. *Finance: theory and practice*. 2020. No. 24(4). pp. 104-119.
2. Voronina N.A., Novoselova M.A. Methods of state management of the development of the service sector. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*. 2013. No. 3-1. pp. 306-310.
3. Gromov V.V. Specifics and problems of tax incentives for small IT companies in Russia. *Financial Journal*. 2022. Vol. 14. No. 1. pp. 8-25.
4. Gudkova O.V. The role and importance of small business, the situation in the modern economy. *Chronoeconomics*. 2020. No. 3 (24). pp. 98-103.
5. Zhidyayeva E.S., Bagyan G.A. Problematic aspects of tax policy in modern Russia. *Natural sciences and humanities research*. 2021. No. 1 (33). pp. 111-114.
6. Zolochevskaya E.Yu., Skidan A.V., Mikaya A.T. Tax policy of the Russian Federation: main trends and changes. State and municipal administration. *Scientific notes*. 2021. No. 3. pp. 111-115.
7. Kachanova E.A., Smirnova E.A. Fiscal measures to stimulate small business enterprises in the conditions of

the economic crisis. *Management issues*. 2020. No. 4 (65). pp. 44-54.

8. Levshukova O.A., Belousova A.S., Zatsepilina D.A. Analysis of taxation of small business in Russia and in foreign countries. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021. No. 4 (45). pp. 385-390.

9. Mahdieva Yu.M. Taxation of small and medium-sized businesses in Russia: problems and prospects of development. *Industrial Economy*. 2021. No. 5. pp. 1011-1016.

10. Oleneva S.V. Optimization of the tax rate depending on the industry concentration on the international oligopolistic market. *Management of economic systems*. 2013. No. 10 (58). 12 p.

11. *On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 83 dated 02.03.2022*. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 08/04/2022).

12. Prokopyeva T. V., Yakovleva A.S. Analysis of the impact of tax policy on the shadow economy of

Russia and the USA. *Oeconomia et Jus*. 2022. No. 1. pp. 52-59.

13. Rocheva E.A. Tax policy of Russia in the conditions of the economic crisis. *E-Scio*. 2022. No. 1 (64). 7 p.

14. Sonina E.O. Problems of implementing tax policy to support small business at the municipal level. *Municipality: economics and management*. 2021. No. 3 (36). pp. 24-35.

15. *Continuous statistical observation of small and medium-sized businesses for 2020*. URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020 (accessed: 08/04/2022).

16. *Statistics for the national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative"*. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (date of address: 04.08.2022).

17. Tuskaeva M.R., Tuskaev T.R., Tekoeva E.R. Foreign experience in supporting small and medium-sized businesses. *Audit statements*. 2021. No. 4. pp. 186-189.

18. *The Federal Tax Service of Russia decided to suspend the initiation of bankruptcy of debtors from March 9*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11971151/ (accessed: 08/04/2022).

УДК 301.162

Чажаева Майнат Маусуровна,

*кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного и муниципально-
го управления, Чеченский
государственный университет
имени А. А. Кадырова, г. Грозный, Россия,
e-mail: mchajae@mail.ru*

Ильясова Карина Хасайновна,

*старший преподаватель кафедры эконо-
мики управления в образовании, Чечен-
ский государственный педагогический
университет, г. Грозный, Россия,
e-mail: Karina.i86@mail.ru*

Бибулатова Лайла Адамовна,

*студент, Чеченский государственный
педагогический университет,
г. Грозный, Россия*

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
КОНФЛИКТОВ В СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье рассматриваются понятия конфликта и конфликтных ситуаций, выделяются характеристики педагогических конфликтов и действия, которые могут сопровождать конфликты. Автор рассматривает причины, которые могут привести к конфликтам между учащимися и между преподавателями и учащимися. Также рассматриваются способы разрешения конфликтных ситуаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : конфликт; эффект; потенциал; образование; педагогика.

UDC 301.162

Chazhaeva Mainat Mausurovna,

*Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor of the Department of State and
Municipal Administration, Chechen State
University named after A. A. Kadyrov,
Grozny, Russia, e-mail: mchajae@mail.ru*

Ilyasova Karina Khasaynovna,

*Senior Lecturer, Department of Economics,
Management in Education, Chechen State
Pedagogical University, Grozny, Russia,
e-mail: Karina.i86@mail.ru*

Bibulatova Laila Adamovna,

*student, Chechen State Pedagogical
University, Grozny, Russia*

**CAUSES OF CONFLICTS IN THE
SOCIO-PEDAGOGICAL PROCESS**

The article discusses the concepts of conflict and conflict situations, highlights the characteristics of pedagogical conflicts and actions that may accompany conflicts. The author considers the reasons that can lead to conflicts between students and between teachers and students. Methods for resolving conflict situations are also considered.

К e y w o r d s : conflict; Effect; potential; education; pedagogy.

Чтобы разрешить или предупредить конфликт, необходимо прежде всего установить причины его возникновения. Это позволит предпринять меры по устранению существующих или потенциальных причин и предотвратить деструктивный эффект конфликта [5].

Причины конфликтов в образовании – это те обстоятельства, события и условия, которые сложились в учебно-воспитательном процессе и привели к возникновению противоречий между конфликтующими сторонами. Сложность выявления причин возникновения педагогических конфликтов кроется в специфике самой педагогической деятельности, ибо конфликт характеризует педагога не с лучшей стороны.

Зачастую причины педагогического конфликта могут быть неочевидными. Конфликт в образовательной среде вызывают ситуации, явления, факты, которые приводят к возникновению или назреванию определенных условий негативного и напряженного взаимодействия участников образовательного процесса. Кроме того, педагогический конфликт втягивает в свою орбиту дополнительных участников, расширяя свои границы и затрудняя нахождение истинных причин.

Все причины конфликтов в образовательном процессе классифицируют на две группы: объективные и субъективные.

Объективные причины конфликта выражены событиями, которые привели к столкновению интересов и мнений взаимодействующих субъектов образования.

К объективным обстоятельствам конфликта можно отнести следующие:

- низкий культурно-образовательный уровень педагогических работников;
- социальная несправедливость в обществе;
- недоверие к властям или к администрации образовательной организации;
- слабая нормативная основа в области разрешения социальных противоречий.

Субъективные причины связаны с психологическими и индивидуальными особенностями участвующих в конфликте сторон. Психологические особенности характера личности оказывают значительное влияние на восприятие конфликта, определяют стратегию поведения.

К субъективным причинам конфликта относят:

- низкий уровень знаний в области предотвращения или разрешения конфликта;
- особенности человеческой психики, нервной системы, характера;
- культурно-нравственные установки, ценности, мотивы и потребности личности;
- разные цели ожидания;
- социальная или материальная неудовлетворенность.

Основной причиной конфликта, как правило, являются личностные особенности психики, характер человека. К педагогическим противоречиям могут привести разные цели, ценности, манера поведения, уровень культуры субъектов образовательного процесса, а также общность выполняемых задач, соперничество, ограниченность ресурсов и т.д.

По мнению Б.А. Холмуминовой, общими причинами конфликтов в образовании служат [10]:

- неблагоприятная психологическая атмосфера в образовательной организации;
- недостатки в учебно-методической работе образовательной организации;
- социально-экономическая ситуация в регионе и стране;
- несовершенство формальных и неформальных отношений в образовательной среде.

Д.Х. Нарзикулова отмечает, что все основные причины педагогических конфликтов кроются в [6]:

- в неудовлетворенности педагогами выбранной профессией;
- повышенной нагрузке на педагогов, на плечи которых легли и ответственность за качество обучения, и соблюдение сохранности здоровья учащихся, и постоянное дублирование отчетной документации;
- падении престижа труда педагога, недооценке значения педагогической деятельности со стороны учащихся, родителей и общества;
- монотонности педагогической деятельности;
- содержательной и методической несостоятельности форм и методов обучения.

На рис. 1 представлены объективные и субъективные причины конфликтов в образовательной организации.

Также в образовательной организации нередко конфликты обучающихся с педагогами и администрацией учебного заведения. Кон-

фликты с обучающимися в образовательном процессе, как правило, связаны с их возрастными изменениями в разные периоды развития, что приводит к агрессивности. Это связано с изменениями в поведении учащихся, обусловленными психологическими и индивидуальными особенностями развития личности.

Стоит отметить также и конфликты родителей и педагогов. Зачастую они связаны с неудовлетворенностью учебно-воспитательным процессом, некомпетентностью педагогов и родителей учащихся в некоторых во-

просах коммуникации или просто статусным характером противоречий.

Как отмечено выше, на конфликтность личности оказывают влияние различные условия: эмоциональное состояние, темперамент, характер, ценностные установки, неудовлетворенность условиями жизни и деятельности, уровень культуры оппонентов и др. [4, с. 400].

Конфликтность студентов профессиональных образовательных учреждений чрезвычайно ярко выражена и связана с особенностями юношеского возраста, когда

Объективные	Субъективные
<ul style="list-style-type: none"> • Социально-экономическое положение педагогов. • Условия педагогической деятельности. • Организация коммуникации в образовательной организации. • Повышенная ответственность за качество образования, а также за жизнь и здоровье обучающихся. • Недостаточная степень удовлетворения базисных потребностей обучающихся. • Противопоставление функционально-ролевых позиций преподавателя и обучающегося. • Существенное ограничение степеней свободы (требования жесткой дисциплины, подчинения, отсутствие возможности выбора преподавателя, предмета, аудитории, обязательное посещение занятий и т.д.). • Различия в представлениях, ценностях, жизненном опыте, принадлежности к разным поколениям (проблема «отцов и детей»). • Зависимость обучающегося от преподавателя. • Необходимость оценивания обучающихся преподавателем. • Игнорирование личных проблем обучающихся в формализованных образовательных системах. • Множественность ролей, которые вынужден играть обучающийся в силу предъявляемых к нему разных, порой противоположных требований в образовательной организации, родителями, товарищами, какими-либо другими значимыми людьми. • Различие между учебным материалом и явлениями, объектами реальной жизни. • Социальная нестабильность и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • Психологическая несовместимость студента и преподавателя. • Наличие у преподавателя или студента определенных черт характера, определяющих так называемую «конфликтную личность». • Отсутствие коммуникативной культуры у участников образовательного процесса. • Необходимость изучения данного предмета всеми учащимися и отсутствие интереса к нему у отдельно взятого студента. • Несоответствие интеллектуальных, физических возможностей данного студента и предъявляемых к нему требований. • Недостаточная компетентность преподавателя (отсутствие опыта, знаний по предмету, готовности к разрешению конфликтов, низкий уровень развития определенных профессиональных способностей). • Наличие у студента или преподавателя серьезных личных проблем, сильного нервного напряжения, стресса. • Чрезмерная загруженность участников образовательного процесса. • Отсутствие самостоятельности, творческого начала в учебном процессе. • Несоответствие самооценки студента и оценки, данной ему преподавателем

Рисунок 1 – Объективные и субъективные причины конфликтов в образовании

происходит переоценка ценностей, перестройка системы отношений в разных ситуациях. Ведущей деятельностью студентов, помимо учебно-познавательной, является общение. Молодой человек не находит удовлетворения в общении с ближайшим социальным окружением: с родителями и учителями [2].

Конфликты являются обязательным элементом студенческих возрастных периодов. Особенности конфликтности данного возраста являются: перестройка самосознания, мышления, самоутверждение; формирование «Я-концепции»; изменение интересов, способностей, темперамента, склонностей, характера личности. Период взросления сопровождается изменениями в психоэмоциональной сфере. Это проявляется в колебаниях настроения, повышенной черствости, холодности к другим и чрезмерной чувствительности и ранимости, неспособности к адекватной оценке жизненных обстоятельств, неуравновешенности поведения, импульсивности [1].

У молодых людей часто не развиты адекватные формы выражения чувства взрослости: умение принимать ответственность, излагать и отстаивать свое мнение, избегать конфликтов. Недостаточная сформированность социальных навыков в этом возрасте мешает успешной социализации. Это может служить причиной повышенной конфликтности и неустойчивого поведения подрастающего поколения [3, с. 252].

Кроме того, исследователи причин агрессивности молодых людей утверждают, что конфликтность студентов несет на себе определенный отпечаток социального и финансового положения семьи. Студенты из социально неблагополучных семей чаще всего конфликтуют с педагогами и со сверстниками по причине своего невежливого, неуважительного отношения при общении с ними. В более благополучных семьях основной причиной конфликта, как правило, выступает несоблюдение требований педагогов и/или администрации учебного заведения и проявление студентами инициативы и самостоятельности [2].

Стоит отметить, что причиной повышенной конфликтности студентов в образовательном процессе служит авторитарный стиль управления. По мнению А. Бодалева,

стиль коммуникаций между педагогами и обучающимися, а также между самими обучающимися определенным образом обусловлен структурой управления в образовательной организации. Каждый педагог имеет свой стиль общения с обучающимися. Характер преподавания, манера поведения педагога в общении с обучающимися отражается на эмоциональном состоянии и внутренних переживаниях последних и влияет на формирование их личностных качеств [3].

Решением конфликта служит устранение причины, его вызвавшей. Часто педагогические конфликты достаточно легко решаемы, если педагог психологически готов и владеет навыками устранения последствий конфликтной ситуации. [3].

Деструктивная конфликтность студентов основана на таких компонентах, которые составляют содержание личности:

- неадекватные жизненные ценности и ориентации;
- высокий уровень личностной тревожности и агрессивности;
- твердость характера, значительная ригидность вместе с низкой способностью к эмпатии;
- низкая личностная рефлексия в сочетании с неадекватной (завышенной или заниженной) самооценкой.

Деструктивная конфликтность студентов обусловлена комплексом индивидуальных факторов, оказывающих негативное влияние на развитие личности [4, с. 401].

Основным субъективным фактором конфликтности студентов является агрессивность в поведении личности. Тенденция к негативному поведению в конфликтной ситуации связана с личностными особенностями обучающихся, определяющими склонность к характерному стилю общения. Она определяет и то, как студент будет вести себя в той или иной ситуации межличностного общения. Субъективная сторона конфликтности студента определяет также способности личности избегать разрушительных последствий конфликта, позволяя оценивать враждебность в поведении своего оппонента. Это даст возможность обучающемуся в любой конфликтной ситуации закреплять в своем «Я» моральные ценности, переживания [4, с. 401].

Обучающийся, попадая в ситуацию неадекватного внутриличностного взаимодей-

ствия, оказывается вовлеченным в атмосферу негатива, представляя то поведение, которое проявляют остальные участники конфликта. Он, будучи неспособным адекватно решить возникший конфликт, может усугубить его своим деструктивным поведением [4, с. 402].

Таким образом, главными причинами конфликтности студентов выступают низкий уровень рефлексии, неадекватная самооценка, низкие способности к эмпатии, жесткость характера, низкий уровень ценностных ориентаций, высокая степень агрессивности, условия жизни. Неадекватная форма внутриличностного взаимодействия обучающихся всегда связана с индивидуальными и психологическими особенностями их личности и становлением самосознания.

В психолого-педагогической литературе конфликт понимается как форма отношений между людьми, обусловленная противостоянием мотивов, норм, ценностей, интересов и потребностей. Педагогический конфликт представляет собой сложное явление, связанное с характером взаимодействия участников образовательного процесса. Конфликт в образовательной среде рассматривается как проявление субъектных противоречий в условиях учебно-воспитательного процесса. Такая форма профессионального и межличностного противоречия создает неблагоприятный напряженный эмоциональный фон общения участников образовательной деятельности. Столкновения конфликтующих сторон отрицательно влияют на ход и результаты образовательного процесса. Причинами конфликтов в образовательном процессе могут выступать объективные и субъективные условия.

Таким образом, студенческая конфликтность во взаимоотношениях обусловлена противоречиями в общении с субъектами социального действия (часто с педагогами и родителями) из-за неудовлетворенности их потребностей в понимании и справедливости.

Главными причинами конфликтности студентов выступают низкий уровень рефлексии, неадекватная самооценка, низкие способности к эмпатии, жесткость характера, низкий уровень ценностных ориентаций, высокая степень агрессивности, условия жизни. Неадекватная форма внутриличностного взаимодействия обучающихся всегда связа-

на с индивидуальными и психологическими особенностями их личности.

Нами выявлены факторы, негативно влияющие на коммуникативный процесс в образовательном учреждении: использование деструктивных способов реагирования в конфликтной ситуации (избегание и соперничество); к компромиссу прибегает малое количество студентов.

Результаты проведенного исследования позволили разработать практические рекомендации с учетом выявленных факторов негативного влияния на поведение студентов, которые направлены на корректировку деятельности со студентами по разрешению конфликтных ситуаций. Профилактика коррекции проявления межличностных конфликтов студентов в учебно-образовательной деятельности требует комплексной психологической работы, направленной на снижение личностной конфликтности и преодоление остроты проявлений агрессивности поведения обучающихся. При этом можно достичь эффективного взаимодействия обучающихся в образовательной среде.

Нами разработана программа профилактики конфликтов в профессиональной образовательной организации, способствующая оптимизации социально-психологического климата в коллективе. Целью программы является развитие у студентов умения и навыков общения и взаимодействия без напряжения, агрессии, негативной эмоциональной энергии.

Ожидаемым положительным эффектом от использования программы профилактики конфликтности студентов в образовательной организации станут:

- развитие личностной рефлексии, самооценки, способности к эмпатии, коммуникативной мотивации, социально-психологических знаний, позволяющих правильно реагировать на эмоциональные события;
- развитие коммуникативных навыков, навыков психической саморегуляции.

Список литературы

1. Андреев В.И. Основы педагогической конфликтологии. М., 1995. 150 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: Питер, 2020. 560 с.
3. Бодалев А.А. Общая психодиагностика. СПб: Речь, 2011. 470 с.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 2012. 446 с.

5. Леонов Н.И. Конфликтология: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. 396 с.

6. Нарзикулова Д.Х. Некоторые особенности педагогических конфликтов // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 984.

7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Книга по требованию, 2017. 244 с.

8. Сорокина Е.Г., Вдовина М.В. Конфликтология в социальной работе: учебник для бакалавров. 2-е изд., стер. М.: Дашков и К°, 2020. 282 с.

9. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Разрешение конфликтов и ведение переговоров. Красноярск–Москва, 2017. 144 с.

10. Холмунинова Б.А. Причины и некоторые особенности педагогических конфликтов // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1312–1314.

References

1. Andreev V.I. *Fundamentals of pedagogical conflictology*. M., 1995. 150 p.

2. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *Conflictology*. M.: Peter, 2020. 560 p.

3. Bodalev A.A. *General psychodiagnostics*. St. Petersburg: Speech, 2011. 470 p.

4. Bozhovich L.I. *Personality and its formation in childhood*. M.: Enlightenment, 2012. 446 p.

5. Leonov N.I. *Conflictology: studies. manual*. M.: Yurayt, 2019. 396 p.

6. Narzikulova D.H. Some features of pedagogical conflicts. *Young scientist*. 2014. No. 3. p. 984.

7. Smith A. *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. M.: Book on demand, 2017. 244 p.

8. Sorokina E.G., Vdovina M.V. *Conflictology in social work: textbook for bachelors. 2nd ed., ster.* M.: Dashkov and Co., 2020. 282 p.

9. Hasan B.I., Sergomanov P.A. *Conflict resolution and negotiation*. Krasnoyarsk–Moscow, 2017. 144 p.

10. Kholmuminova B.A. Causes and some features of pedagogical conflicts. *Young scientist*. 2016. No. 10. pp. 1312-1314.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

1. Общие требования к авторским материалам и условия публикации в журнале

1.1. Направляемые в журнал статьи должны содержать результаты самостоятельных научных исследований авторов, соответствовать научному уровню и тематическому профилю журнала (экономика и управление народным хозяйством, право), обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов.

1.2. Представление в редакцию материалов, ранее опубликованных, размещенных в Интернете или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

1.3. Рекомендуемый объем рукописи: не менее 8 и не более 22 машинописных страниц формата А4.

1.4. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора.

1.5. К статье прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

1.6. При подаче статьи по усмотрению автора может быть представлена внешняя рецензия.

1.7. Рукописи студентов, магистров, аспирантов принимаются к рассмотрению только при наличии краткого отзыва научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи.

1.8. Принятые к рассмотрению статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва рецензента - научному и литературному редактированию.

2. Сведения об авторе

2.1. В сведениях об авторе (авторской справке) указываются (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество полностью;
- ученая степень, ученое звание, почетное звание, членство в академиях, звание лауреата (при наличии);
- статус соискателя, адъюнкта, аспиранта, магистра, студента (с указанием кафедры) (при наличии);
- занимаемая должность;
- место работы / службы / учебы (полное наименование организации с указанием ее почтового адреса);
- название подразделения организации;
- контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

2.2. Если статья написана в соавторстве, то сведения представляются на каждого автора в отдельности в одном текстовом документе.

3. Порядок направления в редакцию рукописей статей и сопроводительных документов к ним

3.1. Рукопись статьи, сведения об авторе (авторская справка), краткий отзыв научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи студентов, магистров, соискателей, аспирантов (скан) направляются по электронной почте либо на электронном носителе;

3.2. Рецензия, заверенная подписью работника и скрепленная печатью организации, направляются только на бумажном носителе.

3.3. Материалы в электронном виде отправляются по адресу электронной почты: izd-pegas@yandex.ru.

3.4. Текстовые оригиналы материалов отправляются по почте либо доставляются лично автором / доверенным лицом автора по адресу: 160033, Вологда, ул. Текстильщиков, д. 20А, офис 1, шеф-редактору журнала «Индустриальная экономика».

4. Оформление рукописи

4.1. Технические параметры статьи:

- Формат страницы: А4 (210x297 мм).
- Текстовый редактор: Microsoft Word97 и выше.
- Шрифт: Times New Roman.
- Поля: левое – 3 см; правое – 1,5 см; верхнее и нижнее – 2 см.
- Кегль (размер шрифта): 14 пунктов.
- Межстрочный интервал: полуторный.
- Расстановка переносов: не допускается.
- Нумерация страниц: внизу или вверху по центру.
- Нумерация сносок: сквозная по всему тексту статьи.
- Выравнивание основного текста и ссылок: по ширине.
- Абзацный отступ: 1,25 см.

4.2. Обязательные составные элементы статьи:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация);
- заголовок;
- аннотация;
- ключевые слова;
- основной текст;
- библиографический список;
- сведения об авторе.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе/соавторах представляются на русском и английском языках.

4.3. Графические элементы и иллюстрации:

- таблицы, схемы, графики, рисунки и фотоиллюстрации должны быть пронумерованы и озаглавлены (сопровождены подписями);
- исходные таблицы, схемы, графики предоставляются в отдельных файлах в формате программы, в которой они были созданы;
- исходные рисунки и фотоиллюстрации также предоставляются в отдельных файлах;
- разрешение растровых иллюстраций должно быть не менее 300 dpi.

4.4. Список литературы:

– список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;

– при оформлении библиографического списка в журнале применяется комбинированный алфавитно-систематический принцип, согласно которому литература располагается в следующем порядке:

а) официальные документы:

- нормативные правовые акты Российской Федерации;
- международные акты, ратифицированные Российской Федерацией (в первую очередь идут документы ООН) (располагаются после Конституции Российской Федерации);
- утратившие юридическую силу нормативные правовые акты Российской Федерации с обязательным указанием в скобках «утратил силу»;
- нормативные правовые акты России и СССР, относящиеся к историческим материалам: документы, принятые до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; документы советского периода;
- нормативные правовые акты иностранных государств, в которых Российская Федерация не участвует;
- действующие и утратившие силу нормативные правовые акты размещаются по степени значимости. Документы с равной юридической силой, за исключением кодексов, группируются в обратном хронологическом порядке согласно датам их принятия (подписания Президентом Российской Федерации). Кодексы располагаются в алфавитном порядке.

б) научная и учебная литература: монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, энциклопедии, научные статьи, электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Размещение указанных источников, включая электронные ресурсы, осуществляется в алфавитном порядке по фамилиям автором и названиям источников;

в) литература на иностранных языках. Размещается в алфавитном порядке на языке оригинала. При наличии в библиографическом списке литературы на разных языках - вначале в порядке кириллического алфавита записи на языках, использующих шрифты на кириллической основе, затем в порядке латинского шрифта на языках с латинским шрифтом.

– все библиографические записи в списке литературы нумеруются. Отсылки заключаются в квадратные скобки [3; 12 и т. п.]; если идет ссылка на конкретные страницы: [3, с. 417].

4.5. Информация о статье на английском языке (указывается на последнем листе):

- название статьи;
- имя, о., фамилия авторов (транслитерация);
- место работы каждого автора (полное официальное англоязычное название организации);
- город, страна;
- аннотация;
- ключевые слова;
- коды по классификации JEL.
- автор для контактов, email.

5. Авторские права

Авторы, публикующие в данном журнале, предоставляют Университету дополнительного профессионального образования эксклюзивную лицензию на публикацию и распространение статьи (включая любые производные продукты, на всех языках) и сублицензирование таких прав, в том числе в коммерческих целях.

RULES FOR DESIGN, PRESENTATION AND PUBLICATION ARTICLES IN THE JOURNAL «INDUSTRIAL ECONOMICS»

1. General requirements for copyright materials and conditions for publication in a journal

1.1. Articles sent to the journal should contain the results of independent scientific research of the authors, correspond to the scientific level and thematic profile of the journal (economics and national economy management, law), have scientific novelty and be of interest to specialists.

1.2. Submission to the editor of materials previously published, posted on the Internet or sent for publication in other publications is not allowed.

1.3. Recommended manuscript size: no less than 8 and no more than 22 typewritten A4 pages.

1.4. In one issue of the journal no more than two materials of one author may be published.

1.5. Information about the author is attached to the article (author's certificate).

1.6. When submitting an article at the discretion of the author, an external review may be submitted.

1.7. Manuscripts of students, masters, graduate students are accepted for consideration only if there is a brief review of the supervisor / teacher with a recommendation for publication of the article.

1.8. Articles accepted for consideration are subject to peer review and, in the case of a positive reviewer review, to scientific and literary editing.

2. The information about the author

2.1. In the information about the author (author's certificate) are indicated (in Russian and English):

– surname, name, patronymic in full;

– academic degree, academic title, honorary title, membership in academies, title of laureate (if any);

the status of the applicant, associate, graduate student, master, student (indicating the department) (if any);

– position held;

– place of work / service / study (full name of the organization with its mailing address);

– name of organizational unit;

– contact information (address, phone, e-mail).

2.2. If the article is written in co-authorship, then the information is presented for each author individually in one text document.

3. The procedure for sending manuscripts to the editor and accompanying documents to them

3.1. The manuscript of the article, information about the author (author's note), a brief review of the supervisor / teacher with a recommendation to publish articles by students, masters, applicants, graduate students (scan) are sent by e-mail or on electronic media.

3.2. The review, certified by the signature of the employee and sealed with the seal of the organization, is sent only on paper.

3.3. Materials in electronic form are sent to the email address: izd-pegas@yandex.ru.

3.4. Text originals of materials are sent by mail or delivered personally by the author / authorized representative of the author to the address: 160033, Vologda, st. Tekstilshchikov, d. 20A, office 1, and chief editor of the journal «Industrial Economics».

4. The manuscript

4.1. Technical parameters of the article:

– Page format: A4 (210x297 mm).

– Text Editor: Microsoft Word97 and higher.

– Font: Times New Roman.

– Fields: left - 3 cm; right - 1.5 cm; upper and lower - 2 cm.

– Size (font size): 14 points.

– Line spacing: one and a half.

– Hyphenation: not allowed.

– Pagination: bottom or top center.

– Footnote numbering: crosscutting throughout the article.

– Alignment of the main text and links: in width.

– Indent 1.25 cm.

4.2. Mandatory constituent elements of the article:

- UDC index (universal decimal classification);
- title;
- annotation;
- keywords;
- main text;
- bibliographic list;
- Information about the author.

The title, abstract, keywords and information about the author / co-authors are presented in Russian and English.

4.3. Graphic elements and illustrations.

– Tables, diagrams, graphs, drawings and photo illustrations should be numbered and entitled (accompanied by signatures).

– Source tables, charts, graphs are provided in separate files in the format the program in which they were created.

– Original drawings and photo illustrations are also provided in separate files.

– The resolution of raster illustrations should be at least 300 dpi.

4.4. Bibliography:

– The list of references is made out in accordance with GOST R 7.0.5-2008 “Bibliographic reference. General requirements and compilation rules. «

– When registering a bibliographic list in a journal, a combined alphabetical and systematic principle is applied, according to which the literature is located in the following order:

a) Official documents:

- regulatory legal acts of the Russian Federation;
- international acts ratified by the Russian Federation (first of all, UN documents) (located after the Constitution of the Russian Federation);
- the normative legal acts of the Russian Federation that have lost legal force with the obligatory indication in brackets - “has lost force”;
- regulatory legal acts of Russia and the USSR related to historical materials: documents adopted before October 25 (November 7), 1917; documents of the Soviet period;
- regulatory legal acts of foreign states in which the Russian Federation is not involved;
- Existing and expired regulatory legal acts are placed by degree of significance. Documents with equal legal force, with the exception of codes, are grouped in reverse chronological order according to the dates of their adoption (signed by the President of the Russian Federation). Codes are in alphabetical order.

b) Scientific and educational literature: monographs, dissertations, textbooks, teaching aids, encyclopedias, scientific articles, electronic resources of local and remote access. Placement of the indicated sources, including electronic resources, is carried out in alphabetical order by the names of the author and the names of the sources.

c) Literature in foreign languages. Placed in alphabetical order in the original language. If the bibliographic list contains literature in different languages, first, in the Cyrillic alphabet, write in languages that use Cyrillic-based fonts, then in Latin order in languages with the Latin font.

– All bibliographic entries in the list of references are numbered. References are enclosed in square brackets [3; 12, etc.]; if there is a link to specific pages: [3, p. 417].

4.5. Information about the article in English (indicated on the last sheet):

- title of the article;
- Name O. Surname of authors (transliteration);
- place of work of each author (full official English name of the organization);
- city, country;
- annotation;
- keywords;
- JEL classification codes.
- contact author, email.

5. Copyright

Authors publishing in this journal provide University of Continuing Professional Education with an exclusive license to publish and distribute the article (including any derivative products, in all languages) and sublicense such rights, including for commercial purposes.

Уважаемые коллеги!

Университет дополнительного профессионального образования приглашает к сотрудничеству с ежеквартальными научно-практическими журналами ВАК:

«ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»
«ЖУРНАЛ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Аудитория журналов: научное сообщество в области права и экономики, преподаватели образовательных организаций, практикующие специалисты, аспиранты, магистры и студенты. Тираж – 1000 экземпляров.

Журналы соответствуют требованиям ВАК, Scopus и Web of Science, размещены в Российской электронной библиотеке eLIBRARY.RU (Россия).

Печатные издания Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК) включены в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук **по научным специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)** (экономические науки); **08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит** (экономические науки); **08.00.14 – Мировая экономика** (экономические науки) (с 25.12.2020 г. «Журнал прикладных исследований» № 968; «Индустриальная экономика» № 1128). «Журнал прикладных исследований» также включен в перечень по специальности: **12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки)** (с 05.04.2021 «Журнал прикладных исследований» № 968).

Конкурентные преимущества: высокое качество издания, короткие сроки выпуска, максимальный учет интересов и пожеланий заказчика.

Публикация научных статей в журналах позволит сообщить научной общественности об актуальных исследованиях, поднять личный импакт-фактор.

Уровень оригинальности в системе «Антиплагиат» не ниже 70 %.

Статьи направляйте по электронной почте: izd-pegas@yandex.ru.

Обращаем **внимание**, что для публикации в **приоритетном** порядке принимаются научные статьи лиц, имеющих **ученую степень и ученое звание**.

Годовая подписка на журнал составляет 7000 рублей. В случае опубликования статьи в наших журналах Вы можете приобрести дополнительный экземпляр журнала за наличный расчет. Стоимость журнала составляет 1000 рублей. Журнал мы также можем Вам направить по почте при наличии Ваших почтовых реквизитов и оплаты счета.

*Главный редактор журнала «Индустриальная экономика»,
журнала «Журнал прикладных исследований» СОКОЛОВ Алексей Павлович.
Генеральный директор Университета дополнительного профессионального образования
СОКОЛОВА Татьяна Борисовна*

Dear Colleagues!

University of Continuing Professional Education invites you to collaborate with quarterly scientific and practical journals:

«INDUSTRIAL ECONOMY»
«MAGAZINE OF APPLIED RESEARCHES»

Audience of journals: scientific community in the field of rights and economics, university professors, practicing specialists. The circulation is 1,000 copies.

The journals comply with the requirements of the Higher Attestation Commission, Scopus and Web of Science, are available in Russian electronic form eLIBRARY.RU (Russia).

Printed publications by the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (HAC) are included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in scientific specialties should be published: 08.00.05 - Economics and management of the national economy (by branches and spheres of activity) (economic sciences); 08.00.10 - Finance, money circulation and credit (economic sciences); 08.00.14 - World Economy (Economic Sciences) (from 25.12.2020, «Journal of Applied Research» No. 968; «Industrial Economy» No. 1128). «Journal of Applied Research»: 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law (legal sciences) (from 05.04.2021 «Journal of Applied Research» No. 968).

Competitive advantages: high quality of the publication, short terms of release, maximum consideration of the interests and wishes of the customer.

The publication of scientific articles in journals will allow the scientific community to be informed of relevant research, and to increase the personal impact factor.

The level of originality in the «Антиплагиат» system is at least 70%.

Articles are sent by e-mail: izd-pegas@yandex.ru.

We draw attention to the fact that scientific articles of persons with a scientific degree and academic rank are accepted for publication as a priority.

The annual subscription to the magazine is 7000 rubles. You can purchase the magazine in cash. The cost of the magazine is 1000 rubles. We can also send you by mail if you have your mailing details and bill payment.

*Chief Editor of Industrial Economics Magazine Journal of Applied Research
SOKOLOV Alexey Pavlovich*

General director of University of Continuing Professional Education SOKOLOVA Tatyana Borisovna